СВЕТОЧЬ

Ростовское церковно-историческое общество

2007

Альманах

Выпуск 2

ЕПИСКОП КОСТРОМСКОЙ И ГАЛИЧСКИЙ
СИЛЬВЕСТР(КУЛЯБКА)
(1745-1750)
ОСНОВАТЕЛЬ КОСТРОМСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ
(1747)

ПОСВЯЩАЕТСЯ 260-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ
КОСТРОМСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

СВЕТОЧ

АЛЬМАНАХ

№ 2 2007

Кострома
2007

СВЕТОЧ

АЛЬМАНАХ

Главный редактор ***протоиерей Дмитрий Сазонов***

Редакционная коллегия:

А. М. Белов, *доктор исторических наук;*

архимандрит Геннадий (Гоголев), *кандидат богословия;*

И. А. Едошина, *доктор культурологии*

Учредитель:

Костромское церковно-историческое общество

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО АРХИЕПИСКОПА КОСТРОМСКОГО И ГАЛИЧСКОГО АЛЕКСАНДРА

Дорогие братья и сестры!

Вашему вниманию предлагается альманах Костромского церковно-исторического общества «Светочъ», посвященный 260-летнему юбилею Костромской духовной семинарии. На его страницах вы найдете хронику новейшей истории возрожденной в 1996 г. семинарии, а также статьи, посвященные славной истории этого древнейшего на Костромской земле учебного заведения, очерки о временах и людях, о тех, кто, получив «полезные знания» в стенах этой духовной школы, потрудился во славу Божию и Отечества, принеся им плоды полученного образования. «Все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности, да будет совершен Божий человек, ко всякому делу приготовлен» (2 Тим. 3,16–17). Эти слова наиболее точно подходят к цели и назначению образования духовных школ – евангельской проповеди.

Сегодня мы подошли к новому порогу истории евангельской проповеди на Костромской земле – 260-летию основания Костромской духовной семинарии. Истории той духовной школы, которая явилась не только рассадником духовного просвещения в крае, но и воистину матерью высокой степени всеобъемлющего образования в нашем крае. Основанная в 1747 г. преосвященным Сильвестром (Кулябкой 1704–1761), с трудом изыскавшим средства на открытие духовной школы, она в своих стенах воспитала, образовала и передала на служение Отчизне выдающихся богословов и писателей, историков и археологов, математиков и врачей, юристов и педагогов. Среди них есть и люди, занимавшие высокое положение в Церкви и обществе, – митрополиты и маршалы, ректоры семинарий и университетов, члены Совета Министров. Есть скромные сельские пастыри и учителя школ. Всех их объединяла любовь к Богу, человеку и обширной, могучей, неповторимой в своей красоте Родине. Их трудами и пожертвованиями строились монастыри и храмы, открывались университеты, школы и ремесленные училища, музеи и библиотеки. Они основывали благотворительные и географические, исторические, археологические и медицинские общества, лечебницы и дома призрения для бедных.

Все они, каждый в своем деле, которое возложил на них Бог, явились просветителями и наставниками грядущих поколений, и тот огонь веры и подкрепленного ею подлинного знания, зажженный в стенах своей родной духовной школы, пронесли через всю свою жизнь, оставив в сердцах потомков высокое звание воспитанников Костромской духовной семинарии.

Вспомним их имена: протоиерей М. Я. Диев (1794–1866), выпускник семинарии 1813 г., замечательный историк Костромского края; протоиерей Ф. А. Голубинский (1798–1854), выпускник семинарии 1814 г., религиозный философ, профессор Московской духовной академии; епископ Порфирий (Успенский) (1804-1885), выпускник семинарии 1824 г., первый начальник Русской православной миссии в Иерусалиме, выдающийся востоковед, археолог, археограф; Е. Е. Голубинский (1834–1912), выпускник семинарии 1854 г., крупнейший церковный историк, профессор Московской духовной академии, академик Петербургской академии наук; епископ Костромской и Галичский Виссарион (Нечаев) (1822–1905), богослов и проповедник; И. В. Баженов, председатель Костромского церковно-исторического общества, магистр богословия, церковный историк Костромского края. А так же: математик А. В. Годнев (1850–1920), выпускник 1867 г.; физик Н. В. Соболев (1866–1904), выпускник 1887 г.; маршал, дважды Герой Советского Союза А. М. Василевский, выпускник 1915 г.

В годину трудных испытаний для Отчизны выпускники семинарии добровольцами уходили на фронт – так было и в Отечественную войну 1812, Первую мировую, так было и в Великую Отечественную войну, когда многие воспитанники семинарии отдали свои жизни на полях сражений.

Прослеживая прошедшую историю семинарии, нельзя не вспомнить новомучеников и исповедников XX в. и тот период, когда в июле 1918 г. решением исполкома горсовета это старейшее учебное заведение было закрыто. Когда воспитанники семинарии взошли на «Русскую Голгофу» и разделили участь многих своих соотечественников – исповедников Христа и Его Церкви. Назовем имена наиболее известных их них: архиепископ Федор (Поздеевский), ректор Московской академии, настоятель московского Данилова монастыря, после многих лет скитаний по ссылкам и монастырям расстрелянный в 1937 г. в Ивановской тюрьме; епископ Сызранский Фострий (Максимовский), замерзший во время этапирования в 1937г.; архиепископ Костромской и Галичский Никодим (Кротков), умерший в 1937 г. в Ярославской тюрьме, и многие другие епископы и священники, монашествующие и миряне, «за веру и Церковь Божию» пострадавшие, от ран, голода и холода скончавшиеся.

Но Господь, пославший испытания, дал и утешение – после 78-летнего периода закрытия, по указу Священного Синода от 17 июля 1996 г. состоялось возрождение Костромской духовной семинарии, 260-летний юбилей которой мы отмечаем в этом году.

«Итак, приемля царство непоколебимое, будем хранить благодать, которою будем служить благоугодно Богу, с благоговением» (Евр. 12, 28).

Открывая альманах Костромского церковно-исторического общества «Светочъ», посвященный юбилею Костромской духовной семинарии, пусть каждый прикоснется к славной истории духовной школы, пусть каждый найдет в ней черты «все-

благого Промысла Божия милующего и спасающего». И найдя через историю духовной школы и судеб людских «осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр. 1, 1), прославит Бога, благодателя нашего!

Александр,
Архиепископ Костромской и Галичский,
Председатель Синодального Отдела
по делам молодежи Русской Православной Церкви

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГУБЕРНАТОРА КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ В. А. ШЕРШУНОВА

Уважаемые земляки!

История нашего края, становления системы образования в нем, немыслима без истории Костромской духовной семинарии. Открытая в 1747 г. духовная школа явилась первой ласточкой системного образования на Костромской земле, очагом просвещения, культуры и духовности и нравственности. Говоря о высоте знаний, преподаваемых в ней, достаточно посмотреть на перечень изучаемых предметов, среди которых (кроме богословских и библейских предметов) значились: физика, логика, геометрия, поэзия, риторика, психология, знания по медицине, латинский, греческий, немецкий и французский языки, музыка, гимнастика, рисование (иконописание), ведение сельского хозяйства. О высокой степени образования свидетельствуют имена выдающихся представителей Русской Православной Церкви, деятелей науки и культуры нашего Отечества, знаменитых военачальников. Среди них историк Е. Е. Голубинский и доктор медицины П. И. Зарницин, магистр химии А. И. Реформатский и митрополит Киевский и Галицкий Арсений (Ф. П. Москвин). В семинарии учились предки драматурга А. Н. Островского и иерея П. А. Флоренского, писателя В. В. Розанова и церковного историка А. В. Горского.

Костромская духовная семинария явилась тем очагом просвещения и культуры, из которого, благодаря ее выпускникам, духовное, гимназическое и школьное образование распространилось по всей Костромской губернии. Усилиями воспитанников семинарии даже в самых отдаленных местах губернии были организованы библиотеки и читальни, проводились чтения по различным отраслям науки, культуре земледелия. Семинария была местом поэтических вечеров, богословских и научных диспутов. К концу XIX в. семинарская библиотека насчитывала до 19 тысяч экземпляров книг. В отделе редкой книги хранились рукописи на греческом, латинском, татарском, армянском, грузинском языках.

В год 260-летнего юбилея Костромской духовной семинарии вашему вниманию, читатель, представлен альманах Костромского церковно-исторического общества «Светочъ», в котором представлены наиболее яркие вехи истории семинарии, а также исторические события Отечества в преломлении судеб ее воспитанников.

Учитывая, какое определяющее значение имела семинария в деле просвещения края, становлении научного подхода в различных направлениях исследований, в формировании педагогических кадров, надеюсь, что данный альманах явится не только фактором, раскрывающим сведения исторического опыта предшествующих поколений, но и послужит фундаментом, на котором будут освоены задачи научного, воспитательного и образовательного характера для настоящих и будущих поколений.

От себя лично и от Администрации области желаю Костромской духовной семинарии дальнейших успехов в деле духовного и образовательного воспитания молодого поколения.

Губернатор Костромской области
Виктор Андреевич Шершунов

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО РЕКТОРА КОСТРОМСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ АРХИМАНДРИТА ГЕННАДИЯ (ГОГОЛЕВА)

Заметки о духовном образовании

Много написано об особом, «сердечном» знании в христианстве. «*Память сердца*», безусловно, сильнее способности ума сохранять рассудочные знания. Вспомним известные рассуждения Ф. М. Достоевского: «Говорят, русский народ плохо знает Евангелие, не знает основных правил веры. Конечно так, но Христа он знает и носит в своем сердце искони. Как возможно истинное представление Христа без учения о вере? Это другой вопрос. Но сердечное знание Христа и истинное представление о нем существует вполне». Наверное, Достоевский прав, если судить о народе по его лучшим представителям. Многих из них писатель знал лично и вывел на страницах своих произведений. Объясняя шестую заповедь блаженств «*Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят*», святитель Иоанн Златоуст говорит, что чистым сердцем Иисус Христос называет тех, которые приобрели всецелую добродетель и не сознают за собой никакого лукавства, или тех, которые проводят жизнь в целомудрии. Ибо для того, чтобы видеть Бога, мы ни в чем столько не имеем нужды, как в этой добродетели. Сердечное знание требует постоянного аскетического подвига. Апостол Павел не случайно призывает молодого пресвитера Тимофея: «*... возгревай дар Божий, который в тебе*» *(2 Тим. 1:6)*..

В одно время с Федором Михайловичем жил святитель Московский Филарет. Митрополит Филарет выражал, несомненно, более реалистичный взгляд. К своей пастве он обращался с тревожными, пророческими, и, как напишет протоиерей Г. Флоровский, пронзительными словами: «То правда, что не всем предназначен дар и долг учительства, и Церковь не многих удостоила имени Богословов. Однако же никому не позволено в христианстве быть вовсе неученым, и оставаться невеждою. Сам Господь не нарек ли Себя учителем и Своих последователей учениками?... Если ты не хочешь учить и вразумлять себя в христианстве, то ты не ученик и не последователь Христа, – не для тебя посланы Апостолы, – ты не то, чем были все христиане с самого начала христианства; – я не знаю, что ты такое, и что с тобою будет».

Истинное представление Христа невозможно без достоверного учения о вере, усвояемого разумом. Неясное мистическое чувство, которое носил в своем сердце русский крестьянин и ремесленник прошлого века, оказалось непрочным и не выдержало огненного испытания «религией революции».

В Костроме в советское время особым почитанием было окружено имя известного революционера Якова Свердлова. На главной улице города до сих пор стоит ему памятник. Скульптуру время от времени реставрируют. По странному стечению обстоятельств очередное обновление совпадает с юбилеем злодейского расстрела царской семьи. По грустной иронии обновленный памятник одиозному палачу России, непосредственному организатору расстрела царской семьи, оказался своеобразным «подарком» города – колыбели династии Романовых к 80-летию трагедии.

Понятно, почему местные коммунисты почитают Якова Михайловича. В 1904 году он приехал в Кострому. Жил здесь недолго – лишь несколько месяцев. Но за это время сумел создать мощную партийную организацию, обратить в новую, марксистскую «веру» сотни душ. А самое замечательное состоит в том, что в охране у партийного вождя состояли несколько воспитанников Костромской духовной семинарии.

Похожих примеров можно привести много. Мистическое, сердечное знание Христа оказалось призрачным даже у многих из тех, кто готовился стать священником. В начале XX века за одной партой в семинариях сидели и будущие новомученики, обагрившие своей кровью бескрайние русские просторы, и те, кто поведет их на расстрел.

О состоянии духовных школ тех лет написано немало горьких строк. Главная причина застарелых болезней системы духовного образования заключалась в подмене цели существования богословских школ как таковых. Вместо того, чтобы всесторонне готовить к пастырскому служению молодых людей, школы служили сословным интересам – в них просто давали образование детям духовенства. Очень часто преподавание сводилось к бессмысленному заучиванию имен, фактов и дат. Вот любопытное свидетельство очевидца: «В семинарии преподаватель литургики, излагая историю развития христианского богослужения, каждое положение старался подтвердить рядом ссылок на св. отцов и древних церковных писателей. Например: “Трисвятое” появилось тогда-то, о нем говорит такой-то и такой-то; колокола были введены тогда-то, о них упоминается у такого-то и такого-то. Иногда приводилось пять и более имен. И только в доказательство троеперстия упоминалось одно свидетельство – мощи св. Спиридона, нетленно почивающего с троеперстно сложенной рукой. В каждом уроке получалось такое множество имен, что их не могла удержать самая феноменальная память. А преподаватель неотвязчиво приставал к отвечающим с вопросами: “А не припомните ли, кто об этом свидетельствует?” Ученики 6 класса, сговорившись, на все такие вопросы, касались ли они колоколов, светильников, икон, троеперстия или чего другого, начали отвечать: “Мощи святителя Спиридона”. Преподаватель возмущался: “То есть как это мощи Спиридона?” Но ученики добились своего: такие вопросы прекратились»[1].

Костромская духовная семинария возродилась в 1996 г. Во всей России в те годы не приходилось говорить о реформе богословского образования. Всю систему образования мы строили заново. Нам важно было не повторять ошибки дореволю-

[1] Шевельский Г., протопр. Русская Церковь перед революцией. М., 2005. С. 260.

ционных семинарий, но, в то же время, мы должны были заимствовать оттуда все лучшее.

В светском учебном заведении главными являются два компонента: уровень преподавательского состава и библиотека. Книги достать можно. Практика показывает, что даже 20 тысяч томов учебной и богословской литературы уже позволяют вполне нормально организовать учебный процесс. Но для подготовки новых квалифицированных преподавателей нужны десятилетия. Епископ Иларион (Алфеев) в своем остром полемическом докладе, прочитанном на VI Богословской консультации православных духовных школ, с иронией заметил, что можно издать целую книгу, состоящую из ересей, высказанных на экзаменах студентами семинарий. Скажу с грустью, что, к сожалению, такую же книгу можно составить из цитат, высказанных на лекциях молодыми преподавателями, вчерашними выпускниками позавчера открытых духовных училищ.

Можно, конечно, идти по иному пути: сделать ставку на профессоров светских ВУЗов. И здесь изъян очевиден: ведь духовное образование – это не только усвоение рациональных знаний, но и «образование» души. Перефразируя слова священника Александра Ельчанинова, скажем: «Как у профессионального певца бывает правильно поставленный голос, так у священнослужителя должна быть правильно поставленная душа». Образ идеального преподавателя духовного учебного заведения – это образ любящего наставника, который вкладывает в молодых людей не только свои знания, но и духовные сокровища своей души. Глубокая воцерковленность – качество, необходимое для каждого, кто возлагает на себя крест педагогического служения в семинариях.

Владикавказские епархиальные ведомости 1902 года так сообщают о прощании воспитанников духовного училища с отбывающим на новое место служения ректором, игуменом Никодимом (Кротковым), будущим архиепископом, ныне святым Русской Православной Церкви, Даже если принять во внимание правила церковного этикета, нельзя не быть тронутым этой статьей: «Что было в духовном училище при прощании с мальчиками – об этом может составить себе представление только тот, кто лично присутствовал при этом. Такого обилия слез, такого искреннего детского горя нам не приходилось до сих пор видеть нигде. Церковь, где служился напутственный молебен, буквально наполнилась детским рыданием, заглушающим молитвословия... Любовь, которая до сих пор невидимо связывала детские души с отцом Никодимом, теперь вылилась в обильных слезах. Неудержимо плакал и о. Никодим, успевший сродниться душой с питомцами нашего училища...»[2]. Наверное, большинство детей, очарованных образом святого наставника, вынесли из стен учебного заведения добрые чувства. Конечно, таких подвижников, как архиепископ Никодим (Кротков), были единицы...

За короткий срок в России было созданы десятки богословских учебных заведений. На сегодняшний день их почти 70. Преподавание в семинариях в значительной степени приведено к единообразию. Выполняются программы, предусмотренные Учебным Комитетом. Правда, так называемый региональный компонент занимает в нашей семинарии большее место, чем в других: мы даем возможность студентам изучать краеведение, читается курс истории русской литературы, подготовленный известным во всей стране профессором Ю. В. Лебедевым.

[2] Александр (Могилев), архиеп. Священномученик Никодим. Кострома, 2001. С. 67.

Семинария – высшее учебное заведение с пятилетней программой. Обучение завершается написанием дипломной работы с последующей защитой на Ученом совете. Мы поддерживаем тесные дружественные связи с Московской и Санкт-Петербургской духовными академиями. Студенты дружат со сверстниками – семинаристами из Иваново. Болезни роста пока еще сопутствуют нашей системе духовного образования. Вызывают недоумение такие случаи, когда воспитанник, отчисленный за неуспеваемость из одной семинарии, в другой с успехом учится на четверки и пятерки. Не определен статус духовных училищ, которые существуют в различных епархиях параллельно с семинариями.

На наш взгляд, в Русской Православной Церкви назрела организационная реформа богословского образования. Необходимо создать образовательные округа, включающие по нескольку епархий. На такой округ могут существовать одна-две семинарии, несколько духовных училищ, различные специальные школы (иконописная, псаломщиков, церковных искусств и др.). Все округа могут быть распределены между духовными академиями.

Костромская духовная семинария играла в жизни губернского города заметную роль. Так, например, в июне 1899 года Кострома отмечала 100-летний Пушкинский юбилей. Центром торжеств стал актовый зал семинарии, где после заупокойного богослужения был проведен праздничный концерт, посвященный памяти великого поэта. Художественные вечера, встречи, проводимые в стенах Костромской духовной школы, пользовались в городе огромной популярностью. Семинаристы принимали активное участие в праздновании 300-летия дома Романовых и 700-летия Костромы в 1913 году. Эти традиции мы стремимся постепенно возрождать.

Сегодня важно понять, что потребность в изучении богословия существует не только у людей церковных, но и у всего студенчества в целом. Христианство – стройная догматическая религия, которая позволяет человеку ориентироваться в иррациональном мире духовной жизни. У молодежи растет интерес к оккультным наукам. В то же время сокровищница православного богословия остается нетронутой. Для большинства российских студентов Православие до сих пор – terra incognita. Донести Истину до сознания своих сверстников, уверен, способны многие воспитанники старших классов семинарий. Семинарии могут стать учебными заведениями, открытыми для собраний и дискуссий. Здесь можно устраивать совместные мероприятия с участием и семинаристов, и студентов светских ВУЗов.

Много нареканий вызывает учебный процесс в наших семинариях, который ведется по старинке. Думаю, не нужно стесняться нововведений. Система семинаров, интерактивное преподавание – все это вошло в образовательный процесс богословских учебных заведений по всему миру. Вот уже несколько лет у нас введена система семинаров, которая помогает студентам овладеть навыками самостоятельной работы над книгами.

В конце концов, не так важно, останутся ли в памяти наших выпускников нюансы богословских формулировок или точные даты из церковной истории. Главное, мы должны суметь зажечь в их сердцах любовь к богословию и стремление к самообразованию.

При всей противоречивости духовных процессов в современном российском обществе один факт не вызывает сомнения: Русская Православная Церковь переживает благодатный период возрождения. Поистине, наступило «время собирать

камни...». Подвижническим трудом архиереев, священников и церковных педагогов в стране созидается система духовного образования. Пожелаем новооткрытым семинариям, каждая из которых имеет славную дореволюционную историю, запечатленную в именах их выдающихся выпускников, вернуть себе лучшие черты, свойственные им в прошлом, и дерзновенно стяжать новые достоинства.

Архимандрит Геннадий (Гоголев),
ректор Костромской духовной семинарии,
кандидат богословия

СЛОВО РЕДАКТОРА

Уважаемый читатель!

Открывая второй номер альманаха Костромского церковно-исторического общества «Светочъ», посвященный 260-летнему юбилею Костромской духовной семинарии, вы, надеюсь, найдете для себя много интересного. Вашему взору предстанут и страницы седой старины: первые годы становления и обустройства Костромской семинарии и наиболее значимые этапы ее жизни в условиях смены исторических эпох и реформ. В статьях протоиерея И. Сазонова, П. П. Резепина, Л. И. Сизинцевой, А. Пушкарева, нам дана возможность прикоснуться к той духовной, воспитательной и образовательной обстановке, которая царила в этом материнском гнезде всех учебных заведений Костромского края. Именно эта атмосфера умного и молитвенного делания позволила костромской духовной школе стать в ряд тех учреждений образования России, которые, благодаря любви педагогов и установленному учебному процессу, благодаря духовному облику и знаниям, полученным здесь воспитанниками, прославили Церковь Христову и свою Отчизну.

В публикациях: И. Х. Тлиф «Культурная школа», А. А. Соловьева «Проблемы духовного просвещения в России на рубеже XIX–XX вв.», А. В. Зябликова «Русская художественная интеллигенция в дискуссиях о мирской и небесной сущности Церкви на рубеже XIX–XX вв.», раскрываются как задачи, поставленные Церковью, государством и обществом перед духовным образованием, так и решение их.

О нелегком труде по воссозданию Костромской семинарии повествует в своей статье инспектор семинарии диакон А. Вавилов. На страницах альманаха, нам будет дана возможность проследить будни Богоявленско-Анастасьина монастыря, в стенах которого семинария пребывала 1814–1847 гг. Нашему взору представлена монастырская летопись, рассказывающая о нелегких людских судьбах, путях, ведущих к Богу, трудах по восстановлению обители после 70-ти лет запустения. Этот ценнейший исторический материал, свидетельство возрождения древней обители, возрождения душ человеческих, любезно был передан редакции «Светочъ» игу-

меньей монастыря, матушкой Иннокентией (Травиной). Несомненно, он не только будет интересен пытливому читателю, но и явится материалом научных исследований.

Нельзя не согласиться с мнением многих историков, что славу любого учебного заведения составляют его выдающиеся выпускники. На страницах альманаха мы откроем для себя светлые образы выпускников КДС: ректора Московской духовной академии архиепископа Федора (Поздеевского), церковного историка Н. И. - Серебрянского, византолога Ф. И. Успенского; познакомимся с трудами епископа Порфирия (Успенского). А также вспомним славные имена воспитанников КДС, в годы гонений на Церковь за имя Христово пострадавших и жизнь свою отдавших. Вспомним их по именам. Ведь это не только возможность заглянуть в историю, но и вместе с тем тот мост, который связывает прошлое и будущее. Мост, без которого нельзя строить настоящее.

Приношу слова благодарности всем, кто трудился над изданием альманаха, кто приложил усилия к тому, чтобы он вышел в свет и занял достойное место в ряду подобных изданий: советнику губернатора М. Б. Смирновой, генеральному директору ООО Лада-Сервис И. А. Торопцеву, генеральному директору ООО «Блок» Р. О. Лебедеву Максиму и Наталии Постниковым и всем потрудившимся.

Протоиерей Дмитрий Сазонов,
кандидат богословия

РАЗДЕЛ I

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Л. И. Сизинцева

У ИСТОКОВ ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОСТРОМСКОМ КРАЕ

«Столетье безумно и мудро», – точно определили современники «осьмнадцатый век». Болезненные перемены, естественным образом вызревавшие в предыдущем столетии, волей Петра были значительно ускорены. Старое торопливо ломали, новое еще не утвердилось. Это касалось всех сторон жизни государства и народа, и область церковная не была исключением. С упразднением патриаршества и учреждением Синода церковь стала частью государственной системы. Менялись нормы общественной жизни, менялись и требования к пастве и пастырю. Прежние способы поддержания уровня знаний и норм пришли в упадок и перестали удовлетворять требованиям времени. «Сеятель не сеет, а земля не приемлет, – писал святитель Дмитрий Ростовский, – иереи не учат, а людие невежествуют»[1].

Уже в Высочайшем указе от 22 сентября 1738 г. изъявлялось «высокоматернее тщание и старание» о снабжении святых церквей «учительными священниками» для подтверждения христианского закона и благочестия проповедями, «ибо простый подлый народ, не имея в сердцах страха Божия и надлежащего наставления к добрым делам и тако от невежества и грубиянства преклоняются во всякое зло, а имянно впадают в леность, пьянство, в татьбы, в разбои, в смертные убийства и прочая богомерзкие дела»[2].

Первое учебное заведение духовного ведомства открылось не в Костроме, а в Юрьевце. Это установил еще в первой половине XIX в. М. Я. Диев. Он писал о Юрьевецкой славяно-российской школе, открытой в 1730 г. архиепископом Питиримом для борьбы с расколом[3].

Однако наибольшее влияние на развитие духовной школы оказало создание в 1744 г. Костромской епархии[4]. В протоколе заседания Синода в качестве причины указывалось, что из-за огромных размеров Московской епархии «в разных и дальних от Москвы городех и уездех состоит церквей более пяти тысящ, монастырей более двух сот, которых единому архиерею управить весьма невозможися, отчего размножается раскол и в делех челобитчиком, також производимым во священство и в церковный причет волокита и многое продолжение чинится»[5].

Первый же владыка, добравшийся до Костромы, Сильвестр Кулябка, озаботился созданием епаршеской школы. С огромным трудом изыскивали средства[6]. Детей набирали из семей духовенства, но дело было необычное, непонятное. Прошел слух, что неспособных будут отдавать в солдаты, и родители прятали недорослей,

© Л. И. Сизинцева, 2007

а ежели посланные их находили, то матери плакали, провожая, как по мертвым.

Кстати, слухи, видимо, действительно имели под собой почву. Позже указом епископа Симона по представлению учителей семинарии было определено: «непонятных и к продолжению высших наук ненадежных пятнадцать человек учеников из семинарии уволить»[7]. Предполагалось отдать их родителям для самостоятельного обучения наукам, а если и после того экзамен не выдержат, – «отослать для определения в военную службу», или в солдатскую школу, или «куда они способными окажутся в светскую команду»[8].

Только на третий год удалось набрать 30 воспитанников. Первым учителем стал монах Ипатьевского монастыря Анастасий. «Это доказывается тем, что ему, с 1747 года, выдавалось жалованье за экзаменатора из сумм консистории 20 р. в год и столько же за учительство из семинарского хлеба, от продажи его»[9].

Однако стоило владыке Сильвестру покинуть епархию, как школа закрылась, ученики были распущены. Стабильным стало семинарское житье-бытье только при владыке Дамаскине, который принял епархию в 1758 г. («пастырь с твердостию характера, деятельный, заботливый»[10]).

В соответствии с рекомендациями «Регламента духовного» размещать семинарии «не в городе, но в стороне, на веселом месте угодное, где несть народного шума, ниже частыя оказии, которые обычно мешают учения, и находит на очи, что похищает мысли молодых человек, и прилежать учением не попускает»[11], он определил для семинарии собственное место на окраине Костромы. В 1759 г. владыка построил подле древнего Спасо-Запрудненского монастыря «огромный двухэтажный корпус»[12] для учеников, а рядом – свой, архиерейский дом и дома для учителей, разбил сад, устроил пруд. Выписал из Киево-Могилянской академии учителей, двух братьев, Максима и Ивана Федоровых, которые стали преподавать «по академической методе», один – греческий, а другой – латинский языки. Позже к ним добавились другие выпускники киевской академии.

Все учителя были молоды и говорили по-украински, а местные говоры считали искажением правильной «мовы», разница была велика, и учителя с учениками часто не понимали друг друга. Как записал М. Я. Диев со слов очевидцев, наставники-малороссияне в классе «осмеивали формы великороссийского наречия», за высказывания на родном языке учеников подвергали наказанию, «тогда заключавшемуся в битии по правой ладони дубовою круглою палочкою, называемою “паля” и стоянии голыми коленками на песку, иногда дресве и горохе[...] Заботливый Дамаскин с терпением переносил все затруднения и еще при своей жизни имел удовольствие малороссиян заменить питомцами Костромской семинарии»[13].

Чтобы приохотить детей духовенства к образованию, владыка содержал семинаристов на казенном коште, а при каждом из семи духовных правлений весной 1760 г. открыл начальные школы для обучения «азбуке, букварю, заповедям Божиим, часослову, псалтири, шестодневу, церковному уставу и нотному пению»[14]. Много позже, уже после их закрытия, будут созданы духовные училища – центры образования и образованности в уездах.

Смерть прервала труды архипастыря летом 1769 г., а сменивший его Симон (Лагов) стал душой семинарских штудий. Он поощрял ученые занятия «денежными вспоможениями, подарками книг», частенько пешком ходил из Ипатия на Запрудню «в одном подряске в белой шляпе», «а иногда проживал при

ней безвыходно по нескольку дней», смотрел тетради казенных учеников, проверял упражнения[15]. Надо при этом учесть, что нет в ту пору еще Костромской губернии, и владыка – первое по статусу лицо в городе.

При семинарии тщанием епископов Костромских и Галичских была собрана немалая библиотека, хранившаяся в семинарском деревянном доме, что представлялось неудобным. В 1772 г. владыка Симон устроил для неё новое помещение в нижнем этаже каменной Спасо-Запрудненской церкви, где прежде был придел во имя святителя Алексия[16]. В 1775 г. семинария сгорела, книги же, благодаря переводу в каменное помещение, остались целы[17]. Тем не менее во время обучения в семинарии М. - Я. Диева (это начало XIX века), Введенская церковь еще сохранялась. При ней «на великое пространство расстилался, подобно продолговатому озеру, омут монастырской мельницы», на противоположном берегу Запрудни стояли монастырские службы[18]. После пожара главного корпуса семинарии в 1775 г. преосвященным Симоном с восточной стороны двора было построено новое деревянное здание («огромный дом»)[19]. В 1772 г. семинария была обнесена деревянной оградой, «состоящею с юго-западной стороны из палисадника с тремя воротами, а со стороны восточной и северной из простого забора»[20].

В 1798 г. по причине ветхости построек семинарии учащиеся были переведены в Ипатьевский монастырь на 5 лет[21]. За это время к 1802 г. для них на Запрудне было отстроено два «огромных», по свидетельству М. Я. Диева, деревянных на каменном фундаменте корпуса. Один из них предназначался для учебных классов, другой – для учителей[22]. По описанию Н. О. Андроникова, «классические покои» были деревянными, одноэтажными, на каменном фундаменте, имели 8 обширных комнат, из которых в 7-ми помещались классы, а в восьмой – публичная аудитория для диспутов и выпускных экзаменов. Фасад был обращен к Ипатьевскому монастырю, постройка находилась перед прежним семинарским двором. В прежних помещениях для казенных воспитанников находился полковой лазарет, выведенный, очевидно, после перемещения семинарии на Запрудню в апреле 1802 г.[23].

Строительные работы продолжались еще несколько лет. В 1803 г. был устроен деревянный одноэтажный на каменном фундаменте дом для учителей и префекта, в северной стороне двора – каменная поварня, а в 1806 г., одновременно с починкой жилых комнат для казенных воспитанников, к поварне была пристроена каменная столовая комната[24].

В декабре 1813 г. деревянный корпус для классов сгорел. Остальные здания, отделенные от него двумя рядами берез, посаженными еще еп. Дамаскином, остались целы. Тем не менее семинария была переведена в город, старшие классы – в Богоявленский монастырь, младшие – в один из соборных домов на кремлевском холме[25].

Публичные экзамены становились событием для всего города, собирая множество публики, которая видела в них благотворное веяние времени. Их называли «рацеи на препотах», каковые устраивались и в 1820-х гг. Так, 13 и 14 июля 1827 г. некоторые духовные и светские особы были приглашены билетами на публичные испытания учеников семинарии[26]. В первый день ученики всех трех отделений оказывали свои успехи в светских предметах. Звучали немецкий и французский языки, отвечали историю церковную и гражданскую, а учащиеся среднего отделения сдавали математику. Второй день был посвящен богословию, философии, словесности.

Греческий язык сдавали все, а древнееврейский – только высшее и среднее отделения[27].

Нет, конечно, не стоит идеализировать ни семинарию, ни семинаристов. Дети – как дети. Правление семинарии доносило в консисторию, что «сего мая 10-го числа приватно обучающийся ученик костромской семинарии низшего отделения Николай Большесольский, возв[ращаясь] с гулянки, бывшей за рекою Запруднею, позд[но] играл на кларнете, ходя по градским у[лицам] с учениками, песни певшими, о которых в[последствии] при допросе Правлению семинарии не откр[ыл]»[28].

Случались и более серьезные проступки: взрослые семинаристы были замечены у питейных домов в нетрезвом виде, да и на улицах пели «срамные песни», задевали друг друга и подвернувшихся под горячую руку мещан[29]. И наказание было более серьезным – «надо бы отчислить из духовного звания, но из уважения к раскаянию их» участники беспорядков были отсылаемы в монастыри на исправление[30].

Шел процесс «ошколивания», и он-то как раз развивался очень удачно. Критерий – количество ученых, профессионально занятых в сфере производства и трансляции новых знаний. Именно выпускники семинарии составили впоследствии славу губернии: «В состав вновь открытой Российской Академии в 1783 г. и в число 14 членов новооткрытой Академии – представительницы отечественного просвещения, поступили три воспитанника Костромской Духовной семинарии, Протоиереи: Иван Иванович Красовский, Георгий Михайлович Покровский и священник Иван Иванович Сидоровский. Всех членов духовенства было шестеро, следовательно, половина из них костромских»[31]. В 1791 году И. И. Красовский был удостоен золотой медали за свои ученые труды.

В том же 1791 г. были открыты духовные училища в Нерехте, а также при монастырях Галичском Пасиевом, Тихоновом Лухском и Макарьевском Унженском. Преосвященный Павел (Зернов), распорядившийся об их создании, объяснял это так: всех желающих поселить в семинарских покоях невозможно, и «дабы не отнять ревность у желающих продолжить науки, долгом поставляем мы [...] завесть в епархии нашей еще училища...». Способных к наукам после училищ предполагалось рекомендовать в семинарию[32]. Так училища стали не просто подготовительным звеном, но и местом отбора лучших.

Позже Нерехтское училище не упоминается в списках, зато всплывают два новых – в Солигаличе и в Костроме. Так, в 1818 г. в качестве ректоров духовных и уездных училищ упоминались в Костроме – И. Красовский, в Галиче – А. Калинников, в Лухе – Петр Агриколянский, в Солигаличе – Иоанн Митинский, в Макарьеве – Петр Соколов[33]. Позже к ним добавилось Кинешемское[34].

По отчету о ревизии 1824 г. Галичского, Солигаличского, Макарьевского, уездных и приходских училищ Николая Соснина, иерея, учителя всеобщей истории и немецкого языка Костромской духовной семинарии, можно судить о том, что главным предметом были древние языки, а главным навыком считался перевод. «...Усмотрено, что в Галичском уездном училище ученики высшего отделения недостаточно приучены к переводу с российского на латинский язык; ученики низшего отделения совсем не приучаемы были к переводу с российского на латинский язык». В Солигаличском училище ученики высшего отделения мало были занимаемы переводом учебной книги с греческого языка на российский[35]. Вооруженные знанием языков, все остальное – философию, богословие, физику с метафизи-

кой – они должны были получить в семинарии.

Таким образом, семинарии создавались для «ошколивания» будущих священников, ибо, по словам Феофана Прокоповича, составителя «Регламента духовного», «когда нет света учения, нельзя быть доброму церкве поведению, нельзя не быть нестроению, и многим смеха достойным суевериям, еще же и раздорам, и пребезумным ересям»[36], «убо учение доброе и основательное есть всякой пользы, как отечества, так и церкве, аки корень и семя и основание»[37].

Постепенно, во многом благодаря стараниям архипастырей, семинария стала ядром «культурного гнезда», пославшего своих выпускников в столицы. Там создавалась совершенно особая атмосфера, в которой ценились науки и художества, поддерживались и воспитывались исследователи. Преосвященный Симон (Лагов) «сообщал ученую ревность» преподавателям семинарии: «кого он видел к тому способным, тем он делал ученые препоручения, со всем радушием снабжал их наставлением и материалами»[38].

Приходя из родительского дома диковатыми пареньками, мало отличаясь от своих крестьянских сверстников, семинаристы попадали в среду, во многом ориентированную на светскую культуру. Они читали по-латыни Овидия и Цицерона, писали стихи (это входило в обязательную программу занятий), читали книги семинарской библиотеки («Ибо без библиотеки, как без души академия»[39]). Среди них было много книг светского содержания. Достаточно сказать, что только библиотека преосвященного Евгения Романова, поступившая в семинарское книгохранилище, содержало переводы на русский язык трудов Монтеня, Вольтера, французских энциклопедистов. Ученые диспуты выпускников семинарии, становились событиями в культурной жизни города. Лишь к 1830-м гг. набравшая вес Костромская гимназия оттеснила в жизни Костромы семинарию на второй план. Да и то, можно сказать, что становление нового, светского уже среднего учебного заведения во многом было обязано выпускникам и преподавателям семинарии, взявших на себя чтение классических языков и некоторых гуманитарных курсов[40].

По окончании семинарии желающие поступали в духовные академии, а в начале XIX в. их стали направлять и в светские учебные заведения – по медицинской части, позже – по научной и педагогической. Закладывалась традиция, которую Костромская духовная семинария бережно сохраняла до самого своего закрытия в 1919 г. Благодаря ей из этих стен вышли многочисленные ученые и путешественники, философы, богословы, историки, археографы, статистики, врачи, литераторы.

Примечания

[1] Цит. по: *Диев М. Я.* Исторические исследования о Костромской стороне, представленные преосвященным костромским Леонидом Филофею, для комиссии, учрежденной по программе Святейшего Синода, для составления церковно-исторического описания Костромской епархии. 1851–1855 // Российская национальная библиотека, отдел рукописей. Далее – РНБ ОР). Тит 4021. С. 58.

[2] Цит. по: *Миловидов И.* Содержание рукописей, хранящихся в архиве Ипатьевского монастыря. Вып. 2. Кострома, 1888. С. 45.

[3] *Диев М. Я.* Состояние духовенства Костромской стороны до учреждения и при учреждении в оной епархии // Государственный архив Костромской области (далее – ГАКО). Ф. 130. Оп. 11. Д. 2349. С. 22 об.

[4] Подробнее см.: *Новикова Е.* [псевд., наст. фам. – Л. И. Сизинцева]. «Золотой век» Костромской духовной семинарии // Губернский дом. 1994. – № 5. – С. 50–53.

[5] Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 796. Оп. 25. Д. 319 (1744). Л. 12.

[6] ГАКО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 2. Л. 137, 147–148.

[7] ГАКО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 1. Л. 164–165.

[8] Там же.

[9] [Андроников Н.] Исторические записки о Костромской духовной семинарии и о Костромской губернской гимназии, составленные бывшим учителем семинарии и временным преподавателем гимназии Н. Андрониковым. Кострома, 1874. (Далее – Андроников...). Паг. 1, с. 6.

[10] *Диев М. Я.* Исторические исследования о Костромской стороне, представленные Преосвященнейшим костромским Леониду и Филофею, для комиссии, учрежденной по программе Святейшего Синода, для составления церковно-исторического описания Костромской епархии. 1851–1855 // Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. (Далее – РНБ ОР). Тит 4021. – С. 58.

[11] Регламент духовный. – СПб., 1721. – Л.54 об. (Далее – Регламент...)

[12] РНБ ОР. Тит 4021. – С. 62.

[13] РНБ ОР. Тит 4021. –С. 65–66.

[14] РНБ ОР. Тит 4021. – С. 60.

[15] РНБ ОР. Тит 4021. – С. 87.

[16] Материалы для истории Костромском семинарии. Отд. 2 // КОИАХМЗ. КОК 25126 . Л. 19.

[17] Там же, л. 24 об.; *Диев М. Я.* Первое столетие Костромское епархии// РНБ ОР. Тит 4015. – С.81–82.

[18] То же // РНБ ОР. Тит 4013.Л. 153.

[19] То же // РНБ ОР. Тит 4015. С. 82.

[20] Там же. С. 100.

[21] *Диев М.Я.* Историческое исследование о Костромское стороне... // РНБ ОР. Тит 402I. – С. 94–96.

[22] Там же. – С. 97.

[23] Андроников – С. 32.

[24] Там же.

[25] Там же. – С. 41.

[26] ГАКО. Ф. 432. Оп. 1. Д. 129. Л. 41.

[27] Там же. – Л. 44.

[28] ГАКО. Ф. 432. Оп. 1. Д. 115. Л. 27.

[29] Там же. – Л. 28, 47, 52, 54 об.

[30] Там же. С. 74 об.

[31] Описание библиотеки Кафедрального Успенского собора // Костромские губернские ведомости (далее – КГВ). 1858. – № 27. – 12 июля. – С. 264.

[32] Материалы для истории Костромской семинарии. Отдел второй. Семинария, содержимая казенными средствами при пособии средств епархиальных с 11-го июля 1765 г. по 26 марта 1800 года. Рукопись 1860-х гг. // Государственное учреждение культуры Костромской объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (далее – ГУК КОИАиХМЗ). КОК 25126. – С. 94.

[33] ГАКО. – Ф. 432. Оп. 1. Д. 65. К. 107. Л. 70.

[34] О преобразовании приходских духовных училищ // КГВ. 1852. Ч. официальная. Отд.2, местный. Л. 313–314, 424.

[35] ГАКО. Ф. 432. Оп. 1. Д. 97. Л. 155.

[36] Регламент... Л. 42 об. Л. 43.

[37] Регламент ... Л. 43.

[38] *Диев М. Я.* Первое столетие Костромской епархии // РНБ ОР. Тит 4013.

[39] Регламент духовный. – СПб., 1721. Л. 49 об.

[40] Андроников...Паг. 2-я.

И. Г. Сазонов, протоиерей

КОСТРОМСКИЕ АРХИЕРЕИ И СЕМИНАРИЯ
(Участие Костромских архиереев в судьбе Костромской семинарии от ее возникновения 1747 по 1900 гг.)

Составлено протоиереем Дмитрием Сазоновым по материалам кандидатской диссертации протодиакона Иоанна Сазонова «История Костромской епархии от ее основания до 1900 г.», г. Загорск, 1971–1972 гг.

Честь открытия в Костроме духовной школы принадлежит второму Костромскому архиерею епископу Сильвестру (Кулябка), управлявшему Костромской епархией с 1745 по 1750 г. В. А. Самарянов так излагает трудности, с которыми пришлось столкнуться преосвященному Сильвестру при обустройстве семинарии и наборе для нее учеников: «Усмотрев слабости просвещения в епархии, преосвященный Сильвестр, в июне месяце того же года (1746 г. – прим. авт.), предписал указом через духовную консисторию собрать с церквей и монастырей хлеб на содержание школы, учрежденной для обучения церковнических детей. Но, хлеб собираем был, несмотря на деятельные настояния, столь медленно, что школа открылась не ранее как в исходе 1747 г. Не менее затруднения оказалось в наборе учеников, коих никто не записал по доброй воле, ровно и поповские старосты – то делали проволочки, то разные отговорки. Вследствие этого преосвященный вынужден был послать из консистории приказных сторожей для сбора учеников. Но при появлении этих сыщиков отцы скрывали детей или показывали в бегах, а тех, которые впадали в руки сыщиков, провожали в школу, как в ссылку, с плачем и воплем. Главною причиною, почему отцы неохотно отдавали тогда детей в семинарию, была молва, что непонятливых учеников отошлют в военную службу»[1]. Слухи, по-видимому, имели под собой и реальную почву. Впоследствии, указом епископа Симона (Лагов, упр. епархией в 1769–1778 гг.) было определено: «Непонятных к продолжению высших наук, ненадежных пятнадцать человек учеников из семинарии уволить». Предлагалось их родителям для самостоятельного обучения, а если и после этого экзамен не выдержат – «отослать для определения в военную службу» или в солдатскую школу, или «куда они способными окажутся в светскую команду»[2]. Встревоженные этими слухами матери, провожая детей в семинарию, плакали по ним, как по мертвым. Невежество, страх пред суровой школьной дисциплиной, бедность – все это служило поводом для духовенства к замедлению с поставкой требуемого хлеба и укрывательству своих детей. При всех этих трудностях надо отдать должное епископам-малороссам, в это время занимавшим в России лучшие архиерейские кафедры. Все они, начиная с епископа Феофана Прокоповича (с 1720 г. архиепископ – прим. автора), автора Духовного регламента, будучи питомцами Киевской академии, были воодушевлены стремлением к обустройству в России духовного просвещения. В этой части они были наилучшими исполнителями предначертаний великого преобразователя – Петра I. Им принадлежит открытие едва ли не всех семинарий в России. «Убо учение доброе и основательное есть всякой пользы, как отече-

© И. Г. Сазонов, протоиерей, 2007

ства, так и церкве, аки корень и семя и основание, – написано в Регламенте, когда нет света учения, нельзя быть доброму церкве поведению, нельзя не быть нестроению, и многим смеха достойным суевериям, еще же и раздорам, и пребезумным ересям»[3].

Как уже было сказано выше, к осени 1747 г. с большими усилиями был доставлен в Кострому хлеб. К этому же времени было собрано 20 первых учеников, которых собрали из числа детей городского духовенства, имевших, по всей вероятности, более светлые взгляды на обучение в школе, чем их сельские собратья. Владыка, временно, до постройки отдельных помещений, распорядился разместить духовную школу около своих покоев, в кельях Ипатьевского монастыря. Первым смотрителем и учителем открывшейся семинарии был назначен привезенный им из Киева (вероятно, учившийся в Киево-Могилянской академии), иеромонах Анастасий (Белопольский), ставший затем наместником монастыря. Эта первая в Костроме школа, правда, отвечала лишь первоначальному предначертанию Петра Великого и требованию регламента «учить ребят по славянским книгам грамоте, Закону Божию, церковному Уставу и нотному пению»[4]. В связи с недостатком средств и просвещенных учителей о большем нельзя было и думать. И все же... Владыка, желая сделать жизнь семинаристов более привлекательной, для реализации учебного процесса обеспечил их полным содержанием и предоставил в распоряжение семинарии свою личную библиотеку, которая располагалась на 3-м этаже настоятельских келий. За его заботу, ученость и любовь к просвещению ученики говорили о нем, что это был «золотой, благословенный учитель»[5].

После того как 25 апреля 1750 г. преосвященный Сильвестр был назначен на С.-Петербургскую кафедру, Костромская епархия, неизвестно по каким обстоятельствам, оставалась без епископа около трех лет. Распущенные на каникулы летом 1750 г. ученики в Кострому не возвратились.

Но брошенное преосвященным Сильвестром семя просвещения не погибло. Вскоре оно возродилось с приездом в Кострому весной 1753 г. епископа Геннадия (Андреевский, упр. Епархией с 1753 по 1767 г.), которым было дано консистории указание набрать для будущей семинарии 30 детей духовного звания, обученных грамоте и письму, от 7-ми до 15-летнего возраста, чтобы обучать их согласно постановлению Духовного регламента. С большими усилиями, как и прежде, ученики были собраны и 19 октября 1754 г. семинария вновь была открыта. Преосвященный Геннадий, до костромской кафедры бывший несколько лет ректором Славяно-Греко–Латинской школы в Пскове, прилагал всю свою настойчивость, находчивость, трудолюбие и терпение для обустройства духовной школы. Разместилась она уже не в Ипатьевском монастыре (из-за недостатка хороших помещений и неудобства посещения городскими школярами), а в Симеоновском (основан в 1630, упразднен в 1764 г.), стоявшем вблизи места возникновения Костромы. Управлял тогда семинарией, в звании директора, ставший игуменом Песоченского Богородицко-Игрицкого монастыря тот же Анастасий (Белопольский). Постепенно в ней были открыты классы грамматики, риторики и поэзии. По отзывам костромичей, преосвященный Геннадий «правил здешнею церковию как прилично пастырю духовному, от которого, понеже пастырская должность того требует, чтоб словесных овец питать глаголом Божиим: то он и в нарочитые дни в оном спасительном деле довольно труждался», проявляя всегда пастырскую заботу о семинарии «как о родном детище»[6].

Сменивший его на костромской кафедре преосвященный Дамаскин (Аскаронский, управлял епархией 1758–1769) вновь вернул семинарию в Ипатьевский монастырь, а затем, построив на Запрудне (месте обретения чудотворной иконы Божьей Матери Федоровской) и оборудовав новые здания (учебные, хозяйственные и жилые) для ее размещения, теплую церковь в честь Введения Божьей Матери и архиерейский дом с крестовой Благовещенской церковью, перевел туда в 1760 г. духовную школу.

При нем в семинарии были открыты классы философии и богословия, преподавались латинский, греческий и древнееврейский языки. Первым ректором Костромской семинарии (в звании именно ректора, прежде были назначаемы смотрители), был назначен архимандрит Софроний (Тернолетов), одновременно бывший настоятелем Николо-Бабаевского монастыря. По воспоминаниям современников, преосвященный Дамаскин был пастырем «с твердостью характера, деятельный, заботливый»[7]. В просвещении духовенства и народа он видел залог доброго будущего России и Церкви. Его заслуги в деле народного просвещения велики. При семи духовных правлениях Костромской епархии им были открыты в 1760 г. школы для обучения детей духовенства «азбуке, букварю, заповедям Божиим, часослову, псалтири, шестодневу, церковному уставу и нотному пению»[8].

Если мы пожелаем судить о качестве тогдашнего семинарского образования, то примером его может служить блестящее вступление со словами приветствия, которое прозвучало 15 мая 1767 г. при посещении Костромы императрицей Екатериной II, когда в архиерейских покоях Ипатьевского монастыря воспитанники семинарии произнесли государыне приветствия на четырех языках: еврейском, русском, латинском и греческом. После приветственных речей семинаристов владыка преподнес государыне образ Федоровской иконы Божьей Матери и сочинения воспитанников Костромской духовной школы. Выступлением семинаристов она была довольна. Учащиеся не всякой школы в то время могли похвастаться такими знаниями. При погребении преосвященного Дамаскина перфектом семинарии архимандритом Яковом (Семчевским), в надгробном слове было сказано, что добродетели покойного архипастыря близко подходили к добродетелям Начальпастыря – Христа[9].

Следующий Костромской архиерей – преосвященный Симон (Лагов) [управлял епархией 1769–1778], заслужил о себе добрую память своей постоянной заботой о духовной школе. Приняв под свое ближайшее отеческое руководство семинарию, на протяжении трех лет он заменял в ней ректора, сам преподавал некоторые предметы: греческий и еврейский языки, пасхалию. Ввел и утвердил в ней классы: грамматики, риторики, философии и богословия. Увеличил штат учителей и учеников, открыл при семинарии публичное толкование катехизиса. В семинарии всячески поощрял научные исследования и всех трудившихся на этом поприще «со всем радушием снабжал... наставлением и материалами»[10]. Он сам, несмотря не все свои хлопоты по епархии, проверял тетради воспитанников. При нем семинария достигла своего расцвета и стала авторитетным учебным заведением. В отчете 1773 г. в семинарии значилось 7 учителей и 127 учеников в 5 классах: высшей и низшей грамматики, риторики, философии и богословия.

Преосвященный Павел (Зернов) [управлял епархией с 1778 по 1800 г. –*Д. С.*], обеспокоенный пришедшими в ветхость деревянными зданиями семинарии на Запрудне, начал строительство новых корпусов. В связи с этим он временно

перевел семинарию в Ипатьевский монастырь, в котором она находилась с 1788 по 1802 г. Нижние классы и квартиры учителей располагались в здании, ранее намеченном под размещение духовной консистории, а богословские классы и квартира ректора – в здании, где укрывался в 1613 г. со своей матерью будущий царь, юный боярин Михаил Романов. Школа нуждалась в материальных средствах поддержки. И если в первое время ее существования воспитанники содержались собранным с духовенства хлебом и деньгами, то с 1779 г. из казны на ее нужды уже выделялось ежегодно 2000 рублей. И этих денег не хватало на содержание, поэтому была установлена плата за обучение – по 51 копейке в месяц с человека (кроме каникул). И хотя многие бедные семинаристы жили в корпусах бесплатно, но на питание для них средств не было, и питались они все же самостоятельно. Семинарский стол (обед и ужин), состоял из одного, иногда из двух блюд – щей и каши. Чаи еще тогда не подавался. «Да и вообще, в то время не составляло редкости видеть семинариста в истрепанной одежде и обуви, в рваном халате и дырявых сапогах. Не на внешность в то время обращали внимание, а на ум и сердце детей», читаем мы воспоминания свидетелей эпохи, напечатанные в Костромских епархиальных ведомостях по случаю 150-летней годовщины семинарии[11]. В описаниях скромного быта того времени мы найдем и не менее суровую (по нынешним меркам), картину процесса обучения: за неимением учебников воспитанникам давались записи, которые надо было переписать, а затем выучить наизусть. За невыполненные уроки они несли телесное наказание, от которого не были избавлены даже «философы и богословы».

Администрация семинарии состояла из ректора, ближайшими помощниками которого были перфект (следил за работой учителей и заведовал хозчастью) и учитель-инспектор, заведовавший воспитательной и учебной частью. Основу педагогического коллектива составляли учителя-наставники. В те годы число воспитанников семинарии доходило до 600 человек.

Сменивший владыку Павла преосвященный Евгений (Романов) [управлял в 1800–1811 гг. – *Д. С.*] вновь перевел семинарию на Запрудню, в отстроенный большой деревянный корпус. Он учредил при семинарии цензурный комитет, в ведении которого состояла проверка и цензура всех сказанных в епархии проповедей. Для детей духовенства, по каким-либо причинам не попавшим в семинарию или уволенных из нее до окончания курса, он открыл особую школу, занимавшуюся подготовкой этих юношей на низшие церковные должности. В Галиче в 1803 г. им было открыто уездное духовное училище, готовившее кадры для семинарии из рекомендуемых, лучших учеников. При нем семинария значительно повысила свой общественный и образовательный статус, и ежегодно во время экзаменов в ней устраивались диспуты, на которые допускались все желающие. Публичные экзамены становились для всего города событием неординарным и собирали всегда много публики. Их называли «рацеи на препотах». Почетные гости собирались по приглашениям. В первый день воспитанники были экзаменованы по светским предметам: церковной и гражданской истории, математике, немецкому и французскому языкам. Второй день был посвящен испытанию воспитанников старших классов в богословии, философии, словесности, греческому и древнееврейскому языкам[12]. Для развития кругозора учащихся преосвященный Евгений значительно расширил базу семинарской библиотеки, поместив

в нее собрание своих книг, среди которых были переведенные на русский язык труды Монтеня, Вольтера и французских энциклопедистов. Совершенствуясь в знании языков, семинаристы штудировали входившие в программу сочинения римских классиков на языке оригинала – Овидия и Цицерона.

Со становлением высших учебных заведений в России выпускники костромской семинарии, начиная с последних десятилетий XVIII в., стали поступать в духовные академии и в светские высшие учебные заведения, составив славу российской науки и Костромскому краю. Среди них были: географ и статистик К. - И. Арсеньев, медик В. И. Всеволодов, церковный историк родного Костромского края протоиерей М. Я. Диев, религиозный философ, протоиерей Ф. А. Голубинский и др. Семинария на Запрудне стала alma mater для священнических родов Островских (в ней учились дед, дяди и отец драматурга А. Н. Островского), Флоренских, Розановых, Горских, Касторских, Красовских.

В 1813 г. пожаром был уничтожен главный и основной семинарский корпус и за неимением средств преосвященным Сергием (Крылов-Платонов) [возглавлял семинарию с 1812–1817 гг. – *Д. С.*] она была переведена в Богоявленский мужской монастырь. Из трех нижних классов семинарии было образовано Костромское духовное училище, которое располагалось в каменном доме близ Успенского собора. В 1814 г. семинария была преобразована по новому уставу. Все духовные школы были организованы в виде сословных школ смешанного типа, с общеобразовательными и специальными курсами вместе. Образование в них по-прежнему было обязательным для детей духовенства[13]. Курс низших учебных заведений, которые составляли духовные училища, носил элементарный характер. Они отделялись от семинарии. Преосвященным Сергием было открыто еще одно духовное училище в Солигаличе.

Среди ректоров семинарии в этот период были люди, оставившие заметный след в истории русской церкви. Это и апостол Алтая архимандрит Макарий (Глухарев) [был ректором в 1821–1824 гг. – *Д. С.*], который одновременно являлся наместником Богоявленского монастыря и архимандрит Платон (Городецкий) [ректор в 1837–1839 гг. – *Д. С.*], который, став митрополитом Киевским, неоднократно оказывал Костромской семинарии материальную помощь.

В начале сентября 1847 г. страшным пожаром Богоявленский монастырь был выжжен почти дотла. Преосвященным Иустином (Михайловым) [управлял в 1845–1850 гг. – *Д. С.*] семинария была переведена в один из «соборных» домов, где с 1814 г. находилось Костромское духовное училище, и была размещена на втором этаже этого дома. Часть помещений второго дома, там где ранее располагались архиерейские покои, владыка уступил под правление семинарии. Семинаристы несли послушание в Успенском соборе, хотя семинарским храмом еще вплоть до 1863 г. служила Смоленская церковь Богоявленского монастыря. По отзывам современников, преосвященный Иустин был «правдив, беспристрастен, чужд всякой лести, доступен и сердоболен, хотя подчас вспыльчив и взыскателен. Любил часто совершать богослужения. Служил просто, но величественно»[14].

Необходимо отметить, что все костромские владыки постоянно проявляли заботу о семинарии и семинаристах и пеклись о них, как о родном детище и детях. Каждый из них старался не только поддержать ее материальное существование, но и сделать все возможное для процветания семинарии как духовного и образовательного заведения.

В тесноте «соборных домов» долго располагаться семинария не могла. И чтобы исправить эту ситуацию, много мужества, энергии и мудрости потребовалось управлявшему епархией с 1857 по 1877 г. преосвященному Платону (Фивейскому), для того чтобы найти средства и купить у купцов Стригалевых несколько зданий, стоявших на Верхней набережной Волги. В них расположились учебные, жилые и хозяйственные корпуса семинарии. Уже в 1878 г. в одном из зданий был обустроен храм во имя Всех Святых, а в 1878 г., в общежительном корпусе был освящен храм во имя Сретения Господня.

Начиная с этого периода и вплоть до своего закрытия в 1918 г. семинария становится центром культурной и духовной жизни Костромы. В ней проходили художественные и поэтические вечера, концерты, где произведения церковной и светской музыки исполнял лучший в губернии (по отзывам современников) семинарский хор.

Она была и центром епархиальной жизни. В ее актовом зале проходили ежегодные собрания духовенства, проводились собрания Костромского церковно-исторического общества. Владыка поднял дисциплину в среде духовенства и семинаристов на небывалую дотоле высоту. Соблюдение правил общежития и распорядка дня для семинаристов было беспрекословным. Не допускалась отлучка воспитанников из семинарии без разрешения начальства. Лишь в воскресные и праздничные дни практиковались отпуска в город. О малейших нарушениях распорядка дня дежурный должен был докладывать начальству. Постепенно сформировалась внутренняя этика семинарии. Телесные наказания воспрещались, уступив место выговорам, замечаниям и докладам инспектору и ректору. Для воспитанников, а также для преподавателей был введен один тип семинарской формы. В XIX в. учительские должности в семинарии занимали выпускники С.-Петербургской, Московской, Киевской и Казанской духовных академий. По выслуге лет все учителя имели соответствующие чины: от коллежского секретаря до статского советника. К концу XIX в. в штате семинарии значились: ректор, инспектор, 3 помощника инспектора и 17 преподавателей. Многие из них совместительствовали и преподавали в костромских светских учебных заведениях (епархиальном училище, гимназиях), вели культурную и просветительскую работу среди населения, организовывали выставки, народные чтения. Среди них мы вспоминаем имена Л. Л. Грандлевского, А. И. Рейпольского, В. Н. Лаговского, И. В. Баженова, священника И. М. Студитского, священника М. Н. Раевского, протоиерея И. Сырцова. В эти годы семинария по праву гордится именами таких своих выпускников, как А. П. Голубцов (историк, профессор Московской духовной академии) Н. В. Покровский (археолог, историк, директор Петербургского археологического института), архиепископ Костромской и Галичский Никодим (Кротков), архиепископ Федор (Поздеевский), ректор Московской академии и многих других. В этом списке хочется особенно вспомнить имя И. Е. Беляева, выпускника семинарии 1852 г., председателя Костромского Александровского братства, который объединил на ниве просвещения и благотворительности усилия инженеров, врачей, учителей, духовенства для украшения родного края и воспитания людей, в нем живущих. На деньги братства были основаны 7 школ, 4 ремесленных мастерских с общежитиями, 2 амбулаторных лечебницы, богадельня, учебная сельскохозяйственная ферма – всего 19 учреждений[15]. Сам Илларий Ефимович в юбилейном для семинарии

1897 г. учредил от имени братства стипендии для содержания наиболее бедных семинаристов, тем самым способствуя обучению в ней бедных, но талантливых юношей[16].

Большое духовно-нравственное влияние на семинарскую жизнь конца XIX в., начала XX в. оказал выдающийся богослов, проповедник и церковный писатель того времени, епископ Костромской и Галичский Виссарион (Нечаев) [управлял епархией с 1891 по 1905 гг. – *Д. С.*), при котором отметила свой 150-летний юбилей семинария, (24–25 сентября 1897 г.). Этот неутомимый пастырь всегда находил время для семинарии и для ее воспитанников, по несколько раз в день он посещал ее, возглавлял службы в семинарском храме, присутствовал на экзаменах. В Костроме при нем было открыто в 1901 г. женское епархиальное училище. По случаю кончины преосвященного ректор семинарии, архимандрит Николай в своем надгробном слове о трудах и личности усопшего владыки, сказал: «Он учил нас не только словом, а и всем подвигом многотрудной жизни»[17]. «Он как искусный вертоградарь, тщательно окапывал, поливал и прививал добрые соки богомудрых учений этим летораслям со сладкою надеждою найти на них в свое время обильные плоды», – вторил ему в те горькие минуты священник А. Виноградов[18].

Эти добрые слова можно сказать о всех костромских владыках, которые не покладая своих сил трудились над обустройством Костромской духовной семинарии, того гнезда, из которого выходила образованная, могучая духом «премудрости, разума, страха Божьего», заложенном в выпускниках этой духовной школы, желавших послужить Церкви и Отчизне, новая Россия. И семинария по праву гордится своими выпускниками, получившими не только знания современной им науки, но знания, построенные на опыте веры и молитвы предшествующих поколений. Вспоминая имена выдающихся деятелей Церкви, науки, культуры, искусства, мы тем самым свидетельствуем, что это семинарское образование их родной духовной школы способствовало становлению их как личностей, дало им необходимые знания во всех сферах жизнедеятельности человека. На этом твердом фундаменте образования они и смогли составить в дальнейшем своими трудами славу и гордость Отечества.

Произнесем же и мы слова благодарности их учителям и наставникам, главными среди которых являются архипастыри земли Костромской.

Примечания

[1] *Самаринов В. А.* Памятная книжка для Костромской епархии. Кострома, 1868. – С. 58.

[2] ГАКО (Далее – Государственный архив Костромской области), ф. 31, оп. 1, д. 1, л. 164–165.

[3] Регламент духовный. СПб.,1721. л.42 об.43.

[4] *Знаменский А.* Руководство к русской истории. Кострома, 1880. – С. 208.

[5] *Соловьев А.* История Костромской иерархии. Костромские епархиальные ведомости (Далее – КЕВ). – 1887. № 16. – С. 112.

[6] Там же. – С. 149.

[7] *Диев М. Я.*, протоиерей. История Ипатьевского монастыря. Кострома. – 1870, – С. 105.

[8] Регламент. – С. 60 .

[9] *Соловьев А.* Там же. – С. 151.

[10] *Диев М. Я.* Первое столетие Костромской епархии // Российская национальная библиотека. Отдел рукописей // Тит. 4013.

[11] КЕВ. – 1897. – № 2. Ч. II, неоф. – С. 20.

[12] ГАКО. – Ф. 432. – оп. 1, д. 115, л. 27.

[13] *Знаменский П.* Учебное руководство по Истории русской Церкви. – СПб, 1904. – С. 409.

[14] *Сырцов И.*, протоиерей. Архипастыри Костромской епархии. К 50-летнему юбилею Преосвященнейшего Виссариона, епископа Костромского и Галичского. – Кострома, 1898. – С. 15.

[15] *Студитский И.* священник. Состоящее под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Александровское православное братство в Костроме. Исторический очерк. – Москва, 1913. – С. 10–15.

[16] КЕВ. – 1898, неоф. часть. – С. 174.

[17] Николай, архимандрит. Душеполезное чтение. Февраль. 1905. – С. 468

[18] *Виноградов А.*, священник. Там же. – С. 464.

О. В. Горохова

БИБЛИОТЕКИ КОСТРОМСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

Книжный штамп, овальный, 33×15 мм

Книжный штамп, овальный, 53×35 мм

Книжный штамп, круглый, диам. 30 мм

Книжный штамп, прямоугольный, 59×48 мм

Основание библиотеки относится к 1753 году, когда Костромская духовная консистория приобрела для семинарии первую книгу – «славянскую библию, ценою в пять рублев». В дальнейшем устройство и комплектование семинарской библиотеки осуществлялось под руководством и при непосредственном участии костромских архиереев. Так, в 1771 году при Симоне (Лагове) было построено специальное каменное здание для семинарской «книгохранительницы», а в 1774 году он лично составил инструкцию, согласно которой заведовать библиотекой поручалось префекту семинарии, а библиотекаря надлежало «избирать из учителей проворнейшаго к книгам и знающаго науки и языки, преподаваемые в семинарии, нравом скромнаго, который бы умел привлечь к книгочтению и не скучлив был бы на докуки и часто ходить для охотников к книгам».

Комплектование библиотеки происходило как за счет ежегодных штатных

© О. В. Горохова, 2007

сумм, так и благодаря щедрым пожертвованиям. Так, в 1771 году она пополнилась почти сотней книг на греческом, еврейском и латинском языках скончавшегося в 1769 году епископа Дамаскина (Аскаронского). Книги на греческом, еврейском, латинском и немецком языках оставил ей также переведенный в 1778 году в Рязань епископ Симон (Лагов). Но самым большим и ценным поступлением, безусловно, оказалось собрание умершего в 1811 году епископа Евгения (Романова), содержавшее такие издания, например, как *Собрание пословиц на латинском языке* 1533 года, *Анналы Тацита* 1592 года и множество драматических, философских, исторических, географических, медицинских и других произведений на разных языках.

Дарителями и завещателями личных собраний семинарской библиотеке в XVIII – начале XX века являлись также архимандрит костромского Богоявленского монастыря Феодосий, директор костромской губернской гимназии Ю. Н. Бартенев, председатель Комитета иностранной цензуры в Санкт-Петербурге А. И. Красовский, профессор Санкт-Петербургской духовной академии Н. Н. Глубоковский, преподаватель КДС А. И. Рейпольский. Свои сочинения в дар библиотеке передавали такие авторы, преподаватели и выпускники семинарии, как Н. О. Андроников, И. А. Арсеньев, П. Е. Беликов, И. И. Вознесенский, Ф. А. Голубинский, А. И. Дружинин, Н. В. Зырин, И. Е. Лаговский, П. П. Орнатский, П. Ф. Островский, Н. В. Покровский, Гавриил (В. Ф. Розанов), Ф. И. Успенский и другие.

В фундаментальной библиотеке хранились редкие издания сочинений Аристотеля (1496), Гомера (1561), Тацита (1592) и других авторов, изданные на латинском языке в XV–XVI веках, а также *Трифологион* Сильвестра Коссова (1647), *Лексикон Славенороссский* (1653), *Евхологий* (1658) и др. Отдел рукописей содержал 90 рукописей XIV-XIX веков, древнейшими из которых являлись *Толковая Палея* конца XIV века, *Пятикнижие Моисеево* и *Учительное Евангелие патриарха Каллиста* XV века, хронографы XVII века.

Вместе с КДС фундаментальная библиотека пострадала в пожарах 18 мая 1773 года, декабря 1813 года, 6 сентября 1847 года, 20 декабря 1867 года и 9 февраля 1907 года. До последнего пожара она состояла из 20 569 томов, 6582 из которых были утрачены, однако в 1913 году насчитывала 7 299 книг в 19 445 томах и 111 наименований периодических изданий. Составленный в 1883 году И. И. Вознесенским каталог фундаментальной библиотеки, за который автор в 1885 году удостоился благодарности правления КДС, был издан в двух частях в 1901–1902 годах.

Для ученической библиотеки в 1862 года ректором семинарии Корнилием (Орлинковым) были составлены «Правила касательно составления, хранения и употребления ученической библиотеки при Костромской духовной семинарии». 200 книг в 1875 году ей были пожертвованы выпускником семинарии, священником Покровской церкви села Ножкина Чухломского уезда В. В. Залесским. В 1907 году ее пополнили библиотека покойного епископа Виссариона (Нечаева) и книжный дар на сумму 500 рублей выпускника КДС Е. Е. Голубинского. К 1913 году фонд ученической библиотеки состоял из 4 823 томов книг и 1 434 томов периодических изданий.

В 1907 году, кроме того, в семинарии была открыта библиотека учебников, отпускаемых для пользования по удешевленной цене. Она пополнялась за счет ежегодной епархиальной субсидии и единовременного пособия в 200 руб. от

Общества вспомоществования нуждающимся учащимся КДС. Книжный фонд ее с 343 в 1907 году возрос до 1 641 экземпляра в 1913 году. Финансировалась и комплектовалась открытая в 1907 году ученическая читальня для чтения периодических изданий. Часть журналов ей бесплатно присылала редакция «Костромских епархиальных ведомостей».

После закрытия КДС 20 000 томов книг в 1918 году было передано Костромской центральной научной библиотеке. Ныне книги КДС находятся в Костромской областной универсальной научной библиотеке им. Н. К. Крупской, Государственном архиве Костромской области, Костромском государственном университете им. Н. А. Некрасова, Костромском государственном объединенном историко-архитектурном и художественном музее, а также Российской государственной библиотеке.

Библиотекари фундаментальной библиотеки

1761–28.08.1762 – Иона, игумен Богородицкого Игрицкого монастыря и префект КДС

28.08.1762–176? – Игнатий, игумен Спасо-Запрудненского монастыря и префект КДС

176?–30.05.1771 – Семчевский Яков, префект КДС

30.05.1771–09.04.1775 – Красовский Иоанн Иоаннович (1746–1811), префект КДС (1771–1775)

22.08.1775–? – Агриколянский Георгий, учитель богословия

1780–1781 – Флеров Иродион, учитель греческого языка и информатории

178?–? – Иосиф, игумен и префект КДС

178?–178? – Арсеньев Иаков Арсеньевич (1768–1848), префект КДС (?–1797)

?–27.09.1794 – Левитский Даниил, учитель грамматики

27.09.1794–28.07.1798 – Красовский Иоанн Васильевич (1775–1847), учитель грамматики

28.07.1798–16.03.1799 – Лаговский Григорий, учитель поэзии (?–1799)

16.03.1799–03.07.1802 – Горицкий Иван Гаврилович (?–1808), учитель синтаксиса и префект КДС (?–1808)

03.07.1802–11.04.1806 – Воинов Михаил Иванович, инспектор

11.04.1806–1814 – Клиентов Алексей Николаевич, инспектор

1814–1818 – Талызин Иван Иванович, учитель математики и греческого языка

18.09.1818–1820 – Горский Андрей Андреевич (1790–1836), учитель еврейского и немецкого языков (1813–1820)

1820–1822 – Илиодор (Чистяков Иван Борисович) (ок. 1792–1861), преподаватель церковной истории и греческого языка, инспектор (1820–1822)

?.09.1822–1823 – Амфилохий (Тумский Александр Иоакимович)(ок. 1793–1867), инспектор (1822–1823)

1823–01.09.1825 – Соснин Николай Петрович (1794–1868), преподаватель всеобщей истории и немецкого языка (1820–1825)

05.09.1825–08.10.1830 – Муравьев Парфений Ананьевич(1800–?), учитель словесности (1824–1840)

1830–1832 – Матфей, иеромонах, кандидат, учитель гражданской истории и немецкого языка

30.07.1832–19.02.1841 – Зарин Василий Григорьевич(1801–?), помощник инспектора (1830–1838)

19.02.1841–02.09.1842 – Розов Павел Михайлович(1806–1873), помощник инспектора (1838–1842)

1842–1847 – Веселовский Иван Александрович(1812?–1849), преподаватель философии(1839), Священного Писания, логики и психологии (1840)

30.06.1847–22.09.1850 – Бронзов Ксенофонт Дмитриевич(1821–1899), помощник ректора (1845–1857)

22.09.1850–15.07.1867 – Андроников Николай Осипович (1816–1899), помощник инспектора (1847–1867)

19.07.1867–01.09.1873, 11.09.1875–30.09.1883 – Вознесенский Иван Иванович (1838–1910), преподаватель греческого языка (1864–1870) и церковного пения (1870–1873)

24.10.1883–01.10.1885 – Баженов Иван Васильевич (1854–1920), преподаватель Священного писания (1883) и греческого и еврейского языков (1884)

01.10.1885–27.11.1886 – Строев Василий Иванович (1850–1918), преподаватель словесности и логики (1879)

11.01.1901–19.01.1904 – Романовский Сергей Николаевич (1861?–1912), преподаватель обличительного богословия (1901)

07.09.1904–1918?– Грандилевский Леонид Леонидович (1870–?), преподаватель латинского языка (1896), физико-математических наук (1906) и философии (1913)

Библиотекари ученической библиотеки

17.09.1839–1841? – Вертоградов Михаил Макарович (1813–1886), преподаватель библейской истории, литургики и канонического права (1839)

15.03.1851–1865-Пернаткин Гавриил Иванович (1826–1889), преподаватель церковной истории и Священного Писания (1851), помощник инспектора (1853–1866)

29.04.1883–17.11.1888 – Смирнов Андрей Павлович (ок. 1856–?), помощник инспектора (1880–1883), священник Сретенской церкви КДС (1883–1888)

1888-1889- Ильинский Василий Степанович (1877–?), помощник инспектора(1883-1887)

1889–? – Целиков Дмитрий Дмитриевич (ок. 1858–?), помощник инспектора (1887–1889)

06.11.1902–1910? – Драчев Николай Васильевич (1877–?), помощник инспектора (1902–1910?)

12.08.1913–1917 – Ильинский Владимир Александрович (1886–1917), преподаватель гомилетики и литургики (1913–1917)

Литература

Каталог книг фундаментальной библиотеки Костромской духовной семинарии. Т. 1–2. – Кострома, 1901–1902.

Каталог книг ученической библиотеки Костромской духовной семинарии.- Кострома, 1899.

Андроников Н. О. Исторические записки о Костромской духовной семинарии и Костромской губернской гимназии / сост. бывшим учителем семинарии и временным преподавателем гимназии Николаем Андрониковым. – Кострома, 1874. – С. 3–108.

Горохова О. В. Источники и способы пополнения библиотеки Костромской духовной семинарии // Научные труды молодых ученых КГТУ. – Кострома, 2005. – Вып. 6. – Ч. 1. – С. 157–159.

Горохова О. В. Книжные знаки учебных библиотек // Костромская старина. – 2006. – № 19. – С. 49–53.

Груздев П. Н. Отчет по организации и деятельности Костромской Центральной научной библиотеки за время с 15 апреля 1918 г. по 7 марта 1919 г. // Первый год Советской работы по народному образованию в г. Костроме. 1918–1919 : сб. материалов / под ред. В. А. Невского. – Кострома, 1921. – С. 209.

Диев М. Я. Историческое описание Костромского Ипатского монастыря. – М., 1858. – С. 47–49.

Мартынов И. Ф. Книжные собрания русской провинции конца XVIII – начала XIX в.(По материалам книговедческого обследования библиотек, музеев и архивов Костромы. 1980 г.) // Книготор-

говое и библиотечное дело в России в XVIII – первой половине XIX в. – Л., 1981. – С. 119–134.

Страхов Н. Н. Вздох на гробе Карамзина // Заря. – 1870. – № 10. – Отд. 2. – С. 209–210.

Журналы Епархиального съезда костромского духовенства за 1906 год // КЕВ. – 1906. – № 19. – Ч. оф. – С. 278–280.

Из воспоминаний о семинарии (кон. 50–80-е гг.) // КЕВ. – 1906. – № 21. – Ч. неоф. – С. 839–840.

Из жизни Костромской духовной семинарии в 1906/7 учебном году // КЕВ. – 1907. – № 22. – Отд. неоф. – С. 698–703.

[Изложение доклада В.В. Майкова «Рукописное собрание Костромской духовной семинарии»] // Труды IV Областного историко-археологического съезда в гор. Костроме, в июне 1909 г. – Кострома, 1914. – С. LXXVII–LXXVIII.

История Костромской иерархии (Рукопись 1773 года, хранящаяся в библиотеке Костромской духовной семинарии) / опубл. А. Соловьев // КЕВ. – 1887. – № 8. – Ч. неоф. – С. 246–247.

Костромская духовная семинария на юбилейной выставке Костромского губернского земства // КЕВ. – 1913. – № 13. – Отд. неоф. – С. 419–420.

Пожар в семинарии // КЕВ. – 1907. – № 5. – Отд. неоф. – С. 177–178.

Положение о библиотеках г. Костромы // Советская газета. – 1918. – 15 мая. – № 92.

Рукописи, поступившие в 1951 году / сост. И. М. Кудрявцев и др. // Государственная библиотека им. В. И. Ленина. Записки отдела рукописей. – М., 1952. – Вып. 14. – С. 101, 102, 107, 108.

Собрание Костромской областной библиотеки им. Н. К. Крупской. Ф. 138. // Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина / РГБ. Отд. рукописей. – М., 1996. – Т. 1. – Вып. 3. – С. 59–69.

IV Областной археологический съезд в г. Костроме // КЕВ. – 1909. – № 16. – Отд.неоф. – С. 511.

Архив: ГАКО. Ф. 432. Оп. 1. Д. 1793. Л. 1-5 об., 24; Д. 2194. Л. 1-8 об.; Д. 2200. Л.1-21; Д. 3121. Л. 1-13; Д. 3325. Л. 1-2; Д. 4103. Л. 1-24; Д. 4147. Л. 3-37; Д. 4165; Д. 4427. Л. 2-96; Д. 4563. Л. 1-279 об.; Р. 2343. Оп. 1. Д. 7. Л. 14, 25; Оп. 2. Предисловие. Л. 3.

РГБ. Ф. 138 (Собрание Костромской областной библиотеки им. Н. К. Крупской)

А. Пушкарев,
выпускник КоДС 2000 г. от Р.Х.

КОСТРОМСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первая мировая война, неожиданно разразившаяся летом 1914 года, отразилась на различных сторонах жизни России, в том числе и жизни церковной. Не обошла она стороной и существование духовных школ. Уже 31 июля 1914 года Святейший Синод издал определение, в котором постановлялось: «Начать занятия во всех духовно-учебных заведениях в определенное Уставами сих учебных заведение время, в местностях же, находящихся в районе военных действий, учебные занятия начинать только по сношении с военным начальством»[1].

Находившейся в глубоком тылу Костромской духовной семинарии в первый военный учебный год пришлось поменять устоявшийся за многое время уклад. По благословению правящего архиерея Преосвященнейшего епископа Евгения значительная часть семинарского общежития была отведена под лазарет для солдат. В комнатах разместились раненые фронтовики, но учебный процесс преподавательская корпорация старалась поддерживать на должном уровне. В первые месяцы военных действий на службу в армию были призваны помощники инспектора Николай Соловьев и Михаил Барков, надзиратель за воспитанниками Павел Ильинский. По понятным причинам надзор за учениками стал затруднительным, поэтому обязанности мобилизованных сотрудников возложили на себя преподаватели.

Большой подъем патриотических настроений в обществе, конечно же, коснулся и семинарий. Воспитанники Костромской духовной школы в начале сентября 1914 года в своей среде собрали деньги на содержание лазарета русских духовно-учебных заведений имени преподобного Серафима Саровского. Имя этого святого было избрано для лазарета потому, что объявление Германией войны России совпало с днем его прославления. Первоначально лазарет предполагалось разместить в здании Литовской духовной семинарии, но оно было уже занято под госпиталь. Архиепископ Литовский святитель Тихон (Белавин), впоследствии Патриарх, выразил готовность передать под размещение Серафимовского лазарета свой городской дом в Вильно, а игуменья Красностокского монастыря Елена предложила для этой цели здание церковно-учительной школы в своем монастыре. Ректор Минской духовной семинарии протоиерей Язвицкий известил, что семинария, без ущерба для учебного процесса, может разместить лазарет в 100 кроватей, и, если возникнет необходимость, предоставить дополнительно часть квартир служащих. Поэтому решено было разместить Серафимовский лазарет в здании Минской духовной семинарии. 17 сентября 1914 года епископом Минским Митрофаном (Краснопольским) он был освящен. В лазарете было размещено сначала 50, а затем 100 кроватей для раненых, а также операционная, перевязочная, аптека, кладовая, ванная комната, помещение для врачей, сестер милосердия, санитаров. Руководство лазарета и семинарии проявляло заботу о духовной жизни раненых. Так, 2 января 1914 года, в праздник преподобного Серафима, было причащено

© А. Пушкарев, 2007

Святых Таин 73 раненых. Обращалось внимание и на организацию их досуга, в частности, были устроены чтение с туманными картинами и концерт[2].

Учащиеся устраивали патриотические вечера, а преподаватели выступали с речами, в которых рассказывали о вековой борьбе русского народа за православное Отечество. Семинарский хор исполнял духовные песнопения и произведения, проникнутые любовью к Родине.

Но поистине самым высоким проявлением любви к Отечеству для костромских семинаристов стало их стремление во чтобы то ни стало попасть на фронт. Помочь своей стране в трудную годину желали многие, но одни по малолетству, а другие из-за слабого здоровья не могли осуществить свое желание. И все же, несмотря на закон о воинской повинности, разрешавший не призывать учащихся духовных школ на действительную военную службу, из Костромской духовной семинарии в ряды защитников Отечества встали более 50 воспитанников.

Выпускник Костромской духовной семинарии Маршал Советского Союза Александр Михайлович Василевский свидетельствует: «После объявления войны меня обуревали патриотические чувства, лозунги о защите Отечества захватили меня. Поэтому я, неожиданно для себя и для родных, стал военным... Мы с несколькими одноклассниками попросили разрешения держать выпускные экзамены экстерном, чтобы затем отправиться в армию. Наша просьба была удовлетворена, и в январе 1915 года нас отправили в распоряжение Костромского воинского начальника, а в феврале мы были уже в Москве, в Алексеевском военном училище»[3]. К счастью история сохранила для молитвенной памяти имена и фамилии костромских семинаристов, по зову Родины ставших ее защитниками. Семинарский костюм сменили на военную форму следующие воспитанники.

6 класс

Гортов Иван
Груздев Геннадий
Неклюдов Николай
Потехин Василий
Благосклонов Сергей
Белокрылин Евгений
Василевский Александр (будущий маршал)
Ильинский Анатолий
Петропавловский Николай
Сахаров Михаил

5 класс

Велтистов Николай
Комаров Николай
Лебедев Николай
Любимов Иван
Парийский Геннадий
Славинский Иван
Соколов Александр
Чистяков Иван
Яковлев Константин

4 класс

Казанский Михаил
Олеров Павел
Парийский Владимир
Поляков Милий
Севастьянов Степан
Урсин Димитрий
Богданов Николай
Вишняков Борис
Голубцов Александр
Лебедев Александр
Пермезский Леонид

3 класс

Абрамов Сергей
Красовский Симон
Кострицкий Александр
Лебедев Константин
Перепелкин Иван
Полетаев Димитрий
Сахаров Владимир
Тардов Евгений
Тихонравов Геннадий
Успенский Василий

Флеров Александр
Юницкий Петр
Яблоков Александр

2 класс
Соловьев Иван

1 класс
Калестов Борис

После окончания полного курса семинарии в мае 1915 года на фронт ушли:

Лебедев Михаил, Одоевский Михаил, Преображенский Александр.

Своим определением Святейший синод от 19–29 ноября 1914 года постановил, что воспитанники шестого класса, выразившие желание поступить на военную службу, имеют право держать экзамены за шестой класс во второй половине января. В определении указывалось, «чтобы экзамены производились в обычном полном объеме и чтобы к ним допускались лишь те воспитанники, которые могли представить письменное согласие своих родителей на поступление на военную службу и были признаны пригодными к ней по медицинскому освидетельствованию, причем не выдержавшие экзамены в январе могли быть допущены к экзаменам и весной, наравне с прочими учениками своего класса»[4]. В том же месяце Святейший Синод издал определение о том, что «воспитанники, отправляющиеся с разрешения подлежащего начальства и согласия своих родителей на войну добровольцами, принимаются обратно в те же классы, в коих они обучались, без экзамена, а в следующие – по экзамену»[5]. Однако никому из ушедших на фронт семинаристов так и не пришлось снова сесть за парту в родной духовной школе. Катастрофа 1917 года смерчем прошлась по российским семинариям. Вскоре после революции была упразднена и Костромская духовная семинария.

В основном, воспитанники сначала поступали в Московское Алексеевское училище, а затем после четырехмесячного обучения попадали на фронт.

Алексеевское военное училище среднее военное учебное заведение для подготовки офицеров пехоты. Основано в 1864 как Московское пехотное юнкерское училище (в 1897–1906 гг. Московское военное училище). Комплектовалось преимущественно разночинной молодежью. С 1866 размещалось в Красных казармах в Лефортове.

Многие воспитанники Костромской семинарии, ушедшие на войну добровольцами, проявили на полях сражений воинскую доблесть, а некоторые сложили головы за любимое Отечество.

11 декабря 1914 года пал на поле брани командир роты 44 Сибирского стрелкового полка подпоручик Сергей Николаевич Махровский. Покойный сын священника села Лищеева Солигаличского уезда Костромской губернии родился 10 августа 1890 года. По окончании курсов в Солигаличском духовном училище поступил в августе 1904 года в Костромскую духовную семинарию, в которой обучался до сентября 1908 года. Выбыв из 5 класса семинарии, он поступил впоследствии в Казанское военное училище. Неприятельский снаряд разорвался над блиндажом, где находились подпоручик Махровский и раненый фельдфебель, затем несколько шрапнельных пуль пробили дверь в блиндаже, две из которых попали в голову подпоручику Махровскому.

Вот что писал в посмертном письме к родным бывшего костромского семинариста командир 44 Сибирского стрелкового полка: «Ваш брат подпоручик Сергей Николаевич Махровский за короткое пребывание в нашем полку составил себе репутацию храброго офицера, хорошего товарища и любимого начальника»[6]. А командир батальона того

же полка сообщал: «...у Сергея Николаевича, кроме беззаветной храбрости и порыва, было еще очень ценное качество, он не терялся ни на миг... Товарищ он был настоящий. Привлекали к нему и его незлобивость, и покладистость... Мы потеряли героя-офицера. Будем вместе оплакивать его, будем свято чтить память о нем, полк же на страницах своей истории запечатлеет его славное участие в боях»[7]. Сам же подпоручик Махровский писал родителям 25 октября 1914 года: «...я отправляюсь в действующую армию. Об одном прошу, не беспокойтесь о моей участи и молитесь обо мне. Отправляюсь на войну, я только об одном думаю, как бы мне помочь дорогой нашей Родине и Царю своими слабыми силами. Что будет возможно, все мной будет сделано, а я не посрамлю дорогой нашей семьи»[8].

9 марта 1915 года при штурме высоты «596», на границе Венгрии, убит командир 5 роты 74 Ставропольского полка прапорщик Николай Васильевич Мальцев. Покойный – сын священника села Благовещенского, Юрьевецкого уезда, Костромской губернии, родился 4 января 1886 года, обучался в Кинешемском духовном училище, по окончании которого поступил в сентябре 1901 года в Костромскую Духовную Семинарию, где проучился до 1905 года.

16 ноября 1916 года сраженный во время атаки немецких окопов на высотах Карпат умер смертью храбрых поручик 42 пехотного Якутского полка Сергей Алексеевич Благосклонов. Покойный – сын священника села Веси Суздальского уезда Владимирской губернии – родился 27 июня 1892 года, обучался в Суздальском духовном училище, по окончании которого поступил в августе 1908 года в Костромскую духовную семинарию. Выбыв по прошению, с согласия своего отца из шестого класса семинарии в октябре 1914 года, Сергей Алексеевич поступил на военную службу. Вскоре направился на театр военных действий, где и пробыл почти два года, став участником многих славных сражений. Его товарищ по семинарии и военной службе поручик того же полка Василий Михайлович Потехин писал на имя отца ректора семинарии: «...полк оплакивает геройскую кончину Сергея Алексеевича. Оплакивает его и как славного офицера, товарища и друга. Сергей Алексеевич всегда проявлял в боевых действиях геройский дух и был отмечен многими боевыми наградами; последняя награда, к которой он был представлен, – орден св. Владимира 4-ой степени. Пал он на поле брани со словами в устах: "Вперед, землячки! Собьем противника с его укрепленной линии во славу России и нашего славного полка!" В это время вражеская пуля сразила его в живот. Сергей Алексеевич скончался на пути к перевязочному пункту, причем успел выразить свое последнее желание быть похороненным на родине»[9].

13 июня 1915 года убит в бою с неприятелем командир 9-ой роты 295 пехотного полка Владимир Александрович Островский. Покойный – сын священника Николаевской церкви села Деревенек Нерехтского уезда Костромской губернии Александра Островского. Родился 5 июля 1894 года. Обучался в Костромском духовном училище, по окончании которого в 1910 году поступил для продолжения образования в Костромскую духовную семинарию. В ноябре 1914 года Владимир Александрович, движимый горячим желанием в тяжелую годину послужить Царю и Отечеству, с согласия и благословения своего отца, вышел из 5-го класса семинарии и поступил в Московское Алексеевское военное училище. 1 мая 1925 года он был произведен в прапорщики и причислен к 87-му пехотному запасному батальону в городе Рыбинске.

10 мая был отправлен в действующую армию и 1 июня зачислен в 12 роту 296-го пехотного Грязовецкого полка. 12 июня назначен командиром 9-ой роты 295 пехотного Свирского полка. Убитый в бою 13 июня, Владимир Александрович похоронен в селе Раздвинев, близ города Галича около реки Днестр.

17 июля 1916 года в Киевском военном госпитале скончался от ран бывший регент правого хора семинарии и управляющий семинарским оркестром прапорщик 88 Петровского полка Михаил Александрович Лебедев. Почивший – сын умершего священника Богородицкой церкви села Адищева Кинешемского уезда Костромской губернии. Родился 6 февраля 1893 года. В августе 1909 поступил в Костромскую духовную семинарию, в которой окончил полный курс в мае 1915 года. Летом того же года поступил в Московское Алексеевское военное училище, из которого выпущен прапорщиком и отправлен в действующую армию. 22 июня 1916 года во время атаки был тяжело ранен в ногу двумя разрывными и несколькими простыми пулями (рана была 8 см в диаметре). В Киевском военном госпитале, куда Михаил Александрович был доставлен для излечения, рана загноилась. После трех операций ему отняли ногу, но спасти его не удалось. Перед смертью, по сообщению его денщика, он испытывал ужаснейшие страдания.

Упокой Господи, души усопших рабов Твоих, воинов православных, за веру и Отечество жизнь свою положивших!

Но несмотря на войну, жизнь в семинарии продолжалась. Каждую субботу в семинарском храме служилась ранняя заупокойная литургия, на которой присутствовали все классы поочередно. Служились частые панихиды по убиенным воинам. При хороших вестях с фронта семинарский хор пел благодарственные молебны, а начало занятий предварялось пением перед портретом императора гимна «Боже, Царя храни...»

Еще одной формой, в которой выражались патриотические чувства воспитанников семинарии, стало устройство досуга для раненых воинов. Семинаристами устраивались вечера и концерты для них как в госпиталях, так и в помещениях семинарии. По инициативе местного инспектора лечебных заведений, генерал-майора А. П. Маргаритского семинаристы выступали перед ранеными бойцами, исполняя духовные и патриотические стихи и песнопения.

Костромская духовная семинария, отмечающая в этом году свой 260-летний юбилей, может гордиться тем, что воспитала для нашей Церкви большое количество священников, а для государства Российского не только знаменитых богословов, философов, историков, ученых, политических деятелей, но и смиренных защитников Родины. Память о семинаристах-воинах должна жить в сердцах нынешних воспитанников, а имена молитвенно вспоминаться за богослужениями в духовной школе.

Примечания

[1] *Рункевич С. Г.* Великая Отечественная война и Церковная жизнь, 1916г. кн.1. Распоряжение и действия Святейшего Синода 1914–1919 гг. – С. 231.

[2] Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по Ведомству Православного исповедания за 1914 г. – Синод. тип., 1916. – С.655.

[3] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. – М., 1975.

[4] Рункевич С.Г. Великая Отечественная Война и Церковная жизнь. 1916. – Кн. 1: Распоряжения и действия Святейшего Синода в 1914–1919 гг. – С. 256.

[5] Там же. – С. 255.

[6] Костромские епархиальные ведомости – 1916 г. – № 13. – С. 352.

[7] Там же.

[8] Там же. – С. 353.

[9] Там же. – С. 351.

А. М. Елизаров

МУЧЕНИКИ ЗА ВЕРУ

История Костромской духовной семинарии – неотъемлемая часть истории древней Костромской земли. Поэтому без преувеличения можно сказать, что в ней, в судьбах выпускников семинарии, нашли отражение все события и явления, происходившие в разные исторические периоды на этой земле.

Было время, когда семинария по праву занимала место в ряду старейших духовных учебных заведений России. За долгие годы существования из стен этого учебного заведения вышли многие известные люди, ставшие митрополитами, ректорами и профессорами духовных учебных заведений, религиозными философами и церковными историками. Из стен семинарии вышел будущий архиепископ Костромской и Галичский Никодим (Кротков), а также, говоря светским языком, рядовые священнослужители храмов[1].

В истории семинарии есть и драматические страницы. В 1918 году семинария была закрыта. В создававшейся новой истории России место старейшему духовному учебному заведению отведено не было. Говоря об этом надо иметь в виду, что закрытие семинарии являлось не просто административным актом закрытия учебного заведения, а по большому счету преддверием приближавшихся трагических событий, связанных с официальным политическим курсом гонения на церковь и широким размахом репрессий по отношению к духовенству. Ответственный работник Совета по делам религии при Совете Министров СССР Е. В. Чернецов писал в 1991 г. в журнале «Наука и религия»: «Конечно, пострадали все конфессии, но тогда более всех пострадала, как это ни странно, именно православная церковь»[2].

Это откровение чиновника имеет под собой реальную почву. Проводимая в 20–30-е годы XX столетия Советской властью кампания по разгрому церквей, политические преследования служителей культа, возведенная в ранг государственной политики антирелигиозная пропаганда среди населения привели не только к значительному сокращению действующих церквей, отвлечению от церкви основной массы верующих. Все это в той или иной степени отразилось на судьбах многих миллионов людей, не могло пройти мимо Костромской земли и ее жителей. Здесь, как и в других местах, священники арестовывались за то, что они священники, верующие за то, что верующие. В «церковных» делах чаще всего они обвинялись в антисоветской агитации, выражающейся в монархических настроениях, недовольстве политикой партии и правительства, участии в контрреволюционных церковных группировках или нелегальных организациях. В подобных действиях обвинялись как представители церковного сословия, так и бывшие выпускники Костромской духовной семинарии, волею судьбы попавшие в водоворот трагических событий того времени.

Может быть, в юбилейный год об этом вспоминать, а тем более писать и не стоило бы. Но ведь все это – факты исторического характера. История тем интереснее, чем подробнее. Как нельзя полностью спеть песню, выбросив из нее слова, которые не нравятся, так и нельзя изучать историю только по тем ее страницам, которые повествуют о достижениях или сложных процессах, завершающихся достижениями или героическим пафосом. Из истории нельзя изъять ее трагические страницы хотя бы потому,

© А. М. Елизаров, 2007

что они раскрыты через конкретные события, через судьбы конкретных людей, в данном случае через костромичей, принадлежавших к духовному сословию и ставших мучениками за веру.

В качестве иллюстрации к сказанному можно привести некоторые статистические данные, составленные на основе изучения архивно-следственных дел карательных органов на подвергшихся арестам священнослужителей. По своему трагизму она соответствует тому времени, когда зарождалась.

В 20-е и даже 50-е годы прошлого века по неполным данным в Костромской области репрессиям было подвергнуто 145 служителей культа, большинство из которых вышли из стен Костромской духовной семинарии. К сожалению, в анкетах арестованных в графе «образование» имеется лишь краткая запись – «Костромская семинария». В редких случаях указан год окончания. Пик применения политических репрессий по отношению к духовенству приходится на 1930-е годы, когда было арестовано и осуждено более 68 % священников от общего числа репрессированных в 1920–1950-е годы. За весь рассматриваемый период репрессий было сослано в Северный край, Казахстан и Красноярский край сроком от 3 до 10 лет 27 представителей костромского духовенства, что составило 18,6 %. Более половины репрессированных священников различными судебными инстанциями (тройки, особые совещания и т. д.) были приговорены к заключению в лагеря сроком от 3 до 10 лет. Незначительная часть – 6 человек – по вынесенным приговорам прикреплялась к определенному месту жительства, которое покидать запрещалось. Особенно трагической строкой в приводимой статистике является вынесение приговоров о применении высшей меры наказания – расстрела. По вынесенным приговорам в 1937-1942 годах из числа репрессированных священников был расстрелян каждый шестой.

После закрытия в 1918 году Костромской духовной семинарии первые признаки будущих широкомасштабных репрессий по отношению к духовенству появились в 20-е годы XX века.

В одной публикации невозможно рассказать о судьбах всех 145 репрессированных священников. Поэтому речь будет идти только об отдельных из них, подвергшихся репрессиям в разные годы и приговоренных к различным мерам наказания.

20 ноября 1929 года Костромским окружным отделом ОГПУ был арестован священник с. Сойкино Костромского района *Яблоков Иван Иванович*. Здесь и далее будут называться только мирские имена священников, так как других имен в следственных документах и приговорах нет.

В 1910 году Яблоков закончил Костромскую семинарию. Год был без должности. Затем до 1914 года работал учителем. С 1914 года служил в приходе с. Сойкино. После ареста содержался под стражей в Костромском исправдоме. Обвинялся в том, что как бывший церковник вел «антисоветскую пропаганду против основ социальной революции и мероприятий Советской власти»[3].

На допросе Яблоков заявил: «По поводу предъявленных мне фактов моей якобы антисоветской агитации за время службы в Сойкине, то категорически это отрицаю и нахожу, что это наглая клевета»[4].

Тем не менее, следствие сочло, что факты его «преступных деяний установлены» и 29 января 1930 года священник Яблоков вместе с проходившими по делу 14 мирянами Особым Совещанием при Коллегии ОГПУ Ивановской промышленной области был приговорен «к заключению в концлагерь сроком на три года»[5].

Запущенная машина репрессий сбоев не давала. В отношении духовенства она была беспристрастной. Ей было безразлично, какое духовное заведение священник закончил – академию, духовное училище, семинарию. Важно было другое – разоблачить «антисоветскую деятельность церковников».

Подтверждением тому является разработанный следственными органами в октябре 1929 года материал по так называемому «исследованию антисоветской деятельности церковников гор. Костромы»[6], который лег в основу подготовленного уполномоченным следственного отдела полномочного представительства ОГПУ по Ивановской промышленной области 23 октября 1929 года постановления. В постановлении говорилось: «В ряде общин г. Костромы под руководством духовенства и при поддержке реакционно-монархических членов церковных советов организовались нелегальные кружки т. наз. "сестричества"».

Под прикрытием указанных выше «сестричеств» духовенство проводит антисоветскую деятельность как в смысле распространения разных необоснованных слухов о предстоящей войне, голоде и т. п. и через них же открыто тормозит мероприятия советской общественности, как в смысле закрытия церквей по просьбе рабочих, так и в проведении антирелигиозной работы»[7].

Следствием этого постановления явилась соответствующая карательная акция. 24 октября 1929 года был арестован 21 представитель Костромского духовенства, в том числе выпускники Костромской духовной семинарии: протоиерей Ильинской общины, закончивший семинарию в 1880 году Воскресенский Сергей Александрович; священник Предтеченской общины с 1924 года Изюмов Михаил Константинович; выпускник семинарии 1896 года священник Христорождественской общины Сарментов Василий Ефимович; живший в Костроме с 1897 года протодиакон Ильинской общины Померанцев Василий Степанович и другие[8].

На допросах арестованные виновными себя не признали, о чем свидетельствуют записи в протоколах. Приведем некоторые из них в качестве примеров.

Изюмов М. К.: «В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю и заявляю, что никогда антисоветской агитации не вел и относился к власти лояльно»[9].

Померанцев В. С.: «Виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю... Вообще, я могу сказать, что я ни в какие антисоветские группы и организации не входил и таковых не знаю»[10].

Сарментов В. Е.: «В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю и объясняю, что ни в каких антисоветских организациях не участвовал и проповедей антисоветского характера не говорил»[11].

18 декабря 1929 года следствие было закончено, и уполномоченный следственного отдела видимо с чувством выполненного долга записал в постановлении, «что произведенным по сему делу следствием все обстоятельства исследованы с достаточной полнотой» и «что дело по согласованию с прокурором будет направлено на рассмотрение Коллегии ОГПУ»[12]. Для вынесения приговора этого было достаточно: Изюмов М. К. на 3 года отправлялся в концлагерь, Воскресенский С. А., Сарментов - В. Е., Померанцев В. С. на 3 года ссылались в Северный край[13]. Такая же участь постигла и других проходивших по делу.

Наступили 30-е годы XX века, которые принесли новые страдания людям, вписали новые трагические страницы в их судьбы, в историю Костромского края, так как маховик репрессий не только не остановился, а раскручивался с еще большей силой, нанося беспощад-

ные удары по духовному сословию. Начались первые аресты в наступившем новом десятилетии.

4 апреля 1931 года аресту были подвергнуты священники Богословский Василий Петрович и Попов Петр Владимирович, проживавшие в Семеновском районе (ныне Островский район). Уже на четвертый день после ареста им было предъявлено обвинительное заключение, в котором утверждалось: «Церковники... будучи враждебно настроенными к мероприятиям Советской власти, в момент переживаемых трудностей социалистической стройки, поднимая головы, как ярые классовые враги, повели решительное наступление против проводимых мероприятий партии и сов. властью в деревне, используя в этом деле трибуну церкви»[14]. Этого было достаточно для вынесения 5 июня 1931 года Особым Совещанием при Коллегии ОГПУ Ивановской промышленной области приговора о заключении Богословского В. П. на 3 года в концлагерь и о высылке на такой же срок Попова П. В. в Северный край[15].

Шли годы. Менялось название репрессивно-карательных органов. Но неизменным оставалось их отношение к служителям культа, в которых по-прежнему они видели классовых врагов, ведущих борьбу против Советской власти. Щупальца репрессий стали проникать на периферию. В подтверждение сошлемся на пример тех лет.

19 августа 1936 года был взят под стражу и посажен в арестантское помещение Буйского районного отдела НКВД священник церкви с. Контеево Буйского района Касторский Федор Андреевич. В постановлении об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения начальник райотдела написал: «Касторский распространял отъявленную гнусность по адресу вождей, связывая это с коллективизацией и житочной жизнью колхозников. Вел антиколхозную агитацию, распространял провокационные слухи о том, что крестьяне в колхозах голодают, что колхозы не жизненны, и они скоро развалятся. В июле мес. с/г вел агитацию против снятия с церквей колоколов. 15/VIII-с/г он, Касторский, будучи в помещении с/совета распространял клевету по адресу сов. власти, связывая это с проектом новой Конституции»[16]. Для спецколлегии Ярославского областного суда этого было вполне достаточно, чтобы приговорить Касторского к 7 годам лишения свободы с поражением в избирательных правах на 5 лет[17].

Во второй половине 30-х годов XX века проводимая в СССР политика репрессий по политическим мотивам была официально узаконена и достигла своего апогея.

3 июля 1937 года Наркому внутренних дел Ежову и на места была отправлена телеграмма Сталина о необходимости репрессирования антисоветских элементов и административного проведения их дел через «тройки»[18]. 30 июля 1937 года Ежов издал оперативный приказ № 00447, который предписывал органам НКВД с 5-го августа 1937 года во всех республиках, краях и областях начать операцию по репрессированию бывших кулаков, активных антисоветских элементов и уголовников[19].

В ходе возведенной в ранг внутренней политики кампании репрессиям в 1937–1938 годах подвергались государственные и политические деятели, военачальники и крупные хозяйственные руководители, ответственные партийные и советские работники, деятели культуры и науки и, конечно же, извечные «враги» советского строя – священники.

Поскольку приказ был оперативный, видимо по этой причине он достаточно оперативно выполнялся. 29 октября

1937 года начальник Шарьинского районного отделения НКВД написал в своем постановлении: «5 августа 1937 года Шарьинским отделением Горьковской области (Шарьинский район до 1944 г. входил в состав Горьковской области – *А. Е.*) на территории села Н. Шанга была вскрыта и ликвидирована контрреволюционная фашистско-диверсионно-вредительская шпионская террористическая организация церковников в количестве 32 человек»[20]. В ее составе был назван священник Николо-Шангской церкви Орлов Николай Романович. Позднее к составу группы был причислен священник Покровской церкви с. Селино Межевского района Воинов Иван Михайлович. Духовное образование оба священника получили в Костромской семинарии. 13 ноября 1937 года последовало обвинительное заключение, вслед за ним, 20 ноября, жестокий приговор тройки УНКВД Горьковской области, по которому 20 осужденных, в том числе священники Орлов и Воинов подлежали расстрелу[21], остальные – заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет.

Под проводимую во второй половине 1937 года повсеместную операцию по репрессированию попал еще один выпускник семинарии, служивший в Воскресенской церкви с. Якшино Солигаличского района, Рыженков Сергей Андреевич. Аресту Рыженкова предшествовало заявление, поступившее в Солигаличское районное отделение НКВД с просьбой «расследовать дело о контрреволюционной агитации со стороны попа Воскресенской церкви с. Якшино Высоковского с/с Рыженкова Сергея Андреевича...»[22]. «Расследование» долго ждать себя не заставило. Уже 13 октября было составлено обвинительное заключение, приписывающее Рыженкову клевету на Советскую печать, агитацию за срыв выборов в Верховный Совет СССР, высказывание террористических настроений против вождей партии[23], а 14 октября 1937 года тройкой УНКВД Ярославской области он был осужден к заключению в лагерь сроком на 10 лет[24].

Поскольку оперативный приказ № 00447 распространял применение репрессий к репрессированным в прошлые годы «церковникам и сектантам», то эта его норма органами НКВД неукоснительно выполнялась.

Так повторно был арестован осужденный в 1929 году к 3 годам концлагеря и на 3 года высылки священник Изюмов Михаил Константинович. Постановлением судебного заседания тройки УНКВД по Ярославской области от 17 марта 1938 года был приговорен к расстрелу[25]. Приговор приведен в исполнение 28 март 1938 года[26].

Еще до появления зловещего оперативного приказа «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» в декабре 1936 года по обвинению в контрреволюционной агитации и распространении провокационных слухов был арестован архиепископ Костромской и Галичский Никодим – в миру Кротков Николай Васильевич. Особым совещанием при Наркоме внутренних дел СССР был осужден к ссылке в Красноярский край на 5 лет. В 1937 году арестован повторно. Умер в больнице Ярославской тюрьмы. В справке помощника начальника тюрьмы по этому поводу сказано: «Сообщаем, что в тюремной больнице 21-го августа 1938 года в 14 часов 30 минут умер следственно-заключенный Кротков Никодим, он же Николай Васильевич...»[27]

После трагических событий второй половины 30-х годов XX века черная тень репрессий еще долго витала и над страной, и над Костромской землей. Этот факт подтверждается документами, которые открывают возможность сопереживания прошлому.

25 октября 1940 года Костромским горотделом НКВД был арестован священник Городищенской церкви в Заволжском районе Костромы Уханов (так записано в анкете арестованного – *А. Е.*). Обвинялся в том, что «используя церковный амвон в дни большого скопления молящихся в церкви, под видом проповедей проводил контрреволюционную агитацию, призывал верующих к организованной борьбе с Советской властью»[28].

На допросах 25 сентября, 5 октября, 31 октября виновным себя не признал. 13 декабря 1940 года Ярославским областным судом приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей с поражением в правах на 5 лет. Вынесению такого сурового приговора не помешало и состояние здоровья Уханова. Сохранилась справка врача-ординатора Ярославской тюрьмы № 3, датированная 19 ноября 1940 года, в которой говорится: «При медосмотре з/к Уханова выяснилось, что он страдает атеросклерозом сердца и эмфиземой легких старческого характера»[29].

В годы Великой Отечественной войны, наряду с действительными преступниками, суду по 58-й статье подвергались и люди невиновные в совершении предъявляемых обвинений. Как и в прошлые годы на гильотину по-прежнему отправлялись служители культа.

В декабре 1941 года по обвинению в антисоветской агитации и распространении пораженческих слухов повторно был арестован священник Богословский Александр Венедиктович. Виновным себя не признал. На допросе 8 января 1942 года, например, он заявил: «Виновным себя в предъявленном мне обвинении я не признаю, так как среди приходящих ко мне лиц пораженческой агитации я не вел. Я не сторонник немцев и объяснял присутствующим, что немцы нам не братья ни по крови, ни по духу»[30]. Однако Военный Трибунал Войск НКВД Ярославской области не признал это в качестве доказательного аргумента невиновности Богословского, а поэтому приговор был жесток – «расстрелять без конфискации имущества за отсутствием такового»[31]. И далее: «Приговор кассационному обжалованию не подлежит»[32]. Расстрелян 14 мая 1942 года[33].

Нет необходимости сегодня в подробностях восстанавливать и описывать картину происходившего на Костромской земле в те тяжелые годы. Трагическая сущность этой картины видна из того, что православные священнослужители, среди которых было немало выпускников семинарии, как невинно пострадавшие за веру, реабилитированы. Светлый лик мучеников с крестом пусть сделает печаль и память о них вечной.

Примечания

[1] *Архиепископ Александр.* Священномученик Никодим. Жизнь, отданная людям. Кострома. 2001. С. 28.

[2] Забвению не подлежит. Н. Новгород. 1994. С. 268.

[3] ГУ «ГАНИКО». Ф. Р-3656. Оп.2. Д. 120. Л. 174.

[4] Там же. Л. 113 об.

[5] Там же. Л. 181.

[6] ГУ «ГАНИКО». Ф. Р-3656. Оп. 2. Д. 142. Л. 59.

[7] Там же. Л. 60.

[8] ГУ «ГАНИКО». Ф. Р-3656. Оп. 2. Д. 65. Т. 1. Л. 1.

[9] Там же.

[10] Там же. Лл.12, 19, 31, 47.

[11] Там же. Л. 110 об.

[12] Там же. Лл. 112 об., 113.

[13] Там же. Л. 114 об.

[14] Там же. Л. 132.

[15] Там же. Л. 147.

[16] ГУ «ГАНИКО». Ф. Р-3656. Оп. 2. Д. 993. Л. 1.

[17] Там же. Л. 7.

[18] Забвению не подлежит. Н. Новгород. 1994. С. 273.

[19] Там же. С. 259.
[20] ГУ «ГАНИКО». Ф. Р-3656. Оп. 2. Д. 2392. Т. 3. Л. 479.
[21] Там же. Л. 821, 824.
[22] Там же. Л. 754.
[23] ГУ «ГАНИКО». Ф. Р-3656. Оп. 2. Д. 1275. Л. 1.
[24] Там же. Л.19.
[25] Там же. Л. 21
[26] ГУ «ГАНИКО». Ф. Р-3656. Оп. 2. Д. 65. Т. 1. Л. 102.
[27] Там же. Л. 103.
[28] *Елизаров А. М.* Введение в научный оборот малоизвестных и новых источников по истории Русской Православной Церкви. Историческое краеведение и архивы. Вологда. 2001. С. 194.
[29] ГУ «ГАНИКО». Ф. Р-3656. Оп. 2. Д. 1165. Л. 47.
[30] Там же. Л. 46.
[31] ГУ «ГАНИКО». Ф. Р-3656. Оп. 2. Д. 2411. Л. 22.
[32] Там же. Л. 122 об.
[33] Там же.

"УПОКОЙ, ГОСПОДИ, ДУШИ РАБ ТВОИХ..."
Выпускники Костромской духовной семинарии, пострадавшие от репрессий в 20–50-е гг. XX в.

Альбов Алексей Дормидонтович, 1868 г.р., с. Спасское, Подосиновский р-н, Северная (в н. в. Архангельская) обл., священник Воздвиженской церкви, с. Воздвиженское, Пыщугский р-н. 20.11.1937 г. Тройкой УНКВД по Горьковской области приговорен к расстрелу с конфискацией имущества. Реабилитирован в 1956 г.

Андреевский Николай Арсентьевич, 1862 г.р., с. Николо-Пенья, Нерехтский р-н, до ареста жил в с. Шангское городище, в связи с преклонным возрастом и болезнью в храме не служил. 20.11.1937 г. Тройкой УНКВД по Горьковской области приговорен к расстрелу с конфискацией имущества. Реабилитирован в 1956 г.

Богословский Александр Венедиктович, 1885 г.р., с. Ильинское, Костромской р-н, священник церкви с. Сидоровское, Красносельский р-н. 10.04.1942 г. Военным Трибуналом войск НКВД по Ярославской области приговорен к расстрелу. Расстрелян 14.05.1942 г. Реабилитирован в 1990 г.

Вигилянский Николай Яковлевич, 1884 г.р., с. Спас, Мантуровский р-н, до ареста жил в п. Мантурово, работал в колхозе «Унжа» счетоводом. 03.12.1937 г. Тройкой УНКВД по Горьковской области приговорен к расстрелу с конфискацией личного принадлежащего имущества. Реабилитирован в 1961 г.

Войнов Иван Михайлович, 1875 г.р., с. Спасское, Пыщугский р-н, священник Покровской церкви, с. Селино, Межевской р-н. 21.11.1937 г. Тройкой УНКВД по Горьковской области приговорен к расстрелу с конфискацией имущества. Реабилитирован в 1956 г.

Волков Петр Андреевич, 1875 г.р., д. Нименда, Котласский р-н, Северная (в н. в. Архангельская) обл., священник Макарьевской церкви, г. Кологрив. 23.10.1937 г. Тройкой УНКВД по Горьковской области приговорен к расстрелу с конфискацией лично принадлежащего имущества. Расстрелян 01.11.1937 г. Реабилитирован в 1989 г.

Воскресенский Василий Маркович, 1878 г.р., с. Кужбал, Нейский р-н, священник Успенской церкви, с. Печенкино, Ивановский р-н, Горьковская обл. (в н. в. Шарьинский р-н). 19.11.1937 г. Тройкой УНКВД по Горьковской области приговорен к расстрелу с конфискацией имущества. Умер в Горьковской тюрьме 18.11.1937 г. Реабилитирован в 1959 г.

Добролюбов Николай Иванович, 1897 г.р., с. Нижне-Межевское, Межевской р-н, священник церкви с. Спас, Мантуровский р-н. 03.12.1937 г. Тройкой УНКВД по Горьковской области приговорен к расстрелу с конфискацией лично принадлежащего имущества. Реабилитирован в 1961 г.

Изюмов Михаил Константинович, 1894 г.р., с. Воскресение Глазуново, Чухломский р-н, до ареста жил в с. Анфимово, Парфеньевский р-н, священник Предтеченской церкви, с. Анфимово. 17.03.1938 г. Тройкой УНКВД по Ярославской области приговорен к расстрелу. Расстрелян 28.03.1938 г. Реабилитирован в 1990 г.

Зайцев Филипп Николаевич, 1872 г.р., д. Левино, Ветлужский р-н, Горьковская обл., до ареста жил в д. Глушиха, Ивановский р-н, Горьковская обл. (в н. в. Шарьинский р-н), священник Рождественской церкви с. Рождественское, Ивановский р-н. 19.11.1937 г. Тройкой УНКВД по Горьковской области приговорен к расстрелу с конфискацией имущества. Реабилитирован в 1959 г.

Касаткин Николай Геннадьевич, 1887 г.р., г. Кострома, священник церкви с. Халбуж, Угорский с/совет, Мантуровский р-н. 03.12.1937 г. Тройкой УНКВД по Горьковской области приговорен к расстрелу с конфискацией лично принадлежащего имущества. Реабилитирован в 1961 г.

Кастальев Николай Александрович, 1893 г.р., г. Буй, священник церкви с. Ноля, Галичский р-н. 02.11.1937 г. Тройкой УНКВД по Ярославской области приговорен к расстрелу. Расстрелян 17.11.1937 г. Реабилитирован в 1980 г.

Лебедев Владимир Гаврилович, 1875 г.р., с. Богоявленское, Галичский р-н, до ареста жил в Кологриве, священник Макарьевской церкви, г. Кологрив. 23.10.1937 г. Тройкой УНКВД по Горьковской области приговорен к расстрелу с конфискацией лично принадлежащего имущества. Реабилитирован в 1989 г.

Левашов Василий Владимирович, 1873 г.р., г. Макарьев, Костромская обл., священник церкви с. Троицкое, Ивановский р-н, Горьковская обл. (в н. в. Шарьинский р-н). 19.11.1937 г. Тройкой УНКВД по Горьковской области приговорен к расстрелу с конфискацией имущества. Реабилитирован в 1959 г.

Михайловский Николай Иванович, 1877 г.р., с. Н-Мера, Кинешемский р-н, Ивановская обл., священник церкви с. Н-Корба, Семеновский (в н. в. Островский) р-н. 15.11.1937 г. Тройкой УНКВД по Ивановской области приговорен к расстрелу с конфискацией лично принадлежащего имущества. Расстрелян 17.11.1937 г. Реабилитирован в 1989 г.

Николаевский Николай Сергеевич, 1891 г.р., с. Борок, Буйский р-н, священник церкви с. Заборье, Семеновский (в н. в. Островский) р-н. 08.10.1937 г. Тройкой УНКВД по Ивановской области (до 1944 г. Семеновский р-н входил в Ивановскую обл. – *А. Е.*) приговорен к расстрелу. Реабилитирован в 1969 г.

Новиков Сергей Александрович, 1897 г.р., с. Завражье, Юрьевецкий р-н, Ивановская обл. (в н. в. Кадыйский р-н), священник церкви с. Изосим, Мантуровский р-н. 02.12.1937 г. Тройкой УНКВД по Горьковской области приговорен к расстрелу с конфискацией лично принадлежащего имущества. Реабилитирован в 1961 г.

Орлеанский Владимир Александрович, 1886 г.р., с. Шартаново, Судайский р-н, до ареста жил в с. Чертово, Судайский р-н, работал заведующим и учителем в начальной школе. 16.11.1937 г. Тройкой УНКВД по Ярославской области приговорен к расстрелу. Расстрелян 27.11.1937 г. Реабилитирован в 1993 г.

Орлов Николай Романович, 1865 г.р., д. Высокая, Пыщугский р-н, священник Николо-Шангской церкви, Шарьинский р-н. 21.11.1937 г. Тройкой УНКВД по Горь-

ковской области приговорен к расстрелу с конфискацией имущества. Реабилитирован в 1956 г.

Петропавловский Александр Михайлович, 1883 г.р., с. Пружинино, Ивановская обл., священник Рождественской церкви, с. Рождественское, Ивановский р-н, Горьковская обл. (в н. в. Шарьинский р-н.). 19.11.1937 г. Тройкой УНКВД по Горьковской области приговорен к расстрелу с конфискацией имущества. Реабилитирован в 1959 г.

Поленский Александр Иванович, 1886 г.р., с. Георгиевское, Мантуровский р-н, священник церкви с. Георгиевское. 03.12.1937 г. Тройкой УНКВД по Горьковской области приговорен к расстрелу с конфискацией лично принадлежащего имущества. Реабилитирован в 1961 г.

Поспелов Рафаил Иванович, 1886 г.р., с. Пазухино, Костромской р-н, до ареста жил в г. Кологрив, работал в Кологривском детдоме им. Ленина счетоводом. 19.11.1937 г. Тройкой УНКВД по Горьковской области приговорен к расстрелу с конфискацией лично принадлежащего имущества. Реабилитирован в 1956 г.

Реформаторский Иван Николаевич, 1878 г.р., с. Большие Соли, Некрасовский р-н, Ярославская обл., священник с. Шангское городище, Шарьинский р-н. 21.11.1937 г. Тройкой УНКВД по Горьковской области приговорен к расстрелу с конфискацией имущества. Реабилитирован в 1956 г.

Смирнов Лавр Николаевич, 1876 г.р., с. Георгиевское, Межевской р-н, священник церкви с. Георгиевское. 03.12.1937 г. Тройкой УНКВД по Горьковской области приговорен к расстрелу с конфискацией лично принадлежащего имущества. Расстрелян 11.12.1937 г. Реабилитирован в 1989 г.

Лист № 5

к делу № 1440

АНКЕТА АРЕСТОВАННОГО

1. Фамилия Изюмов

2. Имя и отчество Михаил Константинович

3. Дата рождения: „17" месяц Июля год 1894

4. Место рождения Село Воскресение Глазуново Чухломского района Ярославской области.

5. Местожительство (адрес) с. Акфимово Погореловского Совета Парфеньевского района Ярославской области.

6. Профессия и специальность Служитель культа

7. Место службы и должность или род занятий Служитель культа (поп) с. Акфимово
указать без сокращений. название предприятия или учреждения и характер производства

8. Паспорт Паспорта не имеет
когда и каким органом выдан, номер и категория, где прописан

9. Социальное происхождение Служитель культа - отец тоже
род занятий родителей и их имущественное положение
Был служителем культа (поп) умер в 1932 году

10. Социальное положение Служитель культа (поп)
род занятий и имущественное положение арестованного

а) до революции учился в Духовной семинарии в гор. Костроме.

б) после революции с 1918 по 1922 г. школьный работник, 1923 года по сие время служитель культа.

11. Образование (общее и специальное) среднее

1969

Фрагмент анкеты арестованного, составленной 24.11.1936 г. на Изюмова Михаила Константиновича

Фотография из следственного дела Богословского Александра Венедиктовича, арестованного 24.12.1941 г.

З.ОРЛОВА Николая Романовича, 1865г. рождения, уроженца д.Высокая, Пыщугского района, Горьковской области, до ареста попа Н.Шангской церкви, проживавшего в д.Выползово, Шарьинского района, Горьковской области, судимого в 1931г. по ст.61 УК на 1 год лишения свободы.

В том, что будучи в 1934 году вовлечен попом КАМЕНСКИМ в к-р.церковно-фашистскую диверсионно-террористическую и шпионскую организацию, по заданиям его, получаемым на нелегальных совещаниях, на протяжении ряда лет проводил к-р.деятельность, направленную к развалу колхозов. Распространял провокационные слухи о близости войны и гибели Советской власти, срывал важнейшие политические мероприятия партии и среди населения создавал ненависть к существующему строю.

З.ОРЛОВА Николая Романовича-

РАССТРЕЛЯТЬ.

Лично принадлежащее ему имущество КОНФИСКОВАТЬ.

Фрагмент выписки из протокола № 33 от 20.11.1937 г. заседания Тройки УНКВД по Горьковской области с объявлением приговора Орлову Николаю Романовичу

Фотография из следственного дела Николаевского Николая Сергеевича, арестованного 08.09.1937 г.

Иннокентия (Травина), игуменья

НОВАЯ ЛЕТОПИСЬ КОСТРОМСКОГО БОГОЯВЛЕНСКО-АНАСТАСИИНА МОНАСТЫРЯ

– Мать Евфимия, расскажите о себе.

– Я родилась в Киргизии. Семья была очень верующая. За то, что не признавали новую советскую власть, отца и мать раскулачили и выгнали из села. Отца сослали в тюрьму, троих старших братьев направили в трудармию рыть дороги. Я осталась самая старшая (10–12 лет), дом нужно было содержать, мать, братишку и сестренку младших кормить. Научилась шить – тем и жили.

Монахиня Евфимия (Огнева)

Во время Великой Отечественной войны было очень голодно. Магазины закрыли, продуктов из других районов страны не привозили. Киргизы прятали кукурузу в горах, в земле. Привозили в поселок продавать уже полусгнившую, изъеденную мышами и насекомыми, и такую сразу же раскупали. Дохлых мышей вытащим из кукурузы и тщательно ее вымываем. Жарим, а затем долго толчем. Получившуюся кукурузную муку завариваем кипятком – этим и питались один раз в сутки.

Целыми днями работали для фронта. Зимой шьем полушубки, шапки-ушанки, рукавицы, белье. Ни денег, ни продуктов – ничего не давали. Умирали от голода. Просим председателя: «Дайте хоть продуктов каких-нибудь, есть совсем нечего. Все время шьем и шьем, времени нет, чтобы хоть что-нибудь выращивать. Умираем. Помогите!» А нам в ответ: «На войне кровь проливают, и ничего они не просят, каждый день в лицо смерти смотрят. А вы дома сидите, никто в вас не стреляет». И выгнали нас.

Летом пололи кукурузу, картошку и другие овощи. Осенью их собираем, на больших терках вручную все перетираем, сушим, запаковываем и отправляем на фронт. Для фронта трудились не покладая рук. Не работали только грудные дети и старухи, которые не могли ходить.

Летом также работали на огородах, которые находились в 4-х часах ходьбы от поселка. Встанем ночью, чтобы к раннему утру прийти на поля. Обуви не было, ходили босиком; по колючкам, по камням ноги до крови издерем по дороге. В шесть вечера мы должны быть уже в военкомате, где проходили в обязательном принудительном порядке «всеобуч». Сначала выслушивали лекции, а затем строем ходили по горам, по болотам, по долинам в обмундировании: гранаты прицепят к поясу, винтовку, за спиной – спальный мешок. А сил после жары и трудов на огородах нет. На нас кричат, заставляют идти с песнями и петь громко. А у нас не хватает сил даже дышать, не только петь. Командир с войны пришел с жестким характером, не жалел нас. И до 10 вечера проходили военную подготовку. Придешь домой еле живая, а через 2–3 часа вставать на работу.

© Иннокентия (Травина), игуменья, 2007

Отец и мать очень сильно молились. Ночью вставали читали Псалтирь, Апостол, Евангелие, поклонов много клали.

Я заболела тифом. Еще во время обучения 19 дней без сознания лежала, на 20-й день открыла глаза. Во время болезни с автоматами приходили домой, искали меня. Думали, что родители прячут. А мама плачет: «Она в больнице, не знаем, выживет или нет». Много раз угрожали отцу, приходили даже в больницу, где я лежала без сознания. Не верили, думали, что обманываю: стали поднимать, тормошить. Прибежали медсестры, главврач, только после беседы с ними успокоились.

Ели лебеду. Листья насушим, перетрем и кипятку добавим, затем долго-долго мешаем, пока не загустеет. Так Господь в живых оставил.

– Вы были близкой духовной дочерью Глинского старца отца Серафима (Романцова). Как Вы узнали про батюшку?

– После войны, когда Глинскую пустынь разогнали, в наших краях поселился отец архимандрит Серафим (Романцов). Пастухом жил в горах. Помогли ему оформить паспорт. Мой брат Димитрий также жил в горах с семьей и был его близким духовным чадом. Если в поселке узнали бы, что в горах живет батюшка, то его обязательно посадили бы в тюрьму. Много искали батюшку по горам, по оврагам. Но отец Серафим по милости Божией оставался незамеченным. Батюшка вместе с моим братом и с другими семьями устроил в горах престол, где совершал Божественную литургию.

Однажды брат указал нам место в горах, где очень много малины растет. Мы пришли – красота кругом неописуемая. Вдруг видим: старичок-пастух сидит на камне.

– Вы, сестры Димитрия будете?

– Да, дедушка, – отвечаю я.

– Когда в следующий раз придете, приводите отца с матерью.

– Да как же, дедушка, они старенькие. Если бы батюшка здесь жил, то они бы на коленочках приползли. Не говели и не причащались с 20-х годов.

– А вы все-таки приведите.

Несколько раз встречалась с батюшкой, но он не говорил, кто он. Однажды спрашиваю его:

– Дедушка, а не скучно тебе одному здесь день и ночь со скотинкой?

– Почему мне будет скучно? Посмотри, какая красота, тишина. Я и со скотинкой поговорю – все творение Божие.

По прошествии некоторого времени батюшка просит меня съездить в Ташкент к монахиням. Приезжаю к ним, а они прямо с порога: «Ты Димитриева сестра? Спаси тебя Господи. Нам батюшка отец Серафим привозил от тебя деньги, просил молиться за тебя». Я отвечаю: «Нет у меня никаких денег, впроголодь живем. Вас впервые вижу, попросил дедушка-пастух приехать к вам». Так и выяснилось, что дедушка-пастух – Глинский старец отец Серафим (Романцов), который вымаливал меня у Господа и монахинь просил молиться за меня, скрывая от них свою помощь: все деньги, которые он зарабатывал тяжелым трудом, пересылал им. С того времени я неукоснительно слушалась отца Серафима во всем как духовного руководителя. Когда батюшка переехал в Сухуми, благословил и мне там жить, ухаживать за монахинями. После смерти отца Серафима моим духовным отцом стал архимандрит отец Кирилл (Павлов).

– Расскажите о наставлениях отца Серафима.

– Он говорил своим духовным чадам: «Старайтесь никого не осудить, чтобы и Господь вас не осудил в день суда. Со всеми живите дружно. Никого не судите, никому не досаждайте и всем мое почтение».

Настоятельница Богоявленско-Анастасиинога монастыря Игумения Иннокентия (Травина) с сестрами

– Были ли случаи прозорливости при жизни Старца?

– Батюшка неоднократно мне говорил: «Никогда не держи книгу духовного содержания на коленях». Я тогда думала про себя: «С чего бы мне держать на коленях?» А батюшка вновь повторял свое наставление. Когда у меня заболел позвоночник и стали отказывать почки, у меня не хватало силы удерживать Псалтирь или другие Богослужебные книги в руках (по благословению батюшки они все старинные, большие). Только опустила на колени, как вспомнила слова отца Серафима, сказанные мне еще в молодости. И его наставление всегда выполняю.

Когда я работала в Сухуми, батюшка благословил перед причастием поститься один день и кушать все постное без масла единожды днем. Я выполняла его благословение неукоснительно. Одно время я перестала работать, но батюшке об этом не сказала. Вдруг вызывает меня отец Серафим и строго спрашивает, как пощусь перед причастием. Я ответила, что по благословению – один день. Батюшка сказал: «Сейчас ты не работаешь, поэтому перед причастием постись три дня, ешь постное без растительного масла, а в день перед причастием кушай единожды днем».

– Вы всегда подвизались в миру или проходили послушание в монастыре?

– Когда началась война в Грузии, жить стало очень трудно. Написала отцу Кириллу, чтобы он благословил меня в Киевский Покровский монастырь. Батюшка в то время жил в Толгском монастыре. Ему переслали туда мое письмо, и он ответил: «Если тебя примут - Бог благословит». И прислал икону Спасителя на Кресте и в терновом венце, икону Божией Матери «Путеводительница». Настоятельницей Покровского монастыря была матушка игумения Маргарита. Матушка Маргарита разговаривала с сестрами очень мало, потому что было много стройки, поскольку монастырь восстанавливался. Когда поступали в обитель новые сестры, матушка соберет всех на трапезе и скажет: «Все вы взрослые, жили в миру. Видели мирскую жизнь. Ушли из мира и пришли в монастырь. Зачем пришли в монастырь – сами знаете: для спасения своей души. Вы пришли не на курорт, не на отдых. Вы пришли на Голгофу. Как Господь шел тернистым путем, так и в монастыре нужно скорбеть о спасении своей души: как ее спасти. Господь показал нам путь, и этим путем держите себя, свои мысли, дела. Вспоминайте страдания Господни.

Когда я пришла в Покровский монастырь, меня благословили нести одной послушание церковницы. 18 лет не выходила из церкви, кушать приносили в храм. Работы было очень много. Одна переставляла большие лестницы, чтобы вымыть окна, паутину смахнуть. Одежды не было никакой, кроме халата. Как-то передали лоскут черной материи – его хватило только на юбку. Сама сшила, а поверх темный халатик, так и проходила все 18 лет».

– *Как Вы узнали про Богоявленско-Анастасиин монастырь?*

Когда на Украине начались смутные времена и жить стало трудно, я написала отцу Кириллу, как мне дальше жить. Но его не было в Лавре: батюшка очень сильно болел и лечился в Крыму. Тогда я написала отцу Иоанну Крестьянкину в Печоры. Старец сразу прислал ответ: «Уезжайте из Украины в Россию. Господь Вас не оставит».

Приехали к отцу Кириллу, но он после болезни никого не принимал. Мы упросили сказать батюшке, что приехали монахини Евфимия и Елисавета из Киевского Покровского монастыря. Сразу же нас принял. Как увидела батюшку, упала ему в ноги и стала просить его со слезами: «Батюшка, устройте нас в какой-нибудь монастырь, не желаем жить в миру». Мать Елисавета стала просить батюшку направить в Хотьково. Отец Кирилл ласково сказал в ответ: «Вам для спасения души нужно ехать только в Кострому». А мы ничего не слышали ни про Кострому, ни про чудотворную Феодоровскую икону Божией Матери.

В конце 1992 года мы приехали в Богоявленско-Анастасиин монастырь, который только что восстанавливался, в то время строилась пристройка к Игуменскому корпусу, в сестринском корпусе жили мирские семьи, на территории – кирпичи, камни. По монастырю ходили мирские люди. Ограды нет, ворот нет. Думаю, где же мне матушку увидеть.

Вдруг на колонку пришла монахиня Никодима (Маторина). Слезно прошу монахиню Никодиму передать матушке письмо от отца Кирилла и сказать, что мы приехали в монастырь – примут ли нас? Мать Никодима взяла письмо, провела нас в храм к Феодоровской иконе Божией Матери, а сама ушла. Мы стоим с матерью Елисаветой и со слезами просим Божию Матерь: «Матерь Божия, прими нас к Себе. Не можем жить без Тебя в миру. Помоги нам, дай нам силы, спаси нас, возьми под Свой Омофор». В это время подходит к нам матушка игумения Иннокентия с материнской улыбкой: «Кто из вас монахиня Евфимия, а кто – монахиня Елисавета? С большой радостью благословляю вас в монастырь». Мы в ноги упали, стали благодарить, а матушка сказала: «Не меня благодарите, а Матерь Божию». До сих пор не перестаю благодарить Господа и Пречистую Его Матерь, что живу в таком дивном монастыре. Каждый час благодарю матушку Иннокентию, что взяла меня, такую убогую старуху, под свою заботу и ласку. Слава Богу за все!

– В*ы поступили в монастырь в 1992 году. Расскажите о возрождении монастыря.*

Как же матушке было трудно восстанавливать монастырь! Сколько горя пережила наша матушка в то время. Корпуса передали, а жители не уходили. В корпусе была коммуналка. Жили алкоголики, наркоманы. Каждый день пьянка, друг с другом дерутся, ссорятся. Сестрам невозможно было никуда выйти: напьются – так все двери начинают выламывать, угрожали.

Благодаря матушке Иннокентии все пережили: только матушке удавалось утихомирить жильцов, чтобы мы хотя бы ночь провели без угроз. Разговаривала с ними и слезно молилась за всех.

Богоявленско-Анастасиин монастырь. 2007 год

Потом стало поспокойнее. Сестры выходили из своих келий, когда жильцы засыпали, ходили очень тихо, чтобы никого не разбудить, трудились по восстановлению монастыря. Весь коридор в мусоре, и никто из жильцов не убирал. Сестры по очереди все вымывали, вычищали. Не проходило 2–3 часа, как снова везде мусор, бутылки, окурки. Выезжать наркоманы не хотели, потом по-другому стали издеваться над нами: разобьют бутылки и разное стекло по всему коридору, под дверями келий, просфорной, во всех местах, где сестры убираются, разбросают. Сначала мы не знали этого: сколько обуви было испорчено. Даже маленьких детей приучили делать пакости. Все дети соберутся в коридоре, кричат, играют, дерутся между собой, в мячики играют о наши двери с раннего утра и до ночи. Всего и не расскажешь, что пережила матушка Иннокентия с сестрами в годы возрождения монастыря. Матушка придет к нам, все стороны перекрестит, скажет нам утешительное слово, помолится за нас – и сразу на душе радостно.

– Как трудились сестры на послушаниях?

– Когда жителям определили другие квартиры и они с трудом переехали, начался ремонт корпуса. Нам пришлось жить в помещении Смоленской церкви, где сейчас церковная лавка и музей, потому что жить было негде. Корпус полностью ремонтировали. Сняли крышу: она оказалась прогнившей. Внутренний ремонт сестры делали сами. По 20 часов, а то и сутками трудились: штукатурили, клеили обои, красили окна и двери, белили стены. Ни на минуту матушка не оставляла сестер: исправит неточности в работе, покажет, как нужно работать, подбадривает. Устанут сестры, матушка старается утешение к чаю приготовить. Жили тогда с большой нуждой, но матушка Иннокентия очень заботилась о сестрах. Во время краткого отдыха расскажет что-нибудь поучительное из монашеской жизни,или веселый случай – сестры улыбнутся, глядишь и усталость пройдет. Так и жили одной большой дружной семьей. Все очень старались восстановить монастырь. Каждая на своем послушании отдавала все свои силы, душу полагала ради монастыря во спасение себя и своих родных и близких. Все начиналось с молитвы.

Настоятельница Богоявленско-Анастасиинного монастыря Игумения Иннокентия с сестрами во время отдыха на послушании в монастырской березовой роще

Храм убирали вручную, натирали подсвечники так, что они горели, пол оттирали с мылом без швабр. Полным ходом и стройка шла: к игуменскому дому пристраивали пристройку. Кто-то из сестер кирпичи укладывает , кто-то мусор вывозит, кто-то территорию облагораживает, кто-то на подворье в Домнино трудится. Старшей сестрой подворья была первая помощница матушки Иннокентии – матушка Ангелина, ныне настоятельница Макариево-Писемского монастыря. Работы было очень много. В Домнино тогда матушка Иннокентия ферму строила на 10 коров. Но все это было в радость, мы летали как на крыльях.

– Расскажите о чуде, которое произошло с вами в монастыре.

Матушка Иннокентия благословила меня выпекать просфоры. С тестом я работала, умею выпекать хлеб, но просфоры никогда не пекла. Но твердо веря в молитвы и благословение матушки, я со слезами стала молиться Божией Матери: «Матерь Божия, помоги мне, научи печь просфоры по молитвам моей духовной матери матушки игумении Иннокентии». С верой приложилась к чудотворной Феодоровской иконе Божией Матери и стала выпекать. В первое время не все гладко получалось. Матушка придет в просфорную и подскажет, как выпекать агнцы, архиерейские, богослужебные и богородичные. Сейчас придумали и тестомешалки, и раскаточные машины. В первое время мы все вручную делали. Пекли просфор очень много. Вручную тесто замешаем, вручную раскатаем, вырезок не было – сами вручную раскатываем просфоры, они получались ровными. Работали очень быстро, времени не теряли, трудились с Иисусовой молитвой. Матушка Иннокентия придет, всех благословит, перекрестит, если что-то не так делаем, тихо подскажет как правильно и уйдет незаметно, а перед уходом обязательно всех нас перекрестит и благословит. Мы всегда ощущали поддержку и материнскую заботу. Мне приходилось жить в разных местах, но нигде я не встречала такой любви и внимания. День и ночь матушка заботилась о нашем духовном воспитании. Даже в то трудное время возрождения матушка Иннокентия находила время и читала нам монашеский устав, патерики, учения святых отцов, наставляла в духовной жизни. До сих пор не перестаю удивляться, откуда же у матушки столько сил: и больных содержит, и детей воспитывает, и монастырь возрождает. Во всем – одна любовь.

Рассказывает схимонахиня Агния (Разуваева)

– Как вы пришли к вере, к Богу?

– Родители мои были простыми крестьянами, неграмотными. Меня покрестили, но не научили ни одной молитве. Я вышла замуж за порядочного, очень верующего человека. У нас были отношения как брата с сестрой. Мы обращались к друг другу по имени-отчеству. По молодости иногда ругалась. Как услышал Максим Андреевич, супруг мой, так и рассердился на меня: «Ты что это, Анна Митрофановна, ругаешься, или совсем неверующая? Или не знаешь, что сегодня ты живешь, а завтра прямо к змию в пасть пойдешь?» От этих простых слов я ужаснулась. На коленях стала просить прощения.

Максим Андреевич очень много молился утром и вечером. Однажды тихо спросил меня:

– Анна Митрофановна, а знаешь ли ты молитвы?

– Нет, – отвечаю я. Родители мои неграмотные, некому меня было учить молиться. А храм закрыли, когда я была очень маленькой.

Он стал вслух читать «Отче наш» и «Богородице Дево, радуйся...», несколь-

ко раз я повторяла за ним, а потом запомнила и стала молиться. Пришла к родителям и их научила молитвам.

– *В годы войны Вы тяжело жили?*

– По милости Божией и благодаря Максиму Андреевичу мы совсем не чувствовали тяжесть военного времени. Максим Андреевич многим семьям нашего селения помогал и продуктами, и деньгами. Потом мобилизовали на фронт. В конце 1942 года его убили. Я осталась жить одна. Но и тогда Господь хранил, помогал. Работала на авиационном заводе. Склеивала части самолетов. Клей присылали из Америки – за полчаса превращался в камень, но был очень вредным. Однако никто из нас не задумывался о здоровье: ведь самолеты изготовляли на фронт, для победы.

– *Кто был вашим духовным руководителем?*

– Долгое время я духовно окормлялась у Глинских старцев, неся такое послушание: возила продукты, обувь, одежду старцам в горы. Приходилось спать по 2 часа в сутки в автобусе или в поезде. Было очень опасно: могли арестовать, поскольку за старцами следили. Искали и тех, кто им помогает. Но Господь по молитвам старцев хранил меня, и по Божией милости много лет я выполняла это трудное послушание, пока старцы не разъехались в разные места.

Каждый год я старалась посещать святые места. Однажды поехала в Псково-Печорский монастырь. В дороге очень сильно молилась, чтобы Господь указал мне духовного руководителя, и кого я первым встречу, тот был моим духовным отцом. Первого я увидела иеросхимонаха, впоследствии схиигумена Савву – будущего всенародного старца. Подошла и все рассказала, попросив его стать моим духовным руководителем. Он предсказал всю мою жизнь. Благословил 7 больших свечей со словами: «Сегодня поставь три в храме, а четыре зажги дома». Я спросила схимницу – близкую духовную дочь старца, что это значит. Она ответила, что свечи батюшка благословил за мою душу. Но дальнейшие ее слова меня сильно удивили: «Как я рада за тебя! Батюшка все о тебе узнал и постоянно теперь будет молиться о тебе».

– *Расскажите о случаях прозорливости Старца.*

– Батюшка дарил подарки со значением. Даже цвет предмета говорил о многом. Двум духовным чадам: матери (Варваре) и дочери (Веронике), окончившей школу, предсказал разлуку. Они уехали в Иерусалим, поступили в Горненский монастырь, где их убили. Они стали первыми мученицами. Однажды Петровым постом я говела в Печорах. Когда пришло время уезжать, отец Савва дал банку топленого масла и сказал: «Приедешь на сам праздник апостолов Петра и Павла – разговеешься». Я подумала, что раньше приеду. Но случилось, как сказал батюшка. Приехала в Москву, но билетов не было. Пришлось ждать. Возвратилась домой в Тбилиси именно в сам день праздника.

По благословению отца Саввы стали читать Неусыпаемую Псалтирь, свои кафизмы выучила наизусть. Даже когда ослепла, продолжала читать псалмы.

– *Какие наставления вам давал отец Савва?*

– По благословению старца, когда не было возможности приехать к нему, поступала так: грех сотворю, плачу, каюсь, напишу ему записку с исповедью, прочитаю перед фотографией духовного отца, затем прочитаю «Взбранной Воеводе...» и чувствую помощь. Он был прозорливым, знал, когда нужна помощь его духовным чадам.

– *Может быть, отец Савва оставил своим чадам духовное завещание?*

– «Слушаться, не ругаться, быть тихой, работать хорошо, не лениться» – его завет я строго выполняю и по сей день.

– Как вы стали духовным чадом отца Кирилла (Павлова)?

– После кончины отца Саввы у меня долго не было духовного наставника, о чем я очень плакала. Владыка Серафим благословил постричься в схиму. Кто-то из иеромонахов, узнав, как меня постригали в мантию, сказал, что постриг недействителен. И за разъяснениями меня направили к отцу Кириллу (Павлову). Выслушав меня, он ушел в свою келью и долго молился. И Господь открыл ему, что мне можно постригаться в схиму. Батюшка благословил, что если не найдется, кому постригать в Тбилиси, он пострижет сам. В схиму меня постригал Владыка Серафим. Когда в Грузии стали выгонять русских, я уехала – посещала храм в Загорске, молилась. Все меня знали, доверяли. Приду раньше всех, через некоторое время храм открывает дежурный священник, готовится к службе. Я незаметно прохожу и сажусь на свое место. Если его куда-нибудь звали, он закрывал меня в храме. После службы уходила самая последняя. Когда жила в Тбилиси, была старшей церковницей, строго следила за чистотой в храме, всегда старалась для Бога.

– Были ли в вашей жизни случаи исцеления?

– У меня воспалилась печень. Сразу же обратилась за молитвенной помощью к отцу Кириллу. Батюшка за меня молился и дал лекарство: благословил пить оливковое масло по чайной ложечке за три часа до еды. По молитвам батюшки получила исцеление.

– Сейчас вам 92 года, вы одна из самых старейших насельниц Богадельни. Что вы можете сказать про свою жизнь, оглядываясь в прошлое?

– По особой своей милости Господь на протяжении всей жизни хранил меня и посылал много добрых людей. Когда жила в военном городке, все с уважением ко мне относились. Стою в очереди за молоком – очередь расступается, и все говорят: «идите без очереди». А продавщица говорит: «Вы скажите, что вам нужно, я обязательно вам домой принесу». Иду из храма, читаю Иисусову молитву. Вдруг останавливается военная машина – соседи: «Садитесь, до дому вас довезем». Когда стала плохо видеть, мне помогала по уборке и готовке супруга майора. Однажды сломала ногу, продукты закончились, есть стало нечего. Вдруг открывается дверь, входит жена майора и говорит: «Что-то давно вас не видно. Может, нужна помощь?» И таких случаев было очень много.

– Вы приехали в Богадельню в 1992 году. Монастырь возрождался. Может быть, вы что-то помните о том времени?

– Когда меня стали выгонять из квартиры, отец Кирилл благословил мне жить в Богоявленско-Анастасиином монастыре. Батюшка написал письмо матушке Иннокентии, рассказав о моем сложном положении. Проходит день или два, как приезжает из Костромского Богоявленского монастыря машина: сестра сказала, что матушка Иннокентия благословила срочно мне помочь приехать.

Долгое время меня мучили бесы. По Божьему промышлению они видимым образом являлись мне и делали много пакостей. Но матушка помолилась и по Божией благодати и милости Господней они отступили от меня, а то жить просто было невозможно.

Я живу 15 лет в Богадельне и могу сказать только одно: я прожила в монастыре, как у Бога за дверью. Во время возрождения монастыря Матушка особо оберегала насельниц Богадельни, ле-

чила, заботилась, создавала все условия, чтобы мы могли молиться.

Мамочка наша справедливая, очень добрая и мудрая наставница и руководительница в духовной жизни. Когда я жила в миру, то много книг прочитала о монашестве, о духовной жизни. Но, прожив здесь более 15 лет, я почувствовала себя слепцом, только-только открываю глаза и многое начинаю понимать. Все это благодаря матушке Иннокентии, которую я зову не иначе, как мамочка...

Рассказывает монахиня Калиса (Пименова)

– Когда началась Великая Отечественная война, Вам было 8 лет. Как Вы пережили это тяжелое время?

– Война – это непосильная тяжесть для человечества. Я помню, как мимо нашего дома бесконечной колонной по 6 человек шли мобилизованные на фронт. Через неделю город опустел. Миллионы людей шли на войну. И эту миллионную армию нужно было кормить, одевать, обувать, изготовлять оружие. Работали дети с матерями. В первые годы войны с фронта пришел контуженный мастер цеха. Его сразу определили на ту же должность. На заводе тогда работали 12–15-летние мальчики. Изготовляли оружие на фронт. Работали сутками. Мальчишки засыпали у станка. Голод был страшный. Мастер выводил их из темного душного цеха во двор, играли в футбол вместо завтрака, обеда и ужина и вновь к станку. А мы все время проводили в госпиталях около раненых. Читали книги, писали письма, рассказывали стихи, приносили теплые вещи, по вечерам вязали, шили для раненных одежду.

Как могли ухаживали: кормили, температуру мерили, если у кого был жар, накладывали полотенце на лоб, чтобы хоть немного облегчить участь больного. Старшие стирали, мы убирали все помещения.

В школах располагались госпитали, а детей учили на дому: соберут в одной квартире по 10 человек, проведут уроки, дадут задания, и учителя уходят в другую квартиру, где их уже ждут ученики. Большой подвиг несли в военное время учителя: целый день обходили весь город и близлежащие селения. И это за 500 грамм хлеба без крупы. О детях в нашем городе очень заботились: кроме основного пайка давали 50 грамм ржаного хлеба и ложку пюре – это для нас было существенной помощью.

Везде окна были закрыты темным покрывалом, купола храмов были закрашены черной краской, чтобы во время бомбардировки фашисты не могли определить границы города. Старшие не знали ни отдыха, ни покоя. Рыли противотанковые рвы, работали на заводах, на полях, в колхозах. От голода, холода и усталости падали прямо на дорогах. Было очень трудно. Но Господь нас не оставил. Люди стали молиться, открылись храмы, и мы одержали победу.

Из военного времени я вынесла для себя очень много уроков, которые пригодились мне потом в дальнейшей жизни. Впоследствии, когда, окончив институт, стала работать мастером цеха на заводе «Главэнергомаш», я видела, что люди забыли ту великую любовь и жертвенность друг к другу, которая покрывала Россию в годы войны: было очень трудно, но все помогали друг другу, все жили одной большой семьей.

– Когда Вы поступили в монастырь?

– Я поступила в монастырь, когда мне было уже за 60. Я очень почитала святителя Димитрия Ростовского. Была организована паломническая поездка к его мощам, а по пути мы заехали в Толгский монастырь. В нем мне рассказали про Костромской Богоявленско-Анастасиин монастырь и про чудотвор-

ную Феодоровскую икону Божией Матери. Незадолго до своей смерти моя мама видела сон: она ведет меня к учительнице Анастасии и просит принять меня в ученики. Учительница, улыбаясь, говорит, что ученики принимаются с высшим образованием и только после разговора с директором. Вспомнив сон, я сразу же уехала в Кострому. Захожу в храм, обращаюсь к монахине. Рассказала мамин сон и попросила принять в монастырь. Она отвечает: «Вы идите к директору, а я – монахиня Паисия, в миру Анастасия» и подводит меня под благословение к матушке Иннокентии. Я встречалась с разными людьми, много ездила по святым местам, но с таким человеком встретилась впервые: столько заботы, внимания, доброты матушка успела передать за короткую беседу, что у меня словно открылось второе дыхание.

– Как возрождался монастырь?

– Много трудов и бессонных ночей было положено, чтобы из полного запустения возродить монастырь. Матушка Иннокентия с сестрами трудились круглыми сутками. На территории монастыря было до 10 туалетов, вокруг – коммуналки, в которых не было ни воды, ни канализации. Всё выливалось на территорию. Жителей не смущало, что рядом собор и Смоленская церковь, корпуса, что здесь на территории – древнее монастырское кладбище с XIV века. В корпусах жили неблагополучные в социальном отношении семьи. Они враждебно были настроены к сестрам: и без конца угрожали, и деньги вымогали; корпуса и территорию загрязняли мусором. На территории – раскрытые могилы и бесконечные мусорные ямы. Во всех корпусах практически все прогнило, проржавело. Каждый день матушка заботилась и продолжает заботиться о монастыре, о сестрах. Каждую сестру матушка знает и ведет в Царство Небесное особым истинным монашеским путем. Из мирских людей матушка воспитывает церковных, из церковных – духовных. Воспитать семь матушек Игумений для возрождения других монастырей – это свидетельствует об особом благоволении Господа к нашему монастырю и к трудам Матушки Иннокентии. Архимандрит Кирилл (Павлов) – духовник всероссийский и великий старец сказал, что Богоявленско-Анастасиин монастырь является рассадником для других монастырей в наши дни. Трудно было матушке игумении Марии (Давыдовой) в XIX веке возрождать монастырь. Но вокруг были верующие люди, которые понимали, сочувствовали, верили и надеялись, все до последнего отдавали на возрождение монастыря. Матушке Иннокентии пришлось возрождать древнюю обитель, когда вокруг стоял коммунистический режим, когда все были настроены против, когда не было понимания, не говоря уже о стремлении помочь. И все это надо было выдержать. И Господь помог.

Матушка для нас очень много значит. Если с утра мы увидим матушку и получим благословение, день пройдет радостный и в полном послушании. Если день начнется без благословения или мы долго не видим матушку, день проходит по-другому. Потому что благословение духовного руководителя защищает от врага и помогает во всем. Безусловно, случаются ошибки и промахи. И в послушании что-то выполнишь по своей воле. В эти минуты так и хочется сказать: «Матушка, взыщите меня, помогите мне!»

– Вы несли послушание на Подворье в Домнино. Расскажите о жизни на Подворье.

– Домнино – живописное место, родовая вотчина Романовых. Однако со временем все стало разрушаться, дома

стали забрасываться, а хозяева переезжали в город. Но все разом изменилось, когда передали подворье монастырю. Как много значит невидимый и незаметный, малопонятный подвиг монашествующих. Здесь трудились по восстановлению как старшие подворья помощницы Матушки Иннокентии: монахиня Ангелина (Травина) – ныне настоятельница Макариево-Писемского монастыря, монахиня София (Розанова) – ныне настоятельница Спасо-Преображенского Кировского монастыря, монахиня Алексия (Ремизова) – ныне настоятельница Пахомиево-Нерехтского монастыря.

Матушка Ангелина – истинно православный, глубоко верующий человек, опытнейшая сельскохозяйственная труженица, досконально знающая все виды сельских работ. Испытав тяжесть военных лет и гонения на Церковь, матушка Ангелина являет собой пример истинной евангельской жертвенности по отношению к ближним. Всю дорогу, когда мы ехали в Домнино, я думала: «Я городской человек, ничего не понимаю в сельскохозяйственных работах, как же я, такая несмышленая, смогу трудиться»? Подхожу к матушке Ангелине на благословение, а матушка в ответ мне улыбается: «Отбрось все свои мысли и ни о чем не думай. Господь поможет. Если устанешь, отдохни».

Рассказывает послушница Татиана (Дерибасова)

– Приходилось ли Вам в своей жизни защищать веру?

– Я никогда об этом не задумывалась. Таких громких слов о себе не могу сказать – человек я грешный, но никогда не скрывала, что верую в Бога. Отца моего расстреляли немцы, потому что был партизаном, чудом была спасена моя мать и я, тогда маленькая девочка. Жили мы на Украине.

Каждое воскресение ходили в храм. Специально для службы мама сшила мне особое красивое красное платье с валанчиками и рюшечками, очень нарядное, и такую же косыночку. Для меня воскресенье всегда было праздником, потому что я могла бывать в храме, слышать церковное пение. Крестик я никогда не снимала, но никто не догадывался, что я хожу в церковь. И вот однажды учитель истории увидел, как я вхожу в храм Божий. На следующее утро был урок по истории. И учитель вызвал меня к доске. Я ответила на все вопросы, потому что училась хорошо, и учеба давалась мне легко.

– Ну что, «красная бабушка», – обращается ко мне учитель, – где ты вчера была?

– Там, где вы меня видели, и в следующее воскресение туда же пойду, – отвечала я.

Тогда он стал смеяться надо мной и заставлял всех детей называть меня «красная бабушка». После этого он рассказал всем учителям, что я хожу в церковь, и меня заставляли снять крестик и не ходить в храм. Я бросила школу и начала работать, мне тогда исполнилось 13 лет. Приходил директор, просил маму поговорить со мной, чтобы я не бросала учиться, потому что была одной из лучших в школе. Я сказала, что в храм ходить не перестану. Когда мы переехали в город, я закончила образование в вечерней школе, успешно окончила институт и никогда не скрывала своей веры.

– Были ли в Вашей жизни случаи особого Божиего промысла и заступничества Божией Матери?

– Мама была для меня всегда примером целомудрия и крепкой веры. После смерти отца она не позволяла себе даже сидеть рядом с другими мужчинами и меня строго вела в чистоте и целомудрии. Просила почитать посты.

Однажды я приехала к ней Успенским постом. На радостях и я, и моя мама забыли о посте. Я попросила к постному борщу сметану. Перекрестилась, стала кушать, как вдруг почувствовала, что не могу вынуть ложку изо рта. Я стала задыхаться, потому что ложка словно магнитом уходила в горло. «Так сейчас же Успенский пост! Матерь Божия, прости меня окаянную!» – взмолилась мама и стала класть поклоны. И я начала слёзно умолять Царицу Небесную простить меня. Всё благополучно закончилось, но с той минуты я никогда уже не забываю о постах.

Если вы думаете, что в советское время было мало верующих, то ошибаетесь. Бригадиром к нам поставили молодого толкового, умелого, знающего свое дело, опытного специалиста, несмотря на возраст. Собрались мы все обедать. Только все разложили, как он и говорит: «Ну, что мы словно неверующие, перед едой не молимся. Разве так можно?» И запел «Отче наш». Как-то дружно все подхватили. Стали молиться и перед работой, и по окончании работы.

Хотя и были в бригаде атеисты, но и они со временем пришли к вере. Господь особым образом хранил меня.

– Вы поступили в Богадельню совсем недавно. Что Вас больше всего удивило?

– Некоторое время я жила и в Домнино, где много трудились как сестры, так и рабочие: на моих глазах проходили ремонтные работы на подворье. Когда я приехала в Домнино, мне казалось, что попала в рай на земле: так красиво, уютно, везде идеальный порядок, и это не смотря на то, что ремонтировался сестринский корпус. Я по образованию агроном – меня очень удивило, что везде: и на ферме, и на птичнике, и на огородах, в парниках – везде чистота, хозяйство ведется по всем правилам, чувствовалось, что всем руководят умелые руки и талантливый ум нашей матушки.

В монастыре я живу уже 4-й год. Невозможно даже представить тот огромный масштаб работы, который ведет матушка Иннокентия. Матерь Божия подает Своей избраннице – нашей матушке – неисчерпаемые силы и энергию, чтобы поддерживать монастырь в благолепии и красоте. Я прожила сложную жизнь, очень много приходилось трудиться. Монастырь для меня – это родной дом, а в матушке я обрела родную мать. Слава Богу за все!

Рассказывает председатель районного Ленинского суда Виктор Николаевич Рязанцев

Как только монастырь закрыли, и с наступлением новой власти на территории святой обители расположился рабочий поселок, ничего не получалось, как-то не везло здесь: горел архив, постоянно случались страшные события. Место удивительное, сейчас понимаю – намоленное, освященное трудами и подвижнической жизнью монашествующих. Оно не предназначено для проживания светских людей. Происходившими событиями сначала нас как будто предупреждали, просили одуматься, а потом мы стали сполна расплачиваться за осквернение святыни.

Первый правильный шаг за 70 лет – передача корпусов возрождаемому монастырю. Как председатель Ленинского суда, на этой должности я нахожусь с 1978 г., мне пришлось рассмотреть много страшных уголовных дел. В зданиях святой обители, занимаемых в то время мирскими людьми, спекулировали водкой. Через наш суд проходили все дела с выселением. Контингент был специфический. Многие не спешили покидать свои комнаты, хотя им предоставляли улучшенную жилплощадь.

В первые годы возрождения матушке Иннокентии с сестрами было очень трудно. Я удивляюсь мужеству и стойкости духа матушки Иннокентии. Как

можно было все это пережить: была сильнейшая психологическая нагрузка на изживание монашествующих. Настоятельница с сестрами трудилась почти целыми сутками, а отдых варварски выкрадывался мирскими жильцами.

Помню одно страшное уголовное дело: группа молодых парней направили в монастырь очень сквернословное письмо с угрозой. Вымогали миллион рублей (в 1990-е годы это была невероятная сумма). Всех малолетних преступников задержали. Без потерпевших я не мог рассмотреть дела, поэтому просил прийти в суд представителей из монастыря. Матушка Иннокентия, узнав, что это были подростки, поговорив с ними, простила их всех, отдав на поруки родителям. Я до сих пор не перестаю удивляться великой добропорядочности, не знаю как выразиться по-церковному, со стороны матушки Иннокентии, ее доброте и заботе о ближних. Никто из монастыря так и не пришел в суд. Малолетних нарушителей закона я тогда наказал нестрого, но все же наказал, чтобы неповадно было угрожать монашествующим.

Этот великодушный шаг со стороны матушки Иннокентии о многом заставил меня задуматься.

В собор я постоянно захожу и очень люблю бывать здесь, молиться. Здесь так тихо, спокойно. Сестры молятся, кто-то из них неслышно убирается – по-домашнему тепло и уютно, чувствуется старина. Особо люблю вечерние богослужения, когда А на территории монастыря я сегодня впервые... Господи! Это все равно, что небо от земли. Страшно вспомнить, что тут было: ничего кроме бурьяна да гор мусора... Сегодня монастырь – это то, что нужно было нам всегда. Желаю вашему славному монастырю процветать, чтобы больше людей обращались к вам и получали успокоение и надежду на лучшее, потому что настоящее время еще трудное – по судам сужу.

Особенно желаю, чтобы больше к Богу обратилось молодежи. И ваш монастырь – это остров спасения для многих. Уже то обстоятельство, что монастырь возродился, что в нем живут самоотверженные стойкие люди, молящиеся о всех нас, что каждое утро и вечер мы слышим монастырский звон – это дает уверенность в завтрашнем дне. Мне бы хотелось, чтобы как у Вас в монастыре хорошо, так было у нас во всем городе.

Андрей Вавилов,
инспектор семинарии, диакон

ИСТОРИЯ СЕМИНАРИИ В НОВЕЙШИЙ ПЕРИОД

Девяностые годы XX столетия стали судьбоносными для Русской Православной Церкви. Они вошли в ее историю как время интенсивного возрождения духовной жизни. Церковь получила право проповедовать, воссоздавать и строить храмы и монастыри, организовывать воскресные школы, издавать и распространять духовную литературу, открывать богословские учебные заведения.

На Костромской земле этот процесс церковного возрождения начался, когда в сентябре 1989 года на Костромскую кафедру был назначен новый архиерей, епископ Александр (Могилев) (ныне архиепископ). С первых дней пребывания в епархии владыка принялся активно искать возможности для улучшения церковной жизни, которая была скована в течение долгих десятилетий оковами государственного атеизма. Одной из приоритетных задач для нового епископа стало открытие духовного учебного заведения.

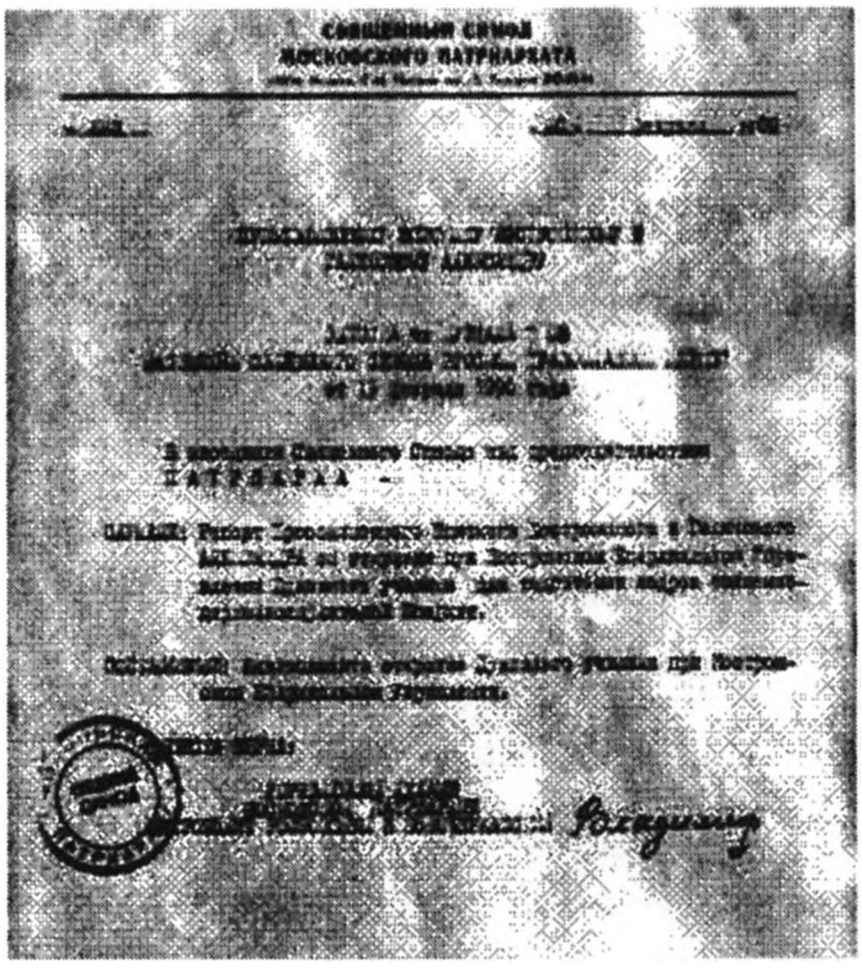
Архиепископ Костромской и Галичский АЛЕКСАНДР

В XVIII–XIX веках Костромская семинария неоднократно страдала от пожаров, превращавших ее в пепел, но каждый раз возрождалась вновь. В пламени пожара, вспыхнувшего в России в 1917 году, семинария, казалось, сгорела окончательно, но «невозможное человекам возможно Богу» (Лк. 18, 27). Спустя 72 года после своей ликвидации семинария вновь, как феникс, возродилась из пепла.

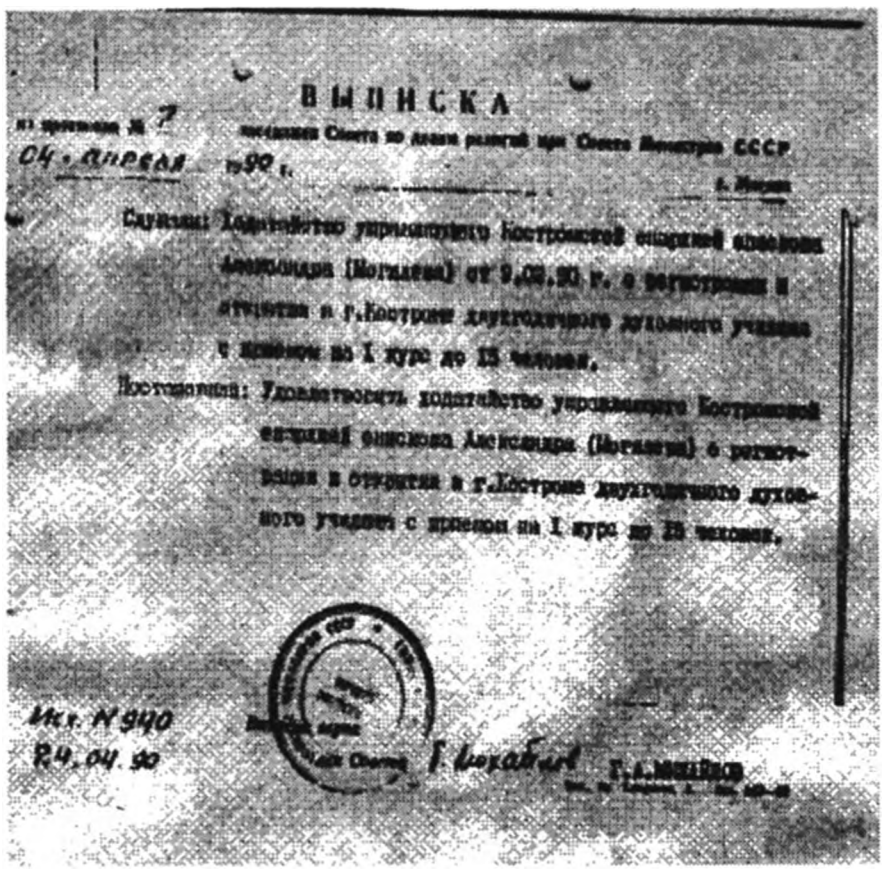
Новая история Костромской духовной семинарии началась 1 октября 1990 года. Тогда в небольшом доме при Воскресенском соборе города Костромы открылось епархиальное училище – прообраз будущей семинарии. Открытию училища предшествовала нелегкая борьба с Советом по делам религий, в которой победителем вышла епархия. Костромская духовная школа вместе с такой же школой в Смоленской епархии стала первым духовным училищем, открытым в нашей стране после революции.

На учебу были приняты первые 18 воспитанников, собран небольшой штат преподавателей из 15 человек. Первыми преподавателями-энтузиастами стали: секретарь епархии (ныне настоятель Иоанно-Златоустовского храма) протоиерей Валерий Бунтеев, ректор семинарии протоиерей Александр Андросов, иеромонах (ныне игумен) Серафим (Фирстов), протоиерей Петр Бахтин, протоиерей Владимир Степанов, иерей Георгий Эдельштейн, О. Н. Овчинников (ныне секретарь епархии, заслуженный деятель искусств РФ), Н. В. Балуева (ныне заведующая регентским отделением, заслуженный работник культуры РФ). Лекции по догматическому богословию читал епископ (ныне архиепископ) Александр. Занятия проводились в тяжелых условиях: зимой в неотапливаемых помещениях, не хватало учебных пособий

© Андрей Вавилов, диакон, 2007


СВЯЩЕННЫЙ СИНОД
МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА

Выписка из протокола заседания Священного Синода РПЦ от 20 февраля 1990 года об открытии Костромского духовного училища


ВЫПИСКА

04 апреля 1990 г.

Выписка из протокола заседания Совета по делам религий при Совете Министров СССР от 4 апреля 1990 года об открытии при Костромском епархиальном управлении Костромского духовного училища

и духовной литературы, отсутствовала материальная база, юридический статус духовного училища не был определен. Но все это не стало препятствием в стремлении к получению знаний. Один из первых студентов училища, староста курса С. Кочетков так написал в то время: «Пусть не устроен быт, некоторые живут на квартирах, другие в Спасо-Запрудненском храме (в приспособленном помещении), главное, что положено начало. Пройдут годы, и с гордостью мы будем вспоминать, что были первыми. Пусть нам было неуютно, порой трудно, но мы не унывали, не падали духом, жили надеждой и верой. Нет базы у училища, т. е. нет настоящих учебных помещений, библиотеки с читальным залом, общежития, своего домашнего храма, кухни, столовой и даже кабинета у о. ректора. Но главное для нас в том, что мы учимся, что училище наше живет».

А в своей проповеди первым воспитанникам владыка Александр говорил: «Я уверен, что вы пришли сюда, повинуясь однажды зазвучавшему в глубине души Божьему призыву: "Сыне, отдай сердце твое мне!" (Пр. 23, 26). Вы будете проходить подготовку к ответственному церковному служению. Помните, что прежде чем стать священнослужителем, молодой человек должен устроить свою душу по "образу" и "подобию" Божию, просветить ум знанием Евангелия».

Ректором училища стал протоиерей Александр Андросов, выпускник Ленинградской духовной академии. Епископу Александру, о. ректору, духовенству и верующим г. Костромы пришлось приложить немало усилий для того, чтобы получить для училища приспособленное здание. Об этом ярко свидетельствуют скупые строки архивных документов. Вот фрагменты официальной переписки тех лет.

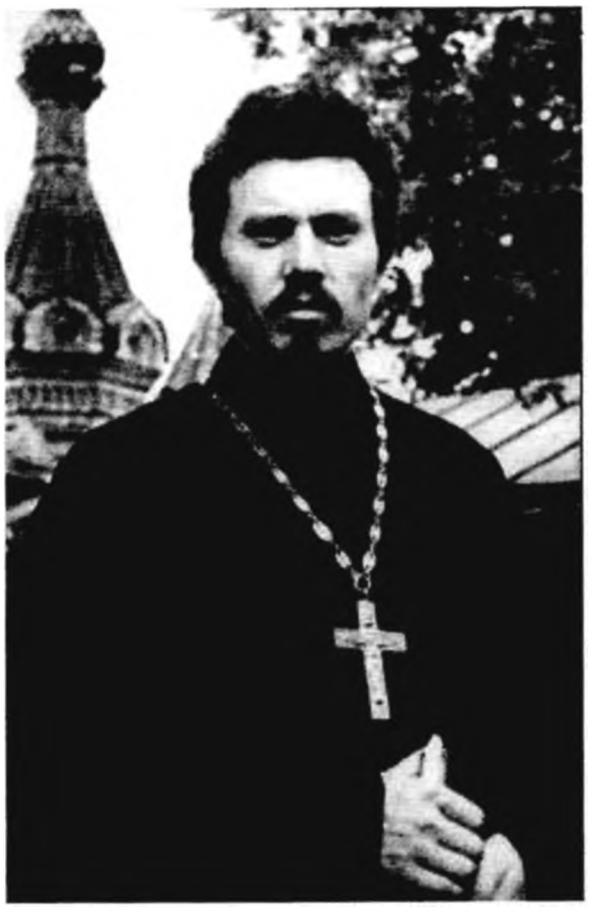
«Москва. Краснопресненская набережная 4. Сессия Верховного Совета РСФСР. Ельцину Б. Н. Телеграмма.

Уважаемый Борис Николаевич! Вновь обращаются к Вам преподаватели

Кафедральный собор Воскресения на Нижней Дебре.
Фотография начала 90-х годов XX века

и студенты Костромского Духовного Училища. Несмотря на положительные заключения разных комиссий, начиная от Горисполкома и кончая Верховным Советом РСФСР о возвращении незаконно и насильственно отнятого у Церкви Трапезного корпуса Богоявленского монастыря Костромы под насущные нужды Духовного Училища, решение данного вопроса волокитится. Прошли все сроки рассмотрения. Завершился первый семестр занятий, но слушатели духовной школы влачат жалкое существование в неприспособленном помещении. Как еще местные власти просить и убеждать прислушаться к нашему воплю отчаяния, какие еще нужны доказательства и шаги для обоснования

Помещения просфорни и трапезной Воскресенского кафедрального собора,
где в начале 90-х годов XX века располагалось Костромское епархиальное училище.
Фотография начала 90-х годов XX века



Ректор Костромского епархиального училища протоиерей Александр Андросов. Фотография начала 90-х годов XX века

справедливой просьбы о возвращении принадлежавшего ранее Церкви Трапезного корпуса? Просим Вас не толкать нас на самый отчаянный шаг – обращение к мировому сообществу с просьбой помочь нам. Мы верим, что у Вас достаточно власти положительно решить данный вопрос. Ждем от Вас необходимого решения.

С уважением, ректор КДУ прот. Александр Андросов, преподаватели и студенты.

Кострома, 21 января 1991 года.»

Другой документ датируется 6 июня 1991.

Костромской областной Совет народных депутатов.

Ректору Костромского духовного училища протоиерею Александру Андросову.

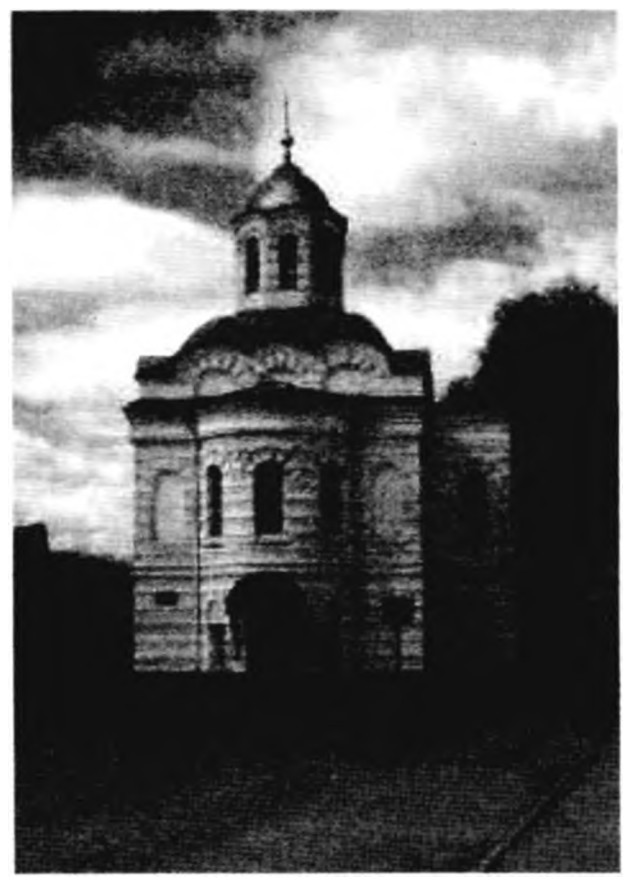
«На Ваше обращение в адрес Съезда народных депутатов облсовет сообщает, что 29 мая 1991 года вопрос о ходе выполнения решения шестой сессии облсовета о передаче Костромской епархии объектов культового назначения был рассмотрен на заседании президиума облсовета. Решением президиума определены сроки передачи некоторых объектов культового назначения, в том числе Трапезного корпуса Богоявленско-Анастасиина монастыря.

Заместитель председателя Совета Р. А. Карташов».

Окончательное решение исполкома Облсовета о передаче здания для духовного училища последовало лишь 3 сентября 1991 года.

В результате всей этой напряженной борьбы второй учебный год все-таки удалось начать в помещениях Трапезного корпуса старинного Богоявленско-Анастасиина монастыря. Чудом уцелевшая в лихие послереволюционные годы обитель, долгое время бывшая рабочим поселком «Безбожник», вновь приняла духовную школу в свои стены. Училищным храмом стала Смоленская церковь, воздвигнутая преподобным Макарием (Глухаревым) в 1824 году.

В 1993 году произошло знаменательное для жизни училища событие. Его посетил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий, который



Церковь Смоленской иконы Божией Матери. Храм Костромского духовного училища. Фотография начала 90-х годов XX века

Здание Костромского духовного училища, с 1996 года преобразованного в Костромскую духовную семинарию. Фотография начала 90-х годов XX века

встретился с преподавателями и учащимися и в своем напутственном слове выразил надежду, что из стен духовной школы выйдут грамотные и достойные пастыри.

28 сентября 1993 года училищным храмом стала церковь преподобного Алексия человека Божия, расположенная на ул. Катушечной.

Уже в ноябре 1993 года хор семинарии впервые совершил заграничную поездку в Данию.

Занятия в училище, начиная с 1994 года, стали вестись по трехгодичной программе. 6 октября 1995 года в Духовном училище произошла смена руководства. Вместо протоиерея Александра Андросова, отбывшего на ответственное церковно-дипломатическое служение в США, ректором был назначен выпускник Санкт-Петербургской духовной академии игумен (ныне архимандрит) Геннадий (Гоголев).

17 июля 1996 года решением Священного Синода Русской Православной Церкви Костромское духовное училище было преобразовано в Семинарию – высшее учебное заведение в лоне Русской Православной Церкви. Таким образом, линия преемственности, прерванная на многие десятки лет, возродилась. С этим знаменательным событием возродилась и надежда на скорое восстановление потерянного и поруганного в годы гонений. семинария стала ежегодно пополняться новыми кадрами преподавателей, выпускниками лучших духовных школ России. На новый качественный уровень вышло и само преподавание учебных дисциплин, увеличилось количество предметов.

4–5 октября 1997 года семинария торжественно отметила 250-летие со дня своего основания. Торжества по этому случаю возглавил председатель Отдела внешних церковных связей, митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. В своем интервью прессе он отметил: «Духовная семинария в Костроме – это одна из самых старинных наших духовных школ, и тот факт, что сейчас эта школа возрождена, имеет большое

Первый выпуск Костромского духовного училища. 16 июня 1992 года

значение не только для Костромы и Костромской епархии, но и для всей Русской Православной Церкви».

24 мая 1999 года в Костромской духовной семинарии состоялся первый выпуск со времени ее возрождения. В тот день архиепископ Костромской и Галичский Александр обратился к воспитанникам с такими словами: «Думаю, что секрет чудесного возрождения семинарии объясняется просто: оно состоялось благодаря упорному, смиренному, подвижническому труду начальствующих, преподавателей и сотрудников, рвению воспитанников духовной школы и, конечно, благодаря молитвенному предстательству выпускников семинарии прошлых лет, среди которых – аскеты и праведники, исповедники и новомученики Российские».

В 2001 году решением Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и Священного синода Костромской семинарии присвоен статус базового учебного заведения при Отделе по делам молодежи Русской Православной Церкви. Особое внимание в учебных программах уделяется аспектам ведения духовно-просветительской работы в молодежной среде, что в нынешнее время является особенно актуальным. С деятельностью Православной Церкви в сфере молодежного служения российское общество связывает надежды на преодоление многих негативных социальных и нравственных проблем современности.

В 2004 году семинария перешла на пятилетнюю систему обучения. Был значительно улучшен учебный процесс, повышены требования к знаниям и поведению воспитанников. В конце периода обучения выпускники представляют на защиту свои дипломные работы по различной богословской и церковно-исторической тематике.

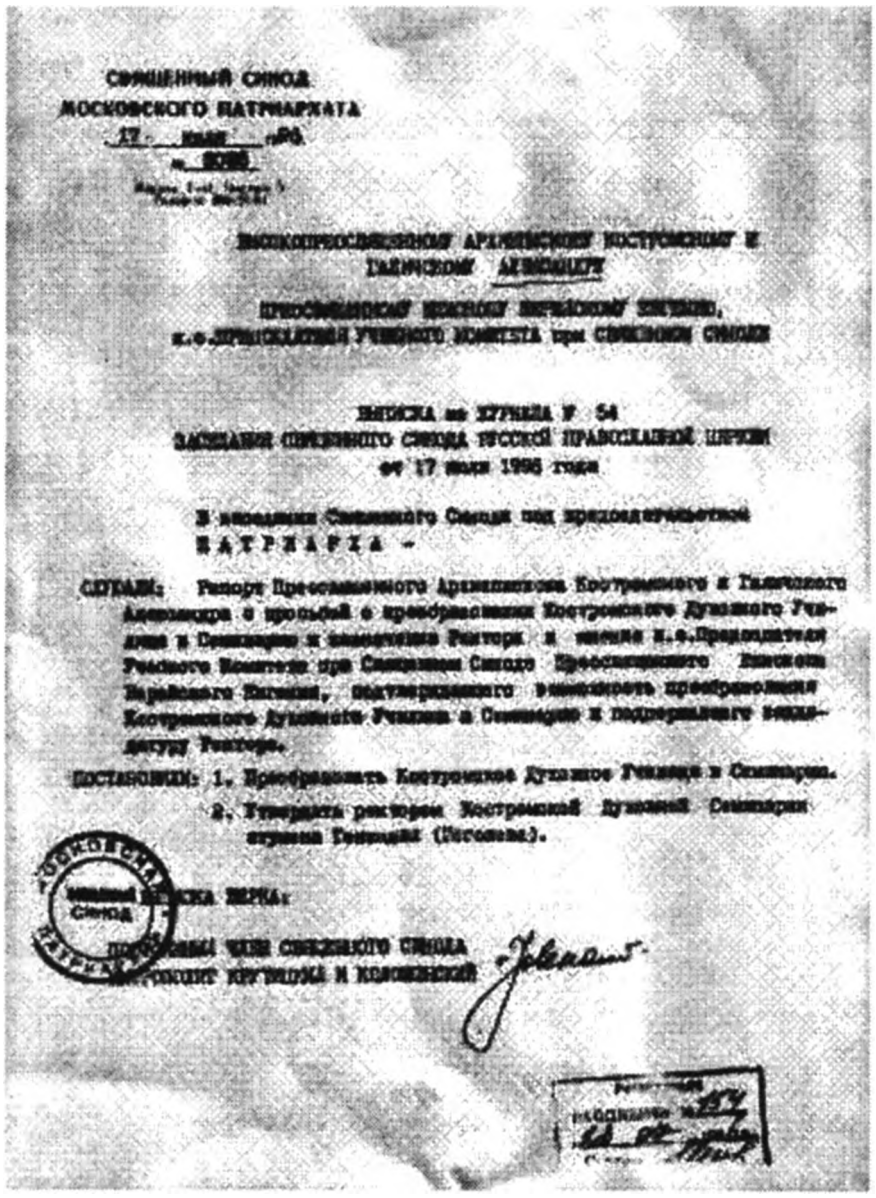
Внешний и внутренний вид семинарского храма во имя Алексия человека Божия. Фотография 2007 года

В возрожденной семинарии за 17 лет новейшей истории накоплен богатый педагогический опыт, сформировались духовные традиции и устои, так необходимые в воспитании будущих пастырей и учителей Церкви. Благодаря своему высокому духовному и интеллектуальному содержанию, семинария имеет авторитет среди прочих учебных заведений России, как духовных, так и светских. Об этом свидетельствует и ежегодный конкурс на поступление, и то, откуда студенты приезжают для получения образования: не только из центра России, но и ближнего зарубежья – Украины, Молдавии, Белоруссии, Казахстана.

За труды по духовно-нравственному воспитанию и просвещению молодежи Костромская семинария удостоилась высокой церковно-государственной награды: 5 сентября 2005 г. в храме Христа Спасителя представителям семинарии был вручен диплом лауреата премии «Обретенное поколение».

За короткий период Костромская семинария приобрела высокий авторитет, в том числе благодаря серьезному уровню подготовки регентов церковных хоров. С 1 декабря 1995 года и поныне регентское отделение и хор семинарии возглавляет заслуженный работник

Богослужение в семинарском храме во имя Алексия человека Божия. Фотография 2006 года



СВЯЩЕННЫЙ СИНОД
МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА

ВЫПИСКА из ЖУРНАЛА № 54
ЗАСЕДАНИЯ СВЯЩЕННОГО СИНОДА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
от 17 июля 1996 года

В заседании Священного Синода под председательством
ПАТРИАРХА –

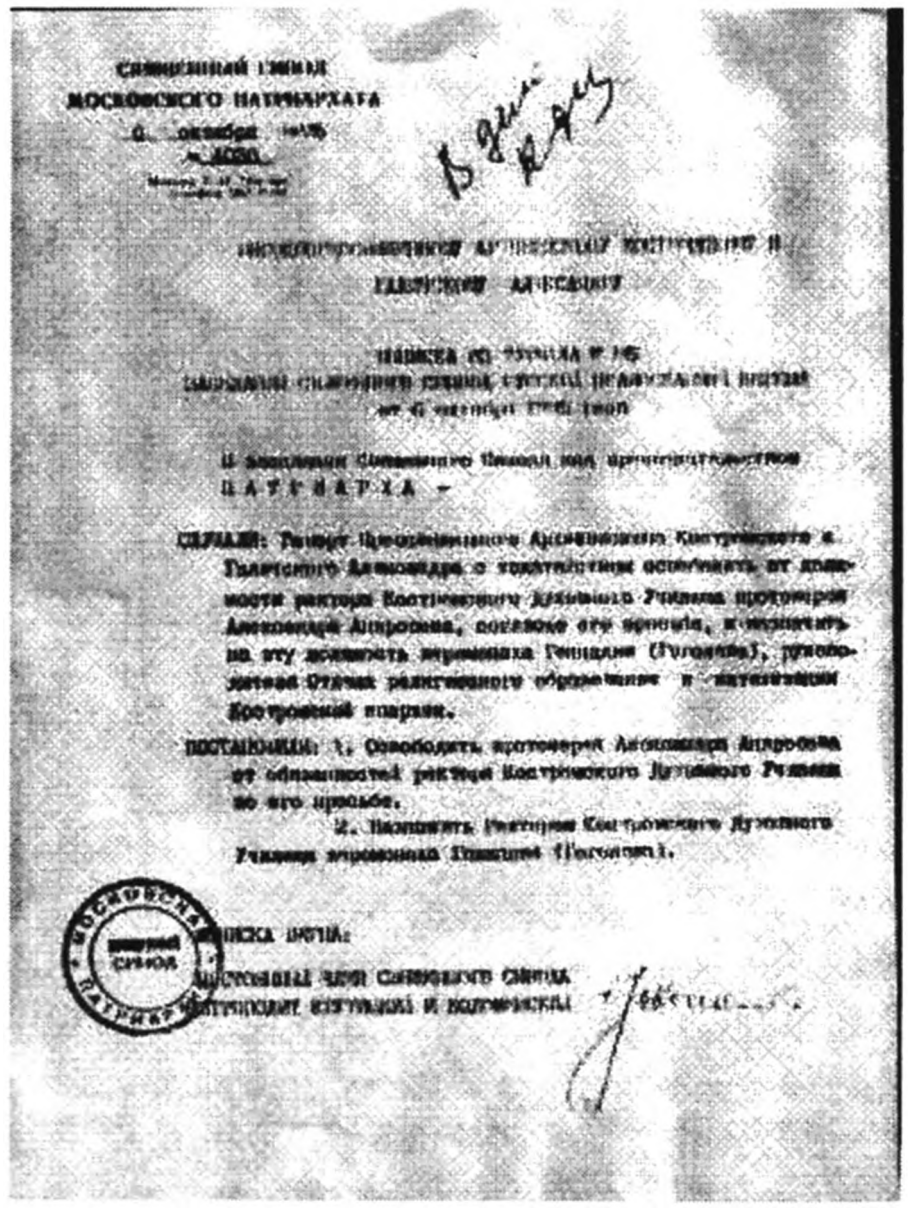
СЛУШАЛИ: Рапорт Преосвященного Архиепископа Костромского и Галичского Александра о просьбе о преобразовании Костромского Духовного Училища в Семинарию и назначении Ректора и мнение и.о. Председателя Учебного Комитета при Священном Синоде Преосвященного Епископа Барейского Евгения, подтверждающего возможность преобразования Костромского Духовного Училища в Семинарию и подтверждающего кандидатуру Ректора.

ПОСТАНОВИЛИ: 1. Преобразовать Костромское Духовное Училище в Семинарию.
2. Утвердить ректором Костромской Духовной Семинарии игумена Геннадия (Гоголева).

ВЫПИСКА ВЕРНА:

ПОСТОЯННЫЙ ЧЛЕН СВЯЩЕННОГО СИНОДА
МИТРОПОЛИТ КРУТИЦКИЙ И КОЛОМЕНСКИЙ

Выписка из журнала заседания Священного Синода от 17 июля 1996 года о преобразовании Костромского духовного училища в Костромскую духовную семинарию



СВЯЩЕННЫЙ СИНОД
МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА

ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА № 56
ЗАСЕДАНИЯ СВЯЩЕННОГО СИНОДА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
от 6 октября 1996 года

В заседании Священного Синода под председательством
ПАТРИАРХА –

СЛУШАЛИ: Рапорт Преосвященного Архиепископа Костромского и Галичского Александра о ходатайстве освободить от должности ректора Костромского Духовного Училища протоиерея Александра Андросова, согласно его просьбе, и назначить на эту должность иеромонаха Геннадия (Гоголева), руководителя Отдела религиозного образования и катехизации Костромской епархии.

ПОСТАНОВИЛИ: 1. Освободить протоиерея Александра Андросова от обязанностей ректора Костромского Духовного Училища по его просьбе.
2. Назначить Ректором Костромского Духовного Училища иеромонаха Геннадия (Гоголева).

ВЫПИСКА ВЕРНА:

ПОСТОЯННЫЙ ЧЛЕН СВЯЩЕННОГО СИНОДА
МИТРОПОЛИТ КРУТИЦКИЙ И КОЛОМЕНСКИЙ

Выписка из протокола заседания Священного Синода от 6 октября 1996 года о назначении ректором Костромской духовной семинарии иеромонаха Геннадия (Гоголева)

культуры РФ Н. В. Балуева. Конечно же, с ростом числа студентов увеличился состав и возросло качество семинарского хора, который привлекает в семинарский храм все больше молящихся, особенно молодежи. Хор семинарии участвует в архиерейских богослужениях, различных епархиальных мероприятиях, выступает с благотворительными концертами.

При семинарии была сформирована прекрасная библиотека, заведующей которой бессменно является Л. А. Гладких. Библиотека стала научно-богословской базой для полноценного обеспечения учебного процесса и исследовательских работ. Она обслуживает преподавателей, учащихся семинарии, регентского отделения и воспитанников Воскресной школы, имеется городской абонемент. Общий библиотечный фонд составляет около 25 тысяч экземпляров. Библиотека регулярно пополняется необходимой учебной и богословской литературой. Преподаватели семинарии принимают непосредственное участие в комплектовании отдела библиотеки по своему предмету.

В марте 2003 года Российское библейское общество передало в дар Костромской духовной семинарии комплект литературы, издаваемой обществом. В комплект входили: различные издания Священного Писания, критические издания библейских текстов на древнегреческом, латинском и еврейском языках, различные современные переводы Библии, справочная литература по библиистике, учебные издания, библейские толкования, а также исторические географические карты.

В июне 2003 года издательство YMCA-PRESS передало в дар Костром-

Вручение архиепископом Костромским и Галичским Александром дипломов об окончании Костромской духовной семинарии. Фотография 2007 года

ской духовной семинарии коллекцию литературы, вышедшей в свет усилиями русской эмиграции во Франции, США и в других странах. Коллекция включает в себя как редкие книги, выпущенные в середине XX века, так и современные издания русских богословов, историков, религиозных мыслителей и литераторов.

При отборе новых книг используются каталоги библиографического отдела учебного комитета РПЦ, Православного Свято-Тихоновского богословского института, Библейско-Богословского института св. ап. Андрея Первозванного, греко-латинского кабинета Ю. А. Шичалина и прочих православных издательств.

Кроме того, заказывается литература зарубежных издательств, например YMCA-PRESS, Свято-Троицкой семинарии в Джорданвилле. В расположении библиотеки весьма редкий и ценный комплект патрологической серии Sources Chretiennes.

Костромская духовная семинария тесно сотрудничает с высшими учебными заведениями Костромы и других городов. Совместно с Костромским государственным университетом проводятся научно-практические конференции, посвященные историческому и духовному наследию. Воспитанники семинарии и учащиеся филологического факультета КГУ ежегодно принимают участие в студенческой конференции, посвященной Дню славянской письменности. Преподаватели и студенты Костромской, Ярославской и Ивановской духовных семинарий участвуют в совместных миссионерских и образовательных проектах.

Преподаватели и студенты семинарии часто совершают паломнические поездки, география которых достаточно обширна: Сергиев Посад, Ростов Великий, Москва, Владимир, Соловки, Дивеево, Оптина пустынь и т. д.

Паломничества не ограничиваются посещением только русских святынь. Семинаристы побывали в Германии, Дании, Белоруссии, Украине, Румынии, Македонии, Сербии, Черногории, Греции, Италии, Турции и Израиле.

В настоящее время в Костромской духовной семинарии обучаются 80 студентов на очном отделении и 210 человек на отделении экстерната. Штат преподавателей насчитывает 40 человек, многие из которых имеют ученые степени, в том числе и в области светских наук.

Выпускники семинарии показывают хорошие результаты при дальнейшем обучении в духовных академиях. Отец ректор архимандрит Геннадий на одном из выпускных актов отметил, что «простое, наивное благочестие не способно заменить пастырю богословских знаний. И те науки, без которых вполне мог обойтись древний отшельник, ныне потребны каждому священнику, выходящему в мир на поприще общественного служения».

РАЗДЕЛ II

К ДУХОВНЫМ ИСТОКАМ

Ирина Тлиф

КУЛЬТУРНАЯ ШКОЛА

В начале XVII в. служивший в России француз Маржерет в своих записках отмечал, что русский народ не знает ни школ, ни университетов, и потому, делает он вывод – «невежество русского народа есть мать его благочестия». Исторически сложилось так, что и открытие первых школ не нарушило удивившего француза благочестия, так как главными проводниками знаний – учителями – почти до середины XIX в. были те, кому по происхождению, воспитанию и образованию предназначено было хранить основы православия, заботиться о духовном здравии народа.

Появление духовных училищ предварило по времени все другие учебные заведения. Школы, обучающие будущих служителей церкви, известны с древней Руси. Но на твердую основу духовное образование встало в эпоху Петровских реформ после высочайшего повеления открывать духовные академии и семинарии, «убо учение, доброе и основательное, есть всякой пользы, как отечества, так и церкве, аки корень, и семя и основание...». При этом следовало продумать, чему и как обучать, «дабы не вотще пошло Государское иждивение, и вместо чаянной пользы, не была бы тщета смеха достойная...». К старейшим духовным академиям – Киевской (1615) и Московской (1685), действующим с XVIII в. – в начале XVIII в. прибавились еще две – Санкт-Петербургская (1721) и Казанская (1823). Тогда же, с 1720-х гг. повсеместно стали открываться епархиальные духовные семинарии.

В 1807 г. созданный при Синоде комитет провел анализ духовного образования и дал оценку работы училищ за истекшее XYIII столетие. И как бы в ответ на опасения Петра комитет свой доклад, представленный на высочайшее имя, сопроводил кратким изложением о «сугубой пользе сих заведений (духовных училищ) оправдывающей попечения, кои в учреждении их и распространении... были приемлемы».

Костромская духовная семинария открылась в 1747 г. при епископе Сильвестре (Кулябке), выпускнике, а позднее преподавателе, префекте, ректоре Киевской духовной академии. Небольшая «епаршеская школа» к концу XVIII в. выросла в крупное учебное заведение. В 1790 г. 1 ноября епископ Костромской и Галичский Павел (Зернов) отдал письменное распоряжение об открытии новых духовных училищ, «дабы не отнять ревность у желающих продолжить науки», «поелику ныне в епаршеской семинарии положенное число учеников уже наполнилось, желающих же священно и церковно-служительских детей обучаться в оной... [столь] великое находится количество... что и поместить теперь в

© Ирина Тлиф, 2007

семинарию... никак не возможно». Училищам епископ положил быть: «первому – в городе Нерехте в Сыпановом монастыре, второму – в Луховском Тихоновом монастыре, третьему – в Унженском Макарьевом монастыре, четвертому – в Галичском Паисьевом монастыре». Позднее, в 1814 г., откроется Костромское духовное училище, а в 1815 г. – Солигаличское.

Вот эти-то училища во главе с семинарией и подготовили учителей для первых костромских народных училищ, которые появились вследствие Указа 1786 г. Екатерины II. Этим Указом предписывалось заводить в губернских городах главные, а в уездных – малые народные училища. Они не подчинялись духовному ведомству и предназначались для обучения детей всех сословий. В Костроме главное народное училище (будущая губернская гимназия) было открыто в 1786 году, малые: в Галиче в 1788; Макарьеве, Кинешме, Чухломе в 1790; в Нерехте в 1791 году. Преподаватель Костромской духовной семинарии, а затем и губернской гимназии Николай Осипович Андроников в «Исторических записках...» об этих учебных заведениях писал: «Не только в учители, но и в смотрители народных училищ, как и надобно было ожидать, поступали учители и воспитанники семинарий...» Документы за 1836 г. свидетельствуют, что в 25-ти (не включая гимназию) учебных заведениях, существовавших в то время в губернии, из 54 служивших в них педагогов 43 являлись представителями духовного сословия. Пример для сравнения: из дворян – один, из купцов – один, из обер-офицерских детей – один, по одному – из канцеляристов и вольноотпущенных, четверо из мещан, у двух педагогов сословие не указано. Таким образом, более 80 % костромского учительства почти до середины XIX столетия, а точнее, до начала земских реформ составляло духовенство (впрочем, такая картина наблюдалась и в других губерниях России, особенно в тех, где не было высших учебных заведений).

Что же это были за учителя? Настолько сами они были образованны? Каково было их отношение к образованию и учительскому делу?

С 1814 г. была введена четырехступенная система духовных школ с единой программой. От низших училищ (приходское – срок обучения 2 года, уездное – 4 года) до семинарии (6 лет) и академии (4 года) воспитанники духовных учебных заведений изучали пиитику, риторику, многогласное церковное пение, грамматику, астрономию, математику, физику, географию – церковную, всеобщую и математическую, историю – церковную и гражданскую; из языков – греческий, латынь, древнееврейский, славянский, современный русский и по выбору немецкий или французский; философию и богословие. К началу XIX в. духовенство (в массе своей) стало самым образованным сословием России, оставаясь по своему предназначению «добрым пастырем», воспитателем, хранителем православной нравственности. Среди выучеников духовенства – дворяне (кроме сословной верхушки – элиты), купцы, ремесленники и, конечно, крестьянские дети, которые, Бог весть с каких времен, потихоньку приобщались к числу и грамоте возле храмов.

Поистине духовенство обучило Россию[1].

С началом земских реформ особенно остро встал вопрос о смысле народных, крестьянских, «низовых» – сельских школ. Система крестьянского «церковно-приходского образования» подверглась резкой критике нетерпеливых земских просветителей. Однако храм на Руси был исстари центром приходской жизни. Через священников оглашались указы царя, сената, синода, объявлялись

распоряжения местных властей и помещиков. Там узнавали крестьяне о морах и войнах, стихийных бедствиях; обсуждали насущные вопросы жизни: о рекрутских сборах, мирских повинностях, выборе старосты, подушных податях. Священники, помимо служебных обязанностей, вели учет приходского населения (метрические книги), составляли описания быта и промыслов прихожан, собирали местные древности – поверья, легенды, предания, изучали историю храмов и местную географию. До 1860-х гг. церковных школ как таковых было мало, но в ведомостях об имениях костромских помещиков указывалось, что грамотные крестьяне в имениях были, «все они выучились у священноцерковнослужителей».

«Да, что же, и дорого-то в России, как не старые церкви? – размышлял уроженец Костромской губернии В. В. Розанов – От чего тут тепло, когда везде холодно? Хоронили тут мамашу, братцев; похоронят меня; будут тут же жениться дети: все тут... Все важное... И вот люди надышали тепла...» В ряде приходов с 1850-х гг. стали открываться министерские школы, позднее появились земские, однако их образовательные возможности долгое время востребованы не были. Крестьяне не доверяли казенному образованию, тем паче опасались незнакомых учителей. Укоренить в ребенке православную нравственность, преподать азы христианских знаний, а уж потом, даст Бог, и «грамоте умудрить» – этого ждал крестьянин от школы. О настроениях же земского учительства можно судить по документам местной жандармерии (идеалисты, атеисты, нелегалы), и даже Министерство народного просвещения выпустило каталог книг для сельских школ, где не значились ни Ветхий Завет, ни Часослов, ни Псалтирь.

«Грубый наш люд, правда, трудится почти как животное, но он думает, но он чувствует, но он умирает, как христианин, т. е. как человек, стоящий на высшей, доступной степени просвещения»[2], – писал вслед за С. А. Рачинским[3] В. В. Розанов. И Розанов и Рачинский были убеждены, что «простое преподавание предметов» не может и не должно быть основной целью сельской школы. По их мнению, «темны» были чиновники от просвещения, «когда, набрав немножко грамматики, немножко арифметики, прибавив к этому кой-что из географии и истории, думали, что с четырьмя своими книжками» могут начать в деревне «новое просвещение». Потому «темны» были, что «мимо этих наемников, этих книжек проходили, как и прежде, слепцы, распевая чудный стих “Об Алексие, Божием человеке”, к которому прислушивался народ; все так же всходило для него солнце, зеленел лес, колосилась нива и непосредственно впитывалось поучение из этой лучезарной книги Божией, как и из другой, посланной в мир “грешныя спасти”...».

По глубокому убеждению и Розанова и Рачинского, сельская школа непременно должна была развиться «около храма, около богослужения, около религии, она – лишь незначительная пристройка, внутренний притвор, вводящий темную и любящую душу, в смысл того, что она [давно и] безотчетно любила...». Такую-то школу они считали «культурной» и «исторической», противопоставляя ей «безнравственное» – нерелигиозное – «дробное и суетливое» образование.

Надо полагать, именно забота о цельности души «своего ребенка» побуждала прихожан в разгар распространения земского образования долгое время сохранять верность церковно-приходским школам. Чтение, письмо, арифметика – предметы были все те же, что в земских

училищах, но все это – «около храма, около богослужения, около религии...». Дети учились читать по старой Псалтири, запоминали смысл и порядок службы, вместе со взрослыми пели в церковном хоре, и в храме звучало – «как тысяча лет сзади» – «возлюби», «не убий», «не солги», «не укради».

Прошло столетие.

Ныне многие старинные села смотрят на мир темными провалами окон. Людей здесь можно увидеть только летом: скромные горстки дачников ищут успокоения от городской нервотрепки и суеты. Кое-где в полуразрушенном состоянии еще держатся каменные храмы... В их интерьерах сохранились изъеденные временем, но и в «фрагментах» величественные композиции, прочитываются мягкие очертания фигур апостолов и евангелистов... Вокруг храмов следы старых оград: кирпичные столбы, остатки ворот перед входом. За храмами – приходские кладбища... Высокие деревья, бурьян-трава сравняли с землей грустные холмики.

«Тяжелым утюгом гладит человека Бог...».

Слово катехизатора учителя Галичского уездного училища священника Мартина Боневоленского, произнесенное в Свято-Преображенском соборе г. Галича перед производством открытого испытания ученикам галичских уездного и приходского училищ
1833 г., август

Во имя отца, и сына, и святого Духа. Аминь

Славен век наш, младыя юноши! – время мира, благоденствия и просвещения сынов России. Древний мрак невежества изчез и свет разума возблистал в полной мере. Уже мы теперь не то, чем были наши предки, когда росс, к стыду и сожалению, отправлялся за моря, предпринимал путь в чужие земли искать просвещения, когда росс мыслил чужим умом, смотрел чужими глазами, изъяснялся чужим языком, водился чужими руками, жил чужою жизнию. Ныне приняло все новый вид, теперь Россия в силе и славе, – слава и честь сынам России!

Что же причиною столь восхитительной для нас всех перемены? Чем отклонили мы от себя прежнее умственное рабство и достигли такой славы?

Мы уверены, что в царстве Всемогущего и Всеведающего ничего не бывает без определения святой воли Его, и что судьба не только царей и царств, но и каждого человека находится под влиянием вседействующего, часто сокровенного, но всегда благодетельного промысла Божия, – Божие есть изволение, слушатели! Это есть Его дело. Посему, благоговея пред вседействующим невидимым промыслом Всевышняго, так устрояющим нас и чад наших, и вознося теплыя молитвы за помазанника Его, Всеавгустейшего Монарха нашего Николая Павловича, как высокаго и единственнаго насадителя просвещения, скажем нечто о последнем, так как оно служит основанием частнаго и общественнаго благосостояния всех и каждаго.

К созиданию общего блага требуется, чтобы все взаимно друг друга поддерживали и сохраняли; чтобы каждый искал не своей одной пользы, но и ближняго; что бы все облекались, во утробе щедрот, в благотворную любовь, в мир, в согласие, дружество и братство. Но может ли человек стоять в сем стройном чине, если истина не озарит его рассудка, добродетель не оживотворит его сердца? Нет! Он должен быть мудр, яко змия, цел, яко голубь.

Но всякой из нас без образования есть младенец: природа не рождает нас ни сильными, ни мудрыми, ни добродетельными; она дает нам только жизнь и способности, а жизнь просвещенную, добродетельную и полезную доставляют воспитание и образованность. Природа щедро награждает многих дарами своими, но сии дары остаются ничтожными, когда не бывают усовершенствованы образованием, остаются без похвалы и удивления, подобно драгоценному камню, от грубых частей земли не очищенному и еще в грубой коре находящемуся, которой тогда являет блеск свой и бывает бесценен, когда рукою художника искусным образом очистится. Подобным образом и в человеке величие духа и блистательные таланты открываются тогда, когда ум и старание образователей раскрывают и украшают оныя возможным совершенством. И в сей-то степени совершенства видим мы человека истинным совершенным человеком, могущим быть полезным и самому себе, и обществу. Видим, что он тогда умеет понимать истины Евангелия и обязанности человека и гражданина и мало-помалу соделывается прямым христианином и верным сыном Отечества. Исследывая глубину мудрости человеческой, и сам обогащается различными сведениями, и другим открывает надежнейшие пути к просвещению. Проникая в таинства природы, отверзает ея сокровища, и таким образом соделывается способным к благой деятельности в пользу и славу свою и ближних!

Но дабы разум человека – сей небесный дар – всегда был источником пользы и благополучия, то обогащая ум свой познаниями, более должно направлять его к добродетели: ибо если кто при всех своих знаниях не может управлять сам собою и умерять страстей своих, то вместо пользы, происходящей от просвещения, будет изливать один только яд. Знания и науки в душе порочной, в сердце развращенном бывают столь же пагубны, сколь меч в руках безумного.

Попечители и наставники! – дабы с радостию всегда пожинать вам плоды заботливости и трудов ваших, дабы просвещение всегда было источником пользы, а не вреда, то, прежде всего, образуя юные умы, вдохните в нежныя сердца Виновника их бытия; внушите, чем они должны предержащей власти и отечеству; научите их страху Божию и признательности к высшим себя; напойте их по возможности благородными чувствами; утвердите стопы их и собственные ваши на камне твердой веры; обратите взоры их и свои на их же самих, да познают, чьих совершенств они носят образ и подобие; вкорените в них и самих себя навык к честности и ко всякому добру, и заставляйте любить и сами любите добродетель, а чрез то самое составите и временное их и вместе свое счастие и всякое благополучие.

Вы же, младые отрасли! – старайтесь отличать себя усердием и ревностию к наукам, послушанием и покорностью достойным начальникам и наставникам вашим, наконец, кротостию и благонравием, с которыми всегда и везде будете счастливы. И как ныне в сем священном храме, так и всегда, преклоняя колена сердец ваших, воздавайте славу Всевышнему Богу, воззывающему вас из тьмы в умный свет, являйте преданность и покорность просвещающему вас Государю Императору, и ныне милость свою к вам еще новыми усугубляющему щедротами; приносите благодарность попечительному начальству вашему, которое, исполняя волю Монарха, старается образовать из вас не только полезных граждан, добрых членов семейств, но и соделать вас истинными сынами веры, наследниками вечной жизни, Вам предоставляются все способы и средства не только обогатить себя знаниями, полезными в сей временной жизни, но и просветить дух ваш животворным све-

том познания единого истинного Бога и посланного им Иисуса Христа, Итак, да воззовет каждый из вас от полноты благодарных чувствований:

Благослови, душе моя, Господа,
И вся внутренняя моя имя святое Его,
Благослови, душе моя, Господа
И не забывай всех воздаяний его!

Но вместе благословляйте в сердцах ваших и тех, коих Всевышний благословил избрать орудием исполнения своей благой воли относительно вас самих; да будет благословенно во все дни жизни вашей священное имя Монарха, высокого покровителя наук, дарующего вам все способы к просвещению, да будут благословенны ваши начальники и воспитатели, которые при своих трудах и попечениях о вас воодушевляются не собственною своею славою и пользою, но единственным желанием соделать вас добрыми и счастливыми.

Всеблагий Господи!
Ниспосли благодать пресвятого Духа Твоего на детей сих.
Да уразумеют и познают преподаваемыя им учения
во славу пресвятаго Имени Твоего.
Аминь.

А. А. Соловьёв

ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.

Рубеж XIX–XX вв. в российской истории в развитии социокультурной сферы был отмечен предельными антиномиями, характеризовавшими собой многоуровневый спектр противоречий, которые, в конечном итоге, привели к трагическим последствиям распада русской ментальности. Проблемы просвещения, выражающие константу духовного состояния социума, являлись отражением как общественно-политических процессов, происходивших в стране, так и интеллектуального пространства российского общества. Многие явления исследуемого периода в контексте образовательной политики государства воплощали идеи реформирования, в том числе и духовного просвещения. Анализ отдельных сторон развития системы образования в России на рубеже XIX–XX вв. сквозь призму отношения к данной сфере представителей интеллигенции и Русской Православной Церкви (далее – РПЦ), свидетельствует о схожести проблем, стоявших перед светской и церковной школой, что создавало определенные предпосылки для их сближения.

Следствием неудовлетворительного положения дел в системе духовно-учебных заведений России явилось массовое движение воспитанников духовных семинарий в 1901–1902 гг. Волнения и беспорядки учащихся были отмечены в Пермской, Донской, Тамбовской, Подольской, Симбирской, Ставропольской, Пензенской, Вятской, Полтавской, Калужской, Одесской, Тифлисской, Ярославской духовных семинариях и ряде духовных училищ страны [1]. Причи-

© А. А. Соловьёв, 2007

ны, побудившие семинаристов таким образом выдвинуть свои требования, затрагивали вопросы автономии духовно-учебных заведений, существование их вне рамок синодальных и архиерейских циркуляров [2].

С точки зрения церковных властей, данные явления в системе духовной школы были прямым следствием «революционного движения в обществе против законного порядка» и имели в своей основе требования политического характера[3]. Вследствие этого Св. Синодом был издан Указ от 20 марта 1902 г. «О мерах к предупреждению беспорядков в духовных учебных заведениях», в котором главным образом формулировались превентивно-запретительные требования:

– усиление наблюдения среди «семинаристов за книгами», брошюрами, журналами, распространяемыми в их среде;

– недопущение посторонних лиц в помещение, где идут занятия, и в общежития;

– сбор сведений об инославных абитуриентах и воспитанниках духовных учебных заведений и т. д.[4].

Различие ведомственной принадлежности школ в общей системе просвещения (школы земские, министерства народного просвещения, ведомства Св. Синода и т. д.) не служили препятствием для их объединения в разрешении основополагающих вопросов реформирования образования. Однако различие взглядов, в частности светской интеллигенции и православного духовенства, на роль и место образования в общественной жизни зачастую мешало продуктивно взаимодействовать им в этой важной сфере государственного строительства.

Определенная традиционность учителей-священников в приемах и методах педагогической работы обнаруживается нами при анализе положения дел в области начального образования. Так, жестокое обращение с учениками школы было доказано в отношении законоучителя Чухломского городского училища священника Лебедева. Телесные наказания, применяемые к учащимся, имели своим следствием лишь предупреждение и выговор священнику[5]. Законоучитель Судиславского мужского приходского училища священник Соколов применял следующие методы воздействия: оставлял учащихся без обеда, ставил в угол. О содержании такого наказания, как «ставил на ноги под личным надзором после уроков», – можно только догадываться. От епархиального начальства священник Соколов получил лишь внушение: «...чтоб впредь к сим мерам он не прибегал, стараясь чисто пастырскими и нравственными мерами действовать на учащихся». Аналогичная история: применение «телесных наказаний» фигурирует в «деле» законоучителя Панинского начального училища Костромского уезда священника Лапшанского[6].

Нередко бывали случаи прямой конфронтации между светскими учителями и педагогами-священнослужителями. Об этом свидетельствует «следственное дело о беспорядках» в Богоявленской второклассной школе. В заявлении светских учителей против заведующего этой школы священника Гусева, направленном в Костромской епархиальный совет, в частности, говорится о давлении священника через учеников на педагогов. Укрепление дисциплины со стороны светских педагогов «усилило энергию заведующего в изыскании средств» к обвинению учителей в притеснениях учащихся[7].

Интересным представляется для нашей темы «дело о личности учительницы Расловского училища Костромского уезда А. Е. Макаровой, о политической неблагонадежности и дурном ее влиянии на школу в религиозном отноше-

нии». В заявлении законоучителя Расловского начального училища священника с. Грудева Адельфинского на имя директора народных училищ Костромской губернии от 10 марта 1904 г. высказываются следующие соображения относительно А. Е. Макаровой: «...таинство покаяния называла простым обычаем русского народа, а в последнее время... осмелилась называть даже шпионством; ученикам не только дозволяет быть в шапках в классной комнате, но даже и справлять в таком виде свой завтрак... Довольно подозрительным кажется и редкое посещение ею церковных богослужений»[8].

Приоритетность в содержании образования того или иного направления также была различной у представителей Церкви и интеллигенции. Вот что пишет благочинный Макарьевского пятого округа протоиерей Ювенский на имя директора народных училищ в конфиденциальной записке от 2 июля 1903 г.: «...что касается Сокольского и Дорофеевского начальных училищ, то дело воспитания в них находится далеко не в удовлетворительном положении... Наставники Н. Соколов и М. Краснухин, заведуя училищами и, как преподаватели, обучая детей наукам и сообщая им разные полезные для жизни знания, мало обращают внимания на религиозно-нравственное воспитание учащихся, считая его не своим делом»[9].

Малая доля участия светской интеллигенции в церковном образовании отражается в отчетах «о состоянии церковных школ Костромской епархии за 1901 г.». Сведения из уездных отделений Костромского епархиального училищного совета дают полную картину пренебрежения образованных слоев светского общества к церковно-приходским школам, а также общего упадка материального состояния последних. Так, из Ветлужского уездного отделения сообщается: «...то обстоятельство, что один (на три отделения) учитель церковной школы получает в среднем гораздо меньше, чем помощник только учителя в земских школах уезда, является объяснением того прискорбного факта, что при первой же возможности учителя церковных школ переходят в школы земские»[10].

В первую очередь, с бедственным материальным положением связано и то обстоятельство, что в исследуемый нами период число церковных школ значительно уменьшилось. Если к началу 1901 г. количество церковных школ Костромской епархии составляло 488 с общим числом учащихся 18 586 человек [11], то на конец 1912/13 учебного года эта цифра сократилась до 375 школ с 17 708 учащимися[12].

Благотворительность на церковно-школьное дело в значительной мере была присуща общественным просветительским организациям церковного ведомства (различного рода «братствам», обществам), случались и частные пожертвования на конкретные цели образовательной деятельности духовной школы. Так, на средства Александровского православного братства в г. Костроме в начале XX в. были открыты: церковно-приходские школы с общежитиями для учащихся в деревне Хрипели и селе Домнино, женское одноклассное церковно-приходское училище с рукодельным отделением в г. Макарьеве и др.[13].

Православным Феодоровско-Сергиевским братством за 1901 г. в 14 округах Костромской епархии с целью развития духовного образования были учреждены благочиннические библиотеки [14]. Интересен факт открытия церковно-приходских попечительств при Троицкой церкви села Горельца Кологривского уезда и Рождество-Богородицкой церкви села Матвеева того же уезда в целях «содействия умственному и нрав-

ственному просвещению прихожан». Инициатором данного проекта, предполагающего устройство читален, библиотек и т. д., являлся выдающийся церковный историк, профессор Московской духовной академии, ординарный академик Императорской Академии наук, выпускник Костромской духовной семинарии 1854 г. Е. Е. Голубинский[15].

По вопросам образования возникала полемика и на страницах периодической печати, причём не всегда в корректных формах. Очевидно различие в мировоззренческих установках светского и церковного общества, в методах и содержании педагогической деятельности – также личное неприязненное отношение, в том числе из-за различного социального статуса[16]. Приведенные нами факты далеко не единичны. Тем не менее, как было уже замечено, это не исключало общности позиций в осуществлении идеала «свободной» школы, о чём свидетельствуют программные документы «Всероссийской семинарской организации» и «Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию»[17].

Возникновение данных союзов в начале XX в. обусловливалось всем развитием общественного движения в России. Система управления образовательными учреждениями как духовного, так и светского ведомств, действующая на основании законодательных актов второй половины XIX в., явно не соответствовала духу времени. Требования автономии и большей самостоятельности в решении задач, стоящих перед высшей, средней и начальной школой, отвечали потребностям как экономического, так и культурного развития в России.

Характерной чертой союзов преподавателей и учащихся светских и церковных школ, возникших на волне революционных событий 1905 г., являлось тесное переплетение в их программных документах чисто профессиональных и политических задач. Так, в «Платформе общесеминарского союза» признавалось, что борьба за свободу академической жизни неосуществима без гарантированных гражданских свобод – слова, печати, собраний. Вследствие этого «семинарский союз» заявлял о готовности присоединения к «общим боевым выступлениям широких масс революционного народа», а на выборах в Государственную думу призывал поддерживать кандидатов от РСДРП и ПСР[18]. Связь с радикальными политическими партиями, однако, не поддерживалась некоторыми местными организациями союза. В частности, тульские семинаристы считали данное сотрудничество вредным для объединения «как можно большего числа семинарий» и признавали задачей организации борьбу чисто академического характера[19]. Союз имел разветвлённую сеть местных организаций, которые издавали свои журналы, имели собственные библиотеки, поддерживали связь между собой[20].

Не только профессиональной, но и политической организацией являлся и «Всероссийский союз учителей и деятелей по народному образованию», учредительный съезд которого состоялся 7–10 июня 1905 г. в Финляндии. Данная организация входила в объединение «Союза союзов». В 1905 г. она объединяла в своих рядах 4 668 членов, которые работали в 81 местной группе. Всего состоялось четыре съезда Союза, на последнем из которых 18–24 июня 1907 г., вследствие ослабления революции, произошёл переход на «чисто профессиональную платформу»[21].

При несомненной близости, в программных целях светских и церковных педагогических организаций обнаруживаются и заметные противоречия. В частности, одной из очередных задач «Всероссийского союза учителей», про-

возглашённой на IV съезде, был «отказ от преподавания Закона Божьего и церковно-славянского языка» в светских школах[22]; с другой стороны, эти предметы являлись основными в церковной школе.

Проблема реформирования духовных школ рассматривалась и на заседаниях Предсоборного Присутствия 1906 г. Положением церковной школы, как подчёркивал председатель V отдела Присутствия епископ Арсений (именно этот отдел рассматривал вопрос о преобразовании духовно-учебных заведений), не были удовлетворены как «люди крайне реформаторских стремлений», так и представители «охранительного направления» [23].

Разногласия касались соотношения общеобразовательного и богословского курсов в церковных школах. В результате обмена мнениями 9 членов высказались за отделение собственно богословских классов в духовных семинариях от общеобразовательных, с учреждением из первых особого типа пастырской школы. Другая половина участников заседаний, также в количестве 9 человек, противопоставила позицию сохранения единой духовной школы, действующей на основании «Устава о церковных школах» 1864 г. Особое мнение о преждевременности реформы духовно-учебных заведений ввиду общего положения в стране выразил Ф. Д. Самарин[24].

Наиболее активным сторонником сохранения единой духовной школы был протоиерей П. Я. Светлов. Его мотивированное мнение по этому вопросу было напечатано отдельным пунктом в журналах заседаний. По мнению Светлова, приоритетной задачей духовной школы являлось религиозно-нравственное просвещение учащихся, а не их профессионально-пастырская подготовка. В связи с этим он предлагал не обособлять богословские классы духовной семинарии в специальное учреждение с вытекающим отсюда аскетическим режимом изоляции воспитанников и неизбежными огромными материальными затратами при данном изменении. Получение общего образования в церковной школе, соотнесённого с программой классической гимназии, давало бы, по его мнению, семинаристам возможность продолжить учебу в высших светских учебных заведениях и тем самым устраняло бы «подневольное пастырство». Таким образом, духовная школа удовлетворяла бы потребность каждого семинариста в получении общего гуманитарно-христианского образования с восьмилетним курсом обучения, в том числе и тех, кто желал бы после этого иметь специальную среднебогословскую подготовку с двухлетним курсом[25].

В качестве подтверждения своей позиции протоиереем Светловым были представлены проекты преобразований духовной школы, выработанные правлениями духовных семинарий. Из них следовало, что более 2/3 всех семинарий страны разделяло идею реформирования духовной школы, при котором последняя оставалась бы единой с углублённым изучением общегуманитарного курса предметов[26].

На трёх общих собраниях Предсоборного Присутствия реформа духовно-учебных заведений, как подчеркивал профессор Н. Н. Глубоковский, обсуждалась по сравнению с другими вопросами преобразования Церкви наиболее «продолжительно и активно». Итогом дискуссии стало голосование, в котором 20 членов Присутствия выразили мнение о необходимости в системе духовного просвещения единой структуры духовной школы. Семнадцатью членами Присутствия этому мнению был противопоставлен тезис об отделении пастырской школы от общеобразовательной.

Шесть человек воздержалось от голосования[27]. Обсуждение выявило сближение позиций «либералов» и официального руководства РПЦ (в числе поддержавших мнение о единой духовной школе был товарищ обер-прокурора Св. Синода). На другом полюсе оказались иерархи Церкви, голосовавшие за учреждение особой пастырской школы, в числе которых были 2 митрополита, 2 архиепископа, 2 епископа. Исключение составил председатель Предсоборного Присутствия, первенствующий член Св. Синода митрополит Антоний (Вадковский), профессиональная деятельность которого соприкасалась со светской государственной властью. Данные позиции символизировали собой две точки зрения на пути дальнейшего развития духовного образования в России. Первая заключалась в признании общей пользы от более тесного сближения и сотрудничества церковной школы со светской, вторая – в желательности сохранения корпоративного положения церковной школы в системе общественных отношений.

Из источников по вопросу реформирования духовной школы выделим также протоколы епархиальных комиссий по преобразованию духовно-учебных заведений, образованных в разных епархиях во второй половине 1905 г.; отзывы епархиальных архиереев о духовно-учебной реформе; протоколы заседаний семинарских корпораций и академических советов по выработке проектов нового духовно-учебного устава. Систематизация данного материала была предложена в исследовании профессора Санкт-Петербургской духовной академии Н. Н. Глубоковского[28].

Причины кризисного состояния духовного образования в целом заключались, по мнению Глубоковского, в двух факторах: 1) неправомерное совмещение целей общего и специально-церковного образования и 2) мнимое соединение задач Церкви и богословия.

Он выступал за обособление общеобразовательного курса со специальным научным богословским изучением ряда предметов – от церковно-пастырской подготовки учащихся. Для осуществления этого проекта необходимо было создание различных особых среднеучебных заведений. Первый тип духовной школы, сосредоточивающий в себе общеобразовательную часть, по замечанию Глубоковского, должен был быть соотнесён с программой классической гимназии за исключением расширенного религиозно-богословского и философского преподавания отдельных предметов[29].

В реформировании высшего духовного образования Н. Н. Глубоковским предлагалось учредить при светских университетах богословские факультеты[30]. Это не требовало, по его мнению, упразднения духовных академий, предполагавшегося в проекте профессора протоиерея Светлова. Напротив, последние становились бы «научно-апологетическими институтами православной (Русской) Церкви»[31].

В начале XX в. в России в системе высшего богословского образования действовало четыре духовных академий: Киевская, Московская, Петербургская и Казанская. Выпускники их назначались на должности преподавателей духовных семинарий и духовных училищ по избранной специальности. Наиболее способные оставлялись при академиях на год и более для подготовки к занятию профессорских должностей. В случае пострижения в монахи или принятия священнического сана выпускники духовных академий получали назначения на административно-церковные должности.

При анализе профессорско-преподавательского состава духовных академий

заметно преобладание в нём светского сословия. В частности, в Киевской духовной академии за 1909/10 учебный год таковых было 33 человека, тогда как духовного звания – лишь 8 человек, в том числе 6 священнического сана и 2 монашествующих, среди которых ректор академии епископ Феодосий Уманский, второй викарий Киевской епархии[32].

Жизнь в академиях не являлась замкнутой, оторванной от реалий общественного движения эпохи. В той же Киевской духовной академии действовало три студенческих ученых кружка: богословско-философский, Златоустовский и проповеднический. В первом из них под руководством профессора В. Экземплярского в 1909/10 учебном году обсуждались следующие рефераты студентов академии: о сборнике «Вехи», «Социализм как религия», «Проблема свободы и критика ее решения социализмом», «Христианство и научный опыт» и другие. В дискуссии по данным проблемам принял участие 41 студент из всех 197 студентов КДА[33].

С другой стороны, в сферу интересов светского студенчества, главным образом аудитории столичных университетов, входили история и философия религий. Так, в Московском университете на рубеже веков возник студенческий кружок, члены которого занимались данной проблематикой[34]. Вначале собиравшийся полулегально, под видом практических занятий, кружок перерос в Студенческое историко-филологическое общество, устав которого был утвержден 12 марта 1902 г. Его председателем был единогласно избран профессор С. Н. Трубецкой[35]. В работе Общества принимали участие П. И. Новгородцев и Л. М. Лопатин. В рамках деятельности данного объединения была организована экскурсия более сотни студентов в Грецию с целью изучения античных древностей (отъезд состоялся 29 июля 1903 г.) [36].

Интересные попытки реформирования, усовершенствования системы образования и воспитания на основе новых подходов были связаны с возникновением и становлением в России частных школ. Появление их произошло в 80–90-е гг. XIX в. Существовали частные школы за счет благотворительности и государственных ссуд. Они были относительно независимы от государственных структур. Так, учебные пособия по общеобразовательным предметам утверждались учебным комитетом Министерства народного просвещения. Однако государство регламентировало не все стороны учебно-воспитательного процесса в частных школах, оставляя определенный простор творчеству педагогов, что способствовало интенсивному поиску новых методов и форм обучения.

Еще в 1861 г. в Бельском уезде Смоленской губернии В. А. Рачинской было основано училище для крестьянских детей, в котором с 1875 г. преподавал ее брат, ординарный профессор С. А. Рачинский. В учебно-педагогическом процессе были полностью исключены телесные наказания, разрешено общение между мальчиками и девочками не только в часы досуга, но и во время урочных занятий. Школа С. А. Рачинского более соответствовала семье, способные ученики помогали педагогу в обучении других детей. Как замечает корреспондент, побывавший в школе, «...в одежде, пище, во внешнем образе жизни, направленном к совместному гармоническому развитию тела и духа, соблюдаются русские обычаи, народные, православные...»[37]. Началом учебного дня в школе служили утренние молитвы, читаемые самим С. А. Рачинским, с обязательным церковным пением. С 9 до 12 часов проходили классные занятия с 5-минутными перерывами, далее обед, прогулка, игры. С 14 до 17 часов так же, как и с 17 до 20 часов, – все повторялось вновь с пени-

ем под аккомпанемент рояля и фисгармонии, далее ужин, вечерние молитвы и чтение глав из Библии с разъяснениями самого педагога. Основным предметом служил Закон Божий, катехизис преподавался параллельно со Священной Историей и Священным Писанием. Среди других предметов назовем историю, географию, грамматику, арифметику, геометрию, рисование, музыку и пение. Совершались хождения на богомолье. Методы преподавания и воспитания были разнообразными, особое внимание уделялось семейным беседам и играм, в частности практиковался английский крокет, гимнастика. На уроках математики, например, каждому раздавалось по 5 или 6 пряников из мелкого мятного печенья и задавалась после этого задача, при неудачном ее решении пряники отдавались учениками обратно[38]. Таким образом, в школе превалировало нравственное воспитание, а сама методика обучения выражала собой русскую народную педагогику в лучших ее традициях.

К числу подобных школ в начале XX в. в относятся школы Грачевских в Одессе, Н. Н. Неплюева в Черниговской губернии, Е. С. Левицкой в Царском Селе, приготовительная школа А. Н. Попова и другие. Во всех частных школах уделялось большое внимание нравственному воспитанию учащихся. Так, Н. Н. Неплюев видел способ изменения формального духа школы в христианском воспитании: «Надо идти путём христианской школы»[39]. Е. С. Левицкая, не отрицая роли религиозных норм морали, считала важнейшей предпосылкой нравственного воспитания специальные психологические знания педагогов[40].

Отдельными представителями светского образованного общества высказывались идеи построения системы образования, принципиально отличающиеся от существовавших в исследуемый период. Отделение школы от государства – одно из главных положений теории свободного воспитания, выдвинутое в 1905 г. в качестве опорного принципа «Обществом философии и психологии». Авторство данного тезиса принадлежало К. Н. Вентцелю, известному русскому педагогу. Так же вентцелевская теория относилась и к религии. Не будучи противником религиозного воспитания, он полагал, что не нужно задаваться целью внедрить в сознание ту или другую религию в её ортодоксальном виде.

В системе церковного образования своего рода «частными» школами являлись школы грамоты. Объем учебного курса определялся в них не программами духовного ведомства, а знаниями учителей, там работающих. В 1905 г. в России существовало 16 969 школ грамоты с 538 286 учащимися. Из светских педагогов в них работало 7349 человек, что составляло 43,31 % от общего числа преподавателей [41]. Данный пример свидетельствует о переплетении задач светских и церковных педагогов, работающих, в сущности, в едином образовательном пространстве российского общества. Поэтому во многом вопросы светской и церковной школы на рубеже XIX–XX вв. рассматривались в государственных органах власти «единым пакетом документов». В воспоминаниях лидера кадетской фракции в Государственной думе, историка П. Н. Милюкова отмечается, что «во главе забот» русского образованного общества и органов самоуправления было, во-первых, «сделать весь народ грамотным» и, во-вторых, «познакомить его с своей родиной». Для осуществления этих целей требовалось достаточное количество школ, а также приготовление «соответствующего корпуса учителей». Однако средств у земств не хватало. Источники бюджета урезались правительством. Поэтому первое, что

было сделано по представлению светских деятелей – депутатов III Думы, это законодательное увеличение расходов на народное образование. Сверх сметы в 1908 г., а затем и в 1909 г. было ассигновано на нужды школы по 8 млн рублей, в 1910 г. – 10 млн. За пять лет (1908–1912) смета на народное просвещение была удвоена. В 1911 г. оппозиция приняла законопроект «О введении всеобщего обучения», а затем и финансовый план этого обучения. «Каждый год, в течение десяти лет, – писал П. Н. Милюков, – к смете должно было прибавляться по десяти миллионов, и к началу 1920-х годов материальная база для достижения всеобщей грамотности должна была быть готова. Что касается организации народной школы, прежде всего она передавалась в ведение земства»[42].

Приоритетное значение светских школ по отношению к церковным в думском проекте о начальном образовании вызвало оживлённую дискуссию как на заседаниях самой Думы, так и на страницах периодической печати[43]. Объяснялось это тем, что церковно-приходские школы, восстановленные в России согласно «Правилам о церковных школах» в 1884 г., занимали особое место в системе духовного просвещения. Влияние РПЦ на общество в целом через церковно-приходские школы было огромным. Не случайно К. П. Победоносцев после своей отставки с поста обер-прокурора Св. Синода в письме на имя нового руководителя духовного ведомства П. П. Извольского первостепенное внимание просил уделить именно судьбе церковно-приходских школ[44]. На заседаниях Предсоборного Присутствия члены IV его отдела пришли к заключению, что церковная школа должна быть «предметом особых забот каждого православного прихода». Председателем Училищного совета при Св. Синоде протоиереем П. И. Соколовым предлагалось для успешного развития церковно-школьного дела введение для администрации церковной школы выборного начала на благочинных съездах вместо прямого назначения ее епархиальным епископом[45]. Определением Св. Синода от 25 января – 6 февраля 1906 г. за № 488 подчеркивалось, что «...участие членов причта в школьном обучении детей полезно как для школы, так и для них самих» [46].

В контексте проблем высшей школы на рубеже XIX–XX вв. рассматривались вопросы замкнуто-конфессионального развития богословской науки при существовании одних лишь духовных академий, особенно остро данное противоречие затрагивалось представителями церковной интеллигенции. Потребность церковного образования в свободном просторе – «научным изысканиям на основе и за ответственностью частных мнений»[47], сформулированная, как уже было отмечено ранее, профессором Санкт-Петербургской духовной академии Н. Н. Глубоковским (основание богословских факультетов при университетах), была вызвана как неудовлетворительным положением высшей церковной школы в обществе[48], так и отсутствием видимых тенденций к развитию богословия как стройной научной дисциплины.

В 1909 г. – в год столетнего юбилея Санкт-Петербургской духовной академии – Н. Н. Глубоковским была написана статья «Вера и богословие. Юбилейное исповедание», которая не была пропущена духовной цензурой (как и второй ее вариант – «Юбилейная элегия»), где профессором, в частности, было отмечено, что в настоящее время в богословии нет «...ни нарастающих научных традиций, ни выработанных методов, ни школьных направлений»[49]. Оставаясь по существу чуждым для об-

щества, богословие для своего самосохранения «должно искать внутренних устоев, независимых от расположения людей и от исторических неожиданностей», подчёркивалось Н. Н. Глубоковским[50].

Таким образом, в России на рубеже XIX–XX вв. постепенно происходил процесс сближения духовно-академической мысли с университетской. Нередки были случаи, когда профессура высшей духовной школы активно участвовала в деятельности светских обществ, комиссий, советов, преподавала, помимо основного места своей деятельности, в высшей светской школе. С другой стороны, отдельные представители светского образованного общества читали курсы лекций в духовных учебных заведениях, участвовали в издании духовно-академических газет и журналов. Таким образом, можно вести речь о более глубоком взаимопроникновении содержания и принципов светского и церковного образования, необходимость которого остро ощущается в настоящее время. Преемственность светской и церковной школы, их сотрудничество сделает возможной поливариантность всех ступеней образования совершенно иного уровня, нежели на современном этапе развития России.

Востребованность и применение идей деятелей религиозно-философского ренессанса рубежа XIX–XX вв. в реформировании образовательной сферы поможет изменить стереотип общественного взгляда на Церковь как явление чуждое светскому сознанию, позволит преодолеть определённое отчуждение интеллигенции и православного духовенства, придаст новые импульсы интеллектуализации общественной мысли, что, в конечном итоге, будет служить духовному совершенствованию всего российского общества.

Примечания

[1] Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 796, оп. 183, д. 281, 280, 360, 375, 417, 421, 470, 475, 527, 793, 847, 528; РГИА, ф. 796, оп. 182, д. 254, 376, 735.

[2] См., в частности, «наказ воспитанников Тульской Духовной Семинарии – делегатов Четвтртого Всероссийского Общесеминарского съезда». См.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 102, оп. 237, д. 89, ч. 1, л. 13–13об.

[3] Циркулярное письмо Учебного Комитета Св. Синода о мероприятиях, которые надлежит проводить в духовных учебных заведениях в случае возникновения в них беспорядков. 21.XII.1901. См.: ГАР, ф. 550, оп. 1, д. 9, л. 1–1об.

[4] РГИА, ф. 797, оп. 97. д. 364, л. 19–19об.

[5] Государственный архив Костромской области (ГАКО), ф. 130, оп. 6, д. 2800, кор. 207, л. 1.

[6] ГАКО, ф. 130, оп. 6, д. 2800, кор. 207, л. 4, 7, 13об.

[7] ГАКО, ф. 438, оп. 1, д. 822, кор. 4, л. 10–13.

[8] ГАКО, ф. 444, оп. 4, д. 1, л. 173.

[9] Там же, л. 101.

[10] ГАКО, ф. 438, оп. 1, д. 1603, кор. 5, л. 13об.

[11] См.: Отчет о состоянии церковных школ Костромской епархии в 1900 году. Кострома, 1902. С. 1.

[12] ГАКО, ф. 438, оп. 1, д. 1137, кор. 51, л. 4.

[13] Студитский И. К XXV-летию состоящего под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Александровского Православного братства в г. Костроме (1879 – 16 сентября 1904 гг.). Кострома, 1904. С. 6–7.

[14] Отчет о состоянии и деятельности Православного Костромского Феодоровско-Сергиевского братства за 1901 г. Кострома, 1902. С. 5.

[15] ГАКО, ф. 130, оп. 1, д. 6684, кор. 466, л. 7–8.

[16] См.: Дело по обвинению свящ. с. Печенкина И. Флерова в оскорблении учителя Аристова (ГАКО, ф. 130, оп. 6, д. 2184. кор. 722); Дело по обвинению свящ. церкви с. Остров А. Адельфинского в оскорблении учителя П. Тимофеева (ГАКО, ф. 130.

оп. 6, д. 2223, кор. 730); Дело по обвинению свящ. с Вознесенского С. Замыцкого в оскорблении учителя Данилова с женой (ГАКО, ф. 130, оп. 6, д. 2586, кор. 282.); Дело по обвинению свящ. с. Семенова М. Николаевского в оскорблении на письмо учителя Груздева (ГАКО, ф. 130, оп. 6, д. 2630, кор. 478.); Дело по обвинению диакона Воскресенской церкви с. Луха П. Виноградова в нетрезвости и оскорблении словами учительницы Лухского двухклассного училища А. Беклемищевой (ГАКО, ф. 130, оп. 6, д. 2799, кор. 48.); Письмо из с. Печенкино Ветлужского уезда (о гонениях священника на учительницу) // Костромич. 1907. № 71 и др.

[17] Сопоставим: § 1 Устава Всероссийской семинарской организации гласил, что членом данного союза может считаться каждый семинарист, «стремящийся к достижению и осуществлению идеала – "свободной школы"». См.: ГАРФ, ф. 1167, оп. 4, д. 828, л. 1. Главной задачей профессиональной борьбы из постановлений IV делегатского съезда Всероссийского союза учителей являлось немедленное развитие широкой пропаганды «...устным и печатным словом принципов свободной демократической школы». См.: ГАРФ, ф. 511, оп. 1, д. 16, л. 2.

[18] Платформа Обще-семинарского союза. Б/д. См.: ГАРФ, ф. 517, оп. 1, д. 156, л. 1–1об.

[19] ГАРФ, ф. 102, оп. 237, д. 89, л. 13–13об.

[20] Как следует из денежного отчета ЦК Всероссийского Обще-семинарского союза за февраль 1907 г., членские взносы были получены от Вятской, Тобольской, Киевской, Воронежской, Пермской, Новочеркасской, Одесской, Томской местных организаций. См.: ГАРФ, ф. 102, оп. 237, д. 89, л. 7. Свои отделения Союз имел также в Казани, Владимире, Саратове и других городах России. См.: ГАРФ, ф. 1167, оп. 4, д. 835, л. 1–8.

[21] ГАРФ, ф. 517, оп. 1, д. 16, л. 1–2.

[22] ГАРФ, ф. 517, оп. 1, д. 16, л. 2 об.

[23] Журналы и протоколы заседаний Высочайше учреждённого Предсоборного Присутствия (далее – Журналы и протоколы). Т. 2. СПб., 1906. С. 119.

[24] Там же. С.155.

[25] Там же. С. 156–157. Данный взгляд на проблему реформирования церковной школы среди членов Присутствия был поддержан также протоиереями Рождественским, Мальцевым, Левитским, профессорами Бриллиантовым, Завитневичем, Машановым, Несмеловым, доктором философии Аксаковым.

[26] См.: Извлечения из проектов преобразования духовной школы, выработанных и представленных в учебный комитет при Св. Синоде правлениями 51 духовной семинарии. СПб., 1906.

[27] Журналы и протоколы... Т. 2. С. 509, 568–569.

[28] *Глубоковский Н. Н.* По вопросам духовной школы (средней и высшей) и об учебном комитете при Святейшем Синоде. СПб., 1907.

[29] Там же. С. 6–11.

[30] Данному разрешению проблемы было противопоставлено в начале века мнение большинства светских преподавателей высшей школы. Постановлением комиссии университетской профессуры по преобразованию университетского устава от 22 января 1906 г. богословие вообще упразднялось в университетах «без замены при том историей религий». См., подроб.: *Поснов М. Е.* К вопросу об учреждении богословских факультетов // Труды Киевской Духовной академии. Киев, 1906, апр. С. 667–668.

[31] *Глубоковский Н. Н.* По вопросам духовной школы... С. 12.

[32] См.: Отчет о состоянии Киевской Духовной Академии за 1909/10 учебный год // Труды Киевской Духовной академии. Киев, 1909. Т. 3. С. 468–473.

[33] Там же. С. 497.

[34] ГАРФ. ф. 193. оп. 1. д. 6. л. 1.

[35] См.: *Анисимов А. И.* Князь С. Н. Трубецкой и московское студенчество // Вопросы философии и психологии. 1906. Кн. 81 (1). С. 146.

[36] См. подробнее: *Анисимов А. И.* Экскурсия студенческого Общества в Грецию. М., 1904.

[37] И. И. С-ва. Учёный-педагог в крестьянской школе // Странник. 1881. Дек.. С. 629.

[38] Там же. С. 636.

[39] См.: *Лютецкий А.* Школы Н. Н. Неплюева как пример самобытного воспитания. М., 1900. С. 8.

[40] См.: Школа Левицкой (1900–1911 гг.). СПб., 1911. С. 43–44.

[41] Восторгов И., протоиерей. Государственная Дума и церковная школа // Полное собрание сочинений протоиерея Иоанна Восторгова: в 5 т. СПб., 1995. Т. 4. С. 568.

[42] *Милюков П. Н.* Воспоминания (1859–1917). Т. 2. М., 1990. С. 54–55.

[43] См. подробнее: *Изгоев А. С.* Политическая жизнь в России // Русская мысль. 1910. № 12; *Восторгов И., протоиерей.* Указ. соч. С. 566–602 и др.

[44] РГИА, ф. 1569, оп. 1, д. 112, л. 9.

[45] Журналы и протоколы... Т. 2. С. 113–114.

[46] Церковные ведомости. 1906. № 7.

[47] *Глубоковский Н.* К вопросу о постановке высшего богословского изучения в России // Сосуд избранный: сб. документов по истории Русской Православной Церкви. СПб., 1994. С. 82.

[48] Вот что писал по этому поводу доцент Киевской духовной академии М. Э. Поснов в письме к Н. Н. Глубоковскому 15.VI.1912: «...когда-то Киевская академия была славою, а теперь из профессорской коллегии образовалось какое-то болото, а из студентов выходят кандидаты в апаши или просто в русские хулиганы». См.: Сосуд избранный. С. 122.

[49] *Глубоковский Н.* Вера и богословие. Юбилейное исповедание // Сосуд избранный. С. 95.

[50] Там же.

А. В. Зябликов

РУССКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ДИСКУССИЯХ О МИРСКОЙ И НЕБЕСНОЙ СУЩНОСТИ ЦЕРКВИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

Политическое самопознание художественной интеллигенции было неразрывно связано с самопознанием религиозным. На рубеже XIX–XX вв. художники были одним из немногих отрядов интеллигенции, хорошо понимавшим, что залогом развития культуры является полнота религиозной жизни: религиозный культ первичен по отношению к культуре и искусству. Религия – универсальная основа человеческого общежития: с одной стороны, религиозный мир застрахован от своеволия единицы, с другой – каждый человек защищен от мнимых истин большинства. Восстановлению «абсолютности» личности не могут способствовать ни политическая экономия, ни гражданское общество, ни наука, неизбежно вводящие систему неких условностей. Лишь религия устраняет эти сомнения и предрассудки: всякая личность есть образ Божий, а потому она неприкосновенна. Религия предлагает искомый вариант идеального соотношения прав личности и общества, государства. Религия не возбраняет ни политического, ни художественного, ни научного творчества, но лишь согревает эту деятельность радостью и теплом.

Посему атеизм и религиозный индифферентизм нетипичны для художнического сознания. Грубо искаженным является представление о художественных течениях и школах начала XX столетия как о самоцельном модернистском формотворчестве, стилизаторстве и версификаторстве. Социальный натурализм и политические мотивы даже в искусстве 1905–1907 гг. составляли ничтожно малую часть по сравнению с мотивами национально-историческими, религиозными, духовно-нравственными, философско-эстетическими. Художнической реакцией на радикально-либеральное пренебрежение к религии и эстетике стал расцвет Христоцентричного искусства: духовной музыки, цер-

© А. В. Зябликов, 2007

ковной живописи, поэзии, пронизанной глубоким мистическим и религиозным чувством.

Наиболее силен был религиозный традиционализм среди деятелей изобразительного искусства. Такие художники, как М. В. Нестеров, В. А. Комаровский, В. М. Васнецов, не только охотно откликались на нужды Церкви, но нередко выступали инициаторами художественных проектов, призванных поднять религиозное настроение в обществе. Так, в июне 1905 г., в разгар дискуссий о форме народного представительства, художники Д. Ф. Богословский и Я. А. Чахров предложили Обер-прокурору Святейшего Синода К. П. Победоносцеву идею создания вблизи крупных монастырей и ярмарочных центров «церковно-бытовых диарам» из жизни православных святых[1].

Очень высок был религиозный тонус и в композиторской среде. Священник М. Лисицын, оценивая творческие опыты А. Д. Кастальского, А. Т. Гречанинова по соединению церковных и народных мотивов, замечал, что они «в состоянии будут высечь искру в сердце молящихся и всех рассеянных и оторванных от церкви – и западников, и народников – собрать воедино»[2].

Форпостом религиозного «либерализма» и богоискательства была литература. Однако сколь соблазнительны были для писателя люциферианские соблазны, столь же полнокровным было итоговое ощущение того, что забвение Христовой веры губительно для русской культуры и государственности. Векторной для русской художественной элиты Серебряного века можно назвать судьбу А. А. Блока. Вот этапы его богоискательства: жажда неколебимого идеала («Какому богу служишь ты?...») и «пошлое скитанье» без веры в Бога, ожидание Христа («Пущу мои крики. Как черных птиц, на встречу Христа!..») и соблазн язычества («Поклонник эллинов – я лиру забывал...»), возвращение в Христово лоно («Язычник стал христианином...») и сатанинские порывы («Прочь лети, святая стая, к старой двери умирающего рая...»), новая надежда на Святое Причастие («Утомленные, вновь вспоминали непостижную тайну отца...»), страх «продать Христа за жадные герани» и – пресловутое «скифство». Однако в этом мировоззренческом странничестве нет конъюнктуры или художнической «безыдейности». Напротив, в нем – ненависть к застылости форм, искреннее желание познать величие небесных тайн и правду земной юдоли, презрение ко всякого рода идеологическому и религиозному иждивенчеству.

Художник обречен лишь в дьяволе «обрести купель для страждущего духа» (Ю. Верховский), если он одержим только авантюрным азартом вступить в сделку с нечистой силой, «подержаться» за дьяволовы рога, если он влеком соблазном встать на путь оправдания зла, если личность страдает мировоззренческой покладистостью, бесхребетностью.

Можно утверждать, что богоискательство рубежа XIX–XX вв. стало закономерным итогом и одновременно опровержением канонического «человекобожеского» гуманизма. Богоборчество, отличавшееся глубиной метафизического и эстетического поиска, не было бесплодным. «От раздвоения к соединению»[3], – так отрекомендовал свой богоборческий путь Д. С. Мережковский. Этот писатель начинал свою трилогию «Христос и Антихрист» в твердой убежденности, что полнота религиозной истины состоит в синтезе правды о небе (христианства) с правдой о земле (язычеством): «Но, кончая, я уже знал, что соединение Христа с Антихристом – кощунственная ложь, я знал, что обе правды – о небе и о земле – уже соеди-

нены в Христе Иисусе...<...>...что в нем, Едином – не только совершенная, но и бесконечно совершаемая, бесконечно растущая истина, и не будет иной, кроме Него...»[4]. После блужданий по религиозно-философским лабиринтам, устав от «многоцветной лжи бытия», пришел к примирению с Христом даже самый верный «послушник» дьявола Ф. Сологуб.

Художнический скепсис в отношении церкви-храма как места «без обид»[5] достиг наивысшей точки в 1899–1904 гг. Политизация и общественная радикализация напрямую связывались с угасанием религиозного чувства. Н. А. Энгельгардт объяснял распространение марксизма той «нравственной эластичностью», которую обеспечивает секуляризация общественного сознания[6]. Многие русские художники считали, что общественное обновление могло бы закономерно начаться с обновления церковной жизни. Светская публицистика начала XX в. пестрела различного рода проектами реформирования Церкви, каждый влиятельный журнал предлагал свою типологию требований, предъявляемых церковному руководству, священству, богословской науке. Например, А. Т. Виноградов в «Русском вестнике» сформулировал ряд задач, стоящих перед современным богословием, в том числе: доведение богословского метода «до высоты научной систематичности и обоснованности», отрешение «от юридического способа понимания христианства», точное выяснение конфессиональных отличий между христианскими церквями[7]. Многие художники-почвенники считали главным инструментом государственно-общественного оздоровления церковный приход. С. Н. Сыромятников защищал идею А. А. Папкова о наделении православного прихода правом юридического лица и статусом «низшей сельской единицы» – эти шаги мыслились условием перехода к всесословной волости с широкими земскими правами[8].

Манифест о веротерпимости 1903 г. обнажил многие проблемы «синодального» православия: на имперских окраинах начался массовый переход в униатство, католичество, лютеранство. Только в Холмском крае за 1905–1906 гг. из православия в католичество перешло 168 000 человек[9]. По данным переписи 1897 г., православное население Российской Империи составляло 69,9 %, магометанское – 10,8 %, католическое – 8,9 %, протестантское – 4,9 %, иудейское – 4,1 %, армяно-григорианское – 0,9 %, прочих исповеданий – 0,5 %. Самый высокий процент православного населения приходился на Западную Сибирь (94,99 %), европейскую Россию (83,66 %), Кавказ (50,94), самый низкий – на Привислинский край (7,16 %) и Финляндию (1,9%). Из 96 Российских губерний собственно православными можно назвать 57 губерний (в них православие исповедовали более половины всех жителей). Наиболее православными в процентном отношении губерниями являлись Вологодская (99,89 %), Владимирская (99,83 %) и Костромская (99,79 %), наименее – Тавастгузская и Улеаборгская губернии, где православного населения не было вовсе[10]. К 1903 г. обозначилась проблема ослабления православного влияния не только на окраинных территориях, но и в корневых губерниях России. Для исправления ситуации А. С. Суворин, например, предлагал немедленно отменить синодальный указ, ограничивающий права евреев переходить в православие. «Наше православие, – писал редактор «Нового времени», – ...есть не только религия, но и политическое русское учение, русский символ. Кто православный, тот и русский. <...> На земле надо принимать в соображение государственные потреб-

ности в объединении многоплеменной России»[11]. Если на миссионерском съезде 1897 г. доминировало благодушное настроение, то съезд 1908 г. зафиксировал совершающийся отток от Православной церкви не только крещеных инородцев, но и русских людей.

Одновременно в эпицентр общественных дискуссий перемещалась тема непродуктивного церковного управления. Так, В. В. Розанов не строил иллюзий относительно каких-либо реформаторских возможностей Святейшего синода, олицетворяющего собой «движение около логики неподвижности»[12]. Церковь (особые надежды возлагались здесь на рядовое священство) должна отнять у Синода моральное право формулировать мнения относительно светских проблем. В. В. Розанов одним из первых высказал крамольную мысль о том, что Синод был изначально задуман как способ отлучения Церкви от решения мирских забот. Жизнь не стоит на месте, она требует более деятельного участия Церкви в вопросах просвещения, благотворительности, призрения. Требует пересмотра и миссионерская практика: борьба с сектантством будет бесполезной без преодоления неясности и непоследовательности богословия, без исправления абсурдных сторон приходской жизни, когда, например, фактически запрещено проведение частных религиозных бесед и чтений. В отличие от интеллигенции, Церковь как духовная корпорация имеет иммунитет против торопливого желания приспособиться к запросам сегодняшнего дня, значит именно она способна повернуться лицом к социальным вопросам, не изменив тому историческому основанию, на котором созидалась Россия.

Набиравшая мощь в начале XX в. политическая и атеистическая экзальтация способствовала сближению художников с церковной интеллигенцией и духовенством, считавшим, что реформирование государства должно начинаться с духовно-религиозного оздоровления общества.

В ноябре 1901 г. после согласований и консультаций в Петербурге начали свою работу санкционированные Синодом Религиозно-философские собрания. Здесь столкнулись два взаимонаправленных «миссионерских» потока: синодальное руководство в лице К. П. Победоносцева и В. М. Скворцова надеялось, что собрания помогут вернуть интеллигенцию к консервативным идеалам православной церковности, интеллигенция намеревалась обсудить с представителями церкви целый ряд острых дискуссионных тем, в том числе проблему религиозной свободы и социально-религиозного идеала. Религиозно-философские собрания вызывали живейший интерес художественной интеллигенции. Деятельными участниками РФС были В. В. Розанов, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, Н. М. Минский, на заседаниях присутствовали М. А. Волошин, М. О. Меньшиков, впоследствии немало потрудившийся для закрытия собраний и журнала «Новый путь», популяризировавшего идеи РФС. В 1908 г. В. В. Розанов назвал деятельность РФС 1901–1903 гг. самым ярким событием в российской умственной жизни начала XX столетия, «совершенно новым родником стремлений, идеалов»[13]. Д. С. Мережковский назвал РФС ни больше ни меньше как состоявшимся церковным Собором[14].

В январе 1903 г. в «Новом пути» появилась «Записка В.В. Розанова», в которой были обозначены позиции участников РФС по вопросу о нарастающем отчуждении интеллигенции и Церкви. В качестве векторной можно выделить следующую мысль: преодолеть разобщенность можно, лишь «признав» исто-

рические заслуги и «правду» друг друга. Интеллигенция должна принять деятельное участие в оздоровлении приходской жизни – духовенству пора перестать подозревать интеллигенцию в латентном безбожии и послужить решению накопившихся социальных проблем[15]. Характерный упрек духовенству был сделан в письме екатеринославской помещицы В. Гриневич, опубликованном в июне 1903 г. в «Новом пути», а в 1905 г. включенном В. В. Розановым в книгу «Около церковных стен»: священство уклоняется даже от попечительской и благотворительной деятельности. В. Гриневич писала, что из 98 священников ее уезда, которым было предложено стать членами-сотрудниками «Общества попечения о сиротах и беспомощных детях», откликнулись лишь трое [16].

Критерий общественной пользы, применяемый к оценке деятельности Церкви, роднит эту дискуссию с классическим спором о социальной ответственности художника. Доминирование социологических схем обеспечивало Церкви репутацию силы, фатально неспособной к повседневно-рутинной созидательной работе и конструктивному диалогу. Увы, подобные оценки стали приметой советской и постсоветской историографии. Показательно суждение С. С. Загребина о мировоззренческой разобщенности интеллигенции и православия, об объективно предрешенной неспособности Церкви иметь собственное мнение в оценке тех или иных событий[17]. Н. И. Цимбаев считает, что избрание патриарха Тихона в ноябре 1917 г. осталось не замеченным в стране в силу того, что Церковь «оказалась на периферии общественного внимания» задолго до большевистского переворота: «...В императорской России она была смиренным и безропотным инструментом в руках верховной власти, с годами все более и более утрачивая влияние на крестьянство – главный объект своего попечения»[18]. Еще более хлесток в определениях В. К. Кантор: «Да и православная церковь была всего лишь департаментом Российского государства, а потому уважением не пользовалась, и злу мира сего противостояла весьма недостаточно»[19].

Интеллигенция всегда требовала от Церкви больше того, что та может и должна давать обществу. Обмирщение Церкви, обновление внутрицерковной жизни по канонам светского реформаторства есть самый короткий путь к утрате Церковью собственного лица, к опровержению самой себя. Церковь – «институт» консервативный. При этом доля ее общественного служения куда более весома, нежели это представляется политическим доктринерам. В течение столетий Церковь (причем, не только православная) неукоснительно, методично проповедует фундаментальные основы человеческого общежития: не убий, не кради, не лжесвидетельствуй и т. д. К сожалению, в реальной политике эти запреты чаще оказываются разменной монетой, а не основой поведенческого кодекса. Очень важно, чтобы независимый консерватизм Церкви не сменялся политическим оппортунизмом или реакционностью. С. Н. Булгаков считал, что политическое участие Церкви, христианская политика может быть лишь «организованной благотворительностью» и ничем более[20].

Именно консервативная сущность Церкви выступала как наиболее раздражающий фактор в эпоху всеобщей одержимости идеями политического обновления. Затрудненность диалога духовенства и светской интеллигенции в пору проведения Религиозно-философских собраний 1901–1903 гг. объясняется главным образом тем, что каждая из сторон рассматривала себя в качестве главной поучающей, а не поучаемой

силы. «Мы пришли, – признавался В. - В. Розанов, – позвать друг друга с его "вышки", оторвать от его идеала. Священники ждут, насколько мы можем отречься от науки, искусства, прогресса; интеллигенция ждет, насколько духовенство может "отрясти прах от ног своих", – прах святой, прах недвижимый...»[21]. «... Так ли заблуждалось наше духовенство, – спрашивал художник С. К. Маковский, – не поверя в искренность обращавшейся к нему интеллигенции и не допуская права ее, интеллигенции, "вязать и развязывать"»[22]. Две силы, претендующие на духовное лидерство, не должны «обескровливать» друг друга. В. В. Розанов, например, был убежден, что союз интеллигенции, мира и белого духовенства – самое надежное и, возможно, последнее противоядие от набиравшего мощь нигилизма. Многие художники-почвенники не сомневались в том, что интеллигенция должна принять православно-церковные идеалы «без всяких условий». «Оставит ли народ свои святыни, чтобы разделить неверие интеллигенции, – спрашивал Н. М. Соколов, – или интеллигенция откажется от своего неверия, чтобы молиться вместе с народом?»[23].

В 1903 г. один из респондентов В. В. Розанова требовал у писателя внятно ответить на следующие вопросы:

– принесло ли византийское православие пользу России?

– необходимо ли оно российской государственности?

– стоит ли русским вести богослужение на малопонятном древнеболгарском языке?

– истинны ли догмы православия и влияют ли они позитивно на народную нравственность?[24].

В этих принципиальных пунктах расходились мнения представителей различных общественных сил России. Отвечая на означенные вопросы, радикал-либералы предлагали категоричное «нет», ультраконсерваторы – категоричное «да». У либерал-консерваторов не было однозначного ответа, что не могло не сказаться на репутации этого умственного движения в эпоху, требовавшую категоричности, политической экспансивности и брутальности. На часть вопросов не имел однозначного ответа и В. В. Розанов, до конца убежденный лишь в том, что путь спасения и возрождения России – это путь религиозный. Излишнюю запальчивость В. В. Розанова, критиковавшего и Синод, и епископат, пытались снять его наиболее внимательные и заинтересованные респонденты. Соредактор «Русского вестника» писатель В. Л. Величко отказ опубликовать очередную розановскую статью сопровождал таким внушением: «Для меня Церковь не такой предмет, о котором можно рассуждать хотя бы и основательно, но *без церемоний*. <...> Я верю в правду, но любовь к правде убедила меня в том, что ее следует говорить не как попало, а в своем месте и в свое время, ибо *немногие* могут ее вместить»[25].

Очень скоро интеллигенция и представители духовенства, участвующие в работе РФС, начали подвергаться нападкам, преимущественно в правой печати: одно за другим следовали обвинения в сектантстве, еретичестве, толстовстве, нигилизме, либерализме, упадничестве, атеизме, сатанизме. Отчасти эти обвинения были спровоцированы все возрастающим желанием Мережковских усилить религиозно-философскую и общественную тенденциозность собраний. В апреле 1903 г. собрания были прекращены.

Спустя годы Д. С. Мережковский продолжал считать именно духовенство повинным в том, что начатый диалог об отношении Церкви к общественности и миру был прерван: «Церковь не

ответила, потому что не могла не только ответить, но даже услышать вопрос»[26]. Вероятно, писатель всерьез мнил себя русским Лютером – вождем совершающейся религиозно-политической реформации. Сам факт появления интеллигентов в рясе (Г. С. Петров, И. П. Брихничев и др.) и активно воцерковляющейся интеллигенции свидетельствовал не об отчуждении, а о взаимной направленности идейных потоков. Проблема мирского участия Церкви даже получила богословско-научное обоснование в диссертации К. М. Аггеева «Христианство в его отношении к благоустроению земной жизни» (1909).

В начале XX в. возобновляются дискуссии о возможном восстановлении патриаршества. В. В. Розанов считал, что восстановление института патриаршества (давняя мечта славянофилов) нельзя считать самоцелью – оно имеет смысл лишь как завершение происходящих в церковной жизни глубинных перемен. Гораздо более важным мыслился писателю вопрос о возрождении поместных соборов, необходимых не только для упорядочения церковных дел, но и для оздоровления земской жизни, поддержания в русском народе начал общинности. В 1903 г. профессором А. Н.-Заозерским была предложена схема Поместного собора, созываемого раз в три года и состоящего из духовенства, мирян и представителей государственной власти. Проект вызвал живую заинтересованность в консервативных кругах. О нем положительно отозвался Л. А. Тихомиров. В. В. Розанова в предложении А. Н. Заозерского особенно привлек пункт о трех четвертях совещательных голосов, коими должны стать «*богословы, ученые, литераторы, публицисты, художники*, люди житейской и юридической опытности», представители белого духовенства и монашеского старчества[27]. Поместный собор представлялся писателю трибуной мнений, свободно высказываемых по вопросам не только церковной, но и мирской жизни. В. В. Розанов мечтал об открытых прениях со старообрядцами и сектантами, чему должна была содействовать далеко шагнувшая вперед богословская наука: главное, побеждать «на воздухе», а не «в тайном делопроизводстве консисторий»[28]. Важно заметить, что участие мирян в работе поместного собора, принцип открытости мнений рассматривались как условие упрочения авторитета государственной власти, которая, осознавая свою силу, не боится диалога и полемики. В идее поместного собора, горячо обсуждавшейся в начале XX в., бесспорно, были сфокусированы надежды общества на легитимизацию свободы слова, совести, собраний. В проекте А. Н. Заозерского неожиданно угадываются и черты будущей Государственной думы.

На рубеже XIX–XX вв. полемика вокруг степени доверия интеллигенции и Церкви друг к другу шла параллельно с дискуссиями внутри самой Православной Церкви о необходимости замены синодального правления институтом патриаршества. Совершенно несправедливы упреки, выносимые Церкви в том, что она взирала на происходящее в стране безжизненно-холодным и неподвижным оком. Отставка в октябре 1905 г. К. П. Победоносцева с поста обер-прокурора Святейшего Синода была связана с тем, что епископат в большинстве своем неожиданно для синодального руководителя высказался за высвобождение Церкви из бюрократических и политических пут государства через восстановление патриаршества. Решению накопившихся проблем должен был помочь созыв Поместного собора Русской православной церкви. Популярный в церковных и в интеллигентских кругах епископ Сергий Страгородский,

бывший в 1901–1903 гг. деятельным участником знаменитых религиозно-философских собраний в Петербурге, настаивал на том, чтобы в Поместном соборе помимо епископата приняли участие представители приходского духовенства и мирян. Эту точку зрения разделял В. В. Розанов.

В 1905–1907 гг. художественная интеллигенция активно участвовала в полемике вокруг преобразований в церковной жизни. С идеей «свободного выбора» патриарха соглашался либерал П. Д. Боборыкин[29]. Консерватор С. Н. Сыромятников выражал надежду, что патриарх станет добрым советником царя, а епископы будут введены в состав Государственного Совета. Важно заметить, что свой оптимизм писатель основывает на впечатлениях полученных во время заседаний РФО в 1901–1903 гг.[30]. Один из самых ярких критиков Церкви, В. В. Розанов едко замечал, что со времен Стоглавого собора (1551) русские люди не слышали мнения Церкви касательно сфер нравственности и «житейского сношения»[31]. Писатель высоко оценил опубликованное 18 февраля 1906 г. обращение «От Святейшего Синода к пастырям Православной Церкви перед выборами в Государственную Думу»[32], в котором содержался призыв к духовенству разделить с правительством заботу о нуждах государственных и народных, не устраняться от тех преобразований, которые возвещены манифестом 17 октября. Собору предстояло обсудить ряд мер, способствующих оздоровлению церковной и государственной жизни. Наиболее принципиальной позицией В. В. Розанов считал возвращение монашества к «чистому» идеалу смирения и безвластия через «разведение» монашества и епископата[33].

Неожиданно для многих часть депутатских мест в первой Государственной думе получили представители духовенства, за которых отдали свои голоса в основном крестьяне и мелкие землевладельцы. Это, во-первых, свидетельствовало о том, что живая связь между земской Россией и священством оставалась достаточно прочной, а во-вторых, предоставляло духовному сословию государственные рычаги, необходимые для решения тех задач, о которых шла речь в синодальном обращении к пастырям и которые предстояло решать будущему Поместному собору. В. В. Розанов, анализируя феномен священников-выборных, замечал, что здесь обнаружила себя «историческая» Русь, голосовавшая не за партийные программы и ораторские изыски, а за здравый смысл, уважение к традиции и понимание нужд сельского, трудового населения. Писатель считал священство сословием, которое способно взглянуть на проблему с народных, а не партийных (в том числе черносотенно-партийных) позиций: «Чем меньше в этой Думе будет навеянных или иных речей, которых, однако, неизбежно будет много, тем лучше: мужик и “поп” сыграют роль якоря в оснастке нашего государственного корабля, которому “интеллигенты” готовят только паруса и паруса»[34]. Эта метафора прекрасно иллюстрирует то, что мерой работоспособности Думы В. В. Розанов определяет следование ее либерально-почвенническим началам. Один из лейтмотивов розановской политии – свобода должна «созреть». Интеллигенция может многое сделать для государственно-правового строительства и просвещения, но при условии, что она ощущает «целебное трение» о действительность, понимает нужды корневой, глубинной России с ее привычками и даже предрассудками: «Пусть интеллигенция со всем этим сочтется... и тогда все это более чутко прислушается и более мягко подастся в сторону работы интеллигенции»[35].

Хорошим примером соединения пастырского и гражданского служения В. - В. Розанов поначалу считал деятельность священника Г. С. Петрова, ставшего одним из ярких политических явлений 1907–1909 гг. Увы, судьба этого талантливого оратора и публициста, избранного депутатом II Государственной Думы, подтверждает печальную истину о том, что профессиональное занятие политикой постепенно уводит даровитого человека от исполнения его прямой миссии. В январе 1908 г. Г. С. Петров был лишен сана. Конечно, В. В. Розанов не мог не понимать, что священник, выступающий в роли политического борца, – фигура «неканоническая», а стремление переместить Евангелие в центр «наличной политической борьбы» извращает суть религии[36].

Для выработки программы Поместного собора по решению Святейшего Синода в 1906 г. было учреждено особое присутствие. В. В. Розанов считал, что предсоборное присутствие должно лишь отрегулировать организационные вопросы: обсуждение программы – прерогатива Собора. Писатель торопил духовенство: нужно быстрее «организоваться», иначе будет упущено время и Собор сможет собраться не иначе как «перед пришествием Антихриста»[37]. Пророческая точность этих опасений поразительна. Можно предположить, что если бы Поместный Собор был созван не в 1917-м, а, например, в 1907 г., многим трагическим сюжетам не нашлось бы места в российской истории. В частности, не пришлось бы недальновидной российской интеллигенции дожидаться поры мученичества Церкви, для того чтобы оценить в полной мере ее выдающуюся духовную, подвижническую роль в истории российской государственности и культуры.

Предсоборное присутствие 1906 года оставило двойственное впечатление. Критики Церкви сочли, что разговор о конкретных народных нуждах оказался полностью растворенным в диспуте о восстановлении патриаршества, а в подготовительных беседах было слишком мало одушевления. В.В. Розанов выступил с резкой статьей, называя решения этого форума кончиной соборного русского православия и лукавой попыткой передать церковную власть православному «папе»: «*патриарх в условиях нового образования и новых движений политических* ничем не может быть кроме *папы*»[38]. Однако главное опасение писателя было связано с тем, что восстановление патриаршества укрепит положение черного духовенства, усилит клерикальные тенденции внутри самой Церкви, а это означает новое наступление «бессеменного» монашеского идеала на семью, материнство и деторождение. Комментируя «записку» 32 священников, признававших «неканоничность» существующего церковного управления, писатель замечал, что прежде чем автономизироваться, церковь должна показать способность к обновлению: в первую очередь, ей следует покончить с «монополией» монашеских идеалов и внутренним «огосударствлением», ибо дело церкви не повелевать, а «усовестливать»[39]. Ключевую роль в этом должно было сыграть именно белое духовенство. В. В. Розанов надеялся, что союз священства и здравомыслящей части интеллигенции станет одним из условий оздоровления национальной жизни.

В противоположность В. В. Розанову, А. Т. Виноградов полагал, что православный идеал монашества отличается от католического тем, что не исключает земной действительности. Писатель ссылался на авторитетное мнение Иоанна Златоуста: «Я часто хочу и молюсь, чтобы тирания общественных зол исчезла, чтобы не только мирским людям не

было необходимости убегать в горы, но чтобы обитающие в пустынях, как беглецы, возвратились в этот мир; я часто молил, чтобы в обществе и государстве утвердилось всякое благозаконие и чтобы уничтожилась, наконец, всякая нужда в монастырях»[40].

Конечно, в юридическом союзе государства и церкви нельзя видеть только способ консервации устоев и желание возвести искусственную препону на пути общественного и религиозного обновления. В начале XX в. усилия власти в упрочении начал веротерпимости были достаточно последовательны. Вслед за знаменитым февральским манифестом 1903 г. последовало издание «Правил» о порядке устройства старообрядческих и сектантских общин от 17 октября 1906 г. Новый закон выводил русское старообрядчество из полуподпольного существования, чему, к слову, очень радовался В. В. Розанов. Мотивируя важность новых правил, писатель впадает в явное противоречие: с одной стороны, он признает, что следование строгому нравственному закону, присущее старообрядчеству, обусловлено тем, что эта ветвь православия была лишена юридической защиты государства, с другой стороны, В. В. Розанов считает, что выход РПЦ из-под опеки государства не принесет благ ни той, ни другой стороне. Не считая обер-прокуратуру удачным опытом церковного управления, В. В. Розанов тревожился, что упразднение духовного ведомства приведет к обособлению церкви от нужд государства и народа. Церкви и государству нужно *разъединиться*, но лишь для того чтобы *соединиться* – уже не на уровне синодальной канцелярии, а на уровне глубокого внутреннего понимания общих культурных, духовных, национально-государственных задач, стоящих перед светской и церковной властью. Такую форму «развода», такое качество церковной реформы В.В. Розанов принимает: «Независимость, искренность и дружелюбие сюртука и рясы – вот лозунг, на котором обе стороны могут примириться»[41]. В 1908–1909 гг. позиция писателя остается двойственной: он не убежден до конца, является ли церковное «министерство» средством «интегрировать» церковь в дела государства или, напротив, Синод выступает помехой на пути более деятельного и продуктивного участия церкви в народной и государственной жизни.

Многие художники относились к «синодальному православию» отрицательно. А. Белый, например, в 1908 г. предрекал, что духовенство, зависимое от Синода, может быть использовано властью для утяжеления сил политической реакции[42]. Последующие события подтвердили правоту поэта: ультраправый состав IV Государственной Думы в значительной степени был обеспечен за счет давления, которое оказывалось церковным и светским руководством на выборщиков-священников.

С. Н. Булгаков считал, что падение русского православного царства в значительной степени объясняется «нарушением равновесия в отношениях церкви и государства»[43]. Относительная обособленность от государственных структур была необходима Церкви не для того, чтобы безнаказанно критиковать власть или прожектировать собственные социальные утопии, а для того чтобы ощущать большую свободу в диалоге с различными общественными корпорациями России. Во время социальных смут дело Церкви – стоять *над* конфликтом, искать пути его бескровного разрешения. Увы, прерогатива принятия решения о созыве Собора оставалась за государем, который 25 апреля 1907 г. принял роковое для страны решение: созыв Собора отложить.

Ха рактерно, что этот вердикт более всего устраивал радикальную интеллигенцию: у нее оставалось максимальное количество аргументов для того, чтобы наносить новые и новые удары по престижу как монархии, так и Церкви, оправдывать политический шантаж и террор. В работе Д. Поспеловского хорошо структурированы причины, объясняющие, почему столь важное для судеб страны реформирование Церкви не состоялось в 1905–1907 гг.[44]. В феврале 1909 г. «Вестник Европы», резюмируя историю несостоявшегося созыва Поместного собора, писал, что она показательна как иллюстрация того, «насколько настоятельные требования жизни парализуются полновластием бюрократического уклада, сумевшего подавить почин возрождения церкви»[45].

Радикально-либеральная интеллигенция, бравируя своей политической «неблагонадежностью», методично попрекала Церковь лояльностью к власти, нежеланием ввязываться в политические дискуссии и отсутствием симпатий к освободительному движению. Архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий) в проповеди, произнесенной 20 февраля 1905 г. в Исаакиевском соборе, говорил о том, что российскому обществу не хватает «духа смиренного самоосуждения». Эти слова резанули слух Д. С. Мережковского, который написал ироничную отповедь иерарху, не преминув заподозрить последнего в черносотенстве и политической реакционности[46]. Четыре года спустя появился сборник «Вехи». И вновь Д. С. Мережковский, мобилизуя всю свою иронию, защищает русскую интеллигенцию и освободительное движение от «семи смиренных» авторов, как водится, намекая на их черносотенство и реакционность[47]. Между тем архиепископ Антоний не убоялся публично принять «веховские» идеи, усмотрев в них здоровую основу для сближения интеллигенции и Церкви.

Опасения власти, что восстановление патриаршества окончательно разбалансирует общественную систему, спровоцирует антимонархические настроения в церковных кругах и приведет к усилению хаоса в стране, были преувеличенными. Парадоксально, что Церковь как духовная корпорация никогда не отказывалась от политического и духовного союза с монархической государственностью (притом, что имманентной привязанности православия к какому-либо политическому строю не существует, а все попытки создания в России «православной» политической партии неизменно проваливались), в то время как церковный департамент – Синод – в феврале 1917 г. фактически отрекся от царя и предложил поддержать Временное правительство. На рубеже XIX–XX вв. с умеренно-консервативных и консервативных позиций выступали крупнейшие церковные иерархи, монархические идеи исповедовали влиятельные священнослужители: от богослова-интеллектуала Павла Флоренского до харизматичного, глубоко почитаемого в народной среде Иоанна Кронштадтского.

Знаменитые антитолстовские «хулы» последнего имеют две важных особенности. Во-первых, Иоанн Кронштадтский обвиняет Л. Н. Толстого не только в антицерковной, но и в антинародной, антигосударственной проповеди: «Ниспровергая веру в Бога, во Христа, в Церковь, – вы, толстовцы, ниспровергаете Россию, вы готовите ей политическую гибель, ибо Россия распространилась и стала велика, сильна, просвещена и уважаема от врагов только чрез православную веру...»[48]. Во-вторых, в число защищаемых от толстовского влияния объектов неожиданно попадает сама интеллигенция (при ка-

жущемся антиинтеллигентском пафосе работ пастыря). Статьи Иоанна Кронштадского изобилуют прямыми обращениями к образованному сословию с требованием отрешиться от толстовского лжеучения. Одно из главных опасений, высказываемых пастырем: учение Л. Н. Толстого уводит интеллигенцию в сторону от истины. Логику императивов и предостережений Иоанна Кронштадтского можно понять при условии, что интеллигенция мыслится пастырем как потенциальная союзница в нравственном, государственном и религиозном строительстве.

Многие представители высшего духовенства с пытливым участием относились к идейным исканиям светской интеллигенции. Примером тому может служить епископ Антонин (Грановский), которого В. В. Розанов называл самым ярким и «стильным» архиереем[49]. Уйдя на покой по болезни, он оказался на время оторванным от интеллектуальных споров эпохи, что заставило В. В. Розанова в апреле 1908 г. публично обратиться к столичным литераторам и ученым с просьбой навестить Антонина, выразить ему коллективное сочувствие.

Государственное возрождение может и должно начаться в церкви и рядом с церковью. Простой народ в большинстве своем не утратил уважения к церкви, но, увы, значительная часть интеллигенции не желала считаться с этим очевидным фактом.

В конце 1905 г. в Москве было учреждено Религиозно-философское общество памяти Вл. Соловьева, объединившее такие фигуры, как С. Н. Булгаков, Е. Н. Трубецкой, В. П. Свенцицкий, В. Ф. Эрн, П. А. Флоренский. Позже к ним присоединились Вяч. И. Иванов, Н. А. Бердяев. В Петербурге в октябре 1907 г. начало свою работу Религиозно-философское общество, которое поначалу многие сочли возобновлением Религиозно-философских собраний 1901–1903 гг. Однако после ужасов русско-японской войны и революции тональность заседаний стала иной: теоретический задор и богоискательские амбиции интеллигенции уступали место размышлениям о том, какую роль может сыграть религия в мирских делах, как соотносятся церковные и народные идеалы. По свидетельству В. В. Розанова, «собрание было тихою академиею, занятою мучительными темами, – жгучими и славными, но для души, а отнюдь не для государства в его социальном и политическом осложнении»[50]. В образованном обществе росло понимание того, что ни в политике, ни в религии не нужно «искусственно переводить вперед стрелку мирового циферблата»[51].

А. В. Карташев на первом заседании РФО, поясняя цель собраний, акцентировал внимание на том, что они не будут иметь злободневно-общественный и антицерковный характер[52]. Непременными участниками заседаний РФО были представители художественной интеллигенции: Вяч. И. Иванов, А. Белый, А. А. Блок. На заседании 16 декабря 1908 г. Б. Г. Столпнер высказал характерное в их адрес замечание: философ упрекал писателей в том, что литературная впечатлительность мешает им правильно понять существо как религии, так и политики[53]. В начале 1909 г. к работе РФО присоединилась вернувшаяся из-за границы чета Мережковских, чей темперамент и идейный конструктивизм вносили в атмосферу собраний дух религиозного и политического радикализма. С этого времени РФО начало все более отдаляться от своих первоначальных целей и даже подчеркивать свою обособленность от неославянофильского Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева.

Церковь важна как консервативный институт, как хранительница русской «исконности». По самому существу своему церковь должна стоять вне злобы дня, а значит вне политики. Церковь – живое тело, она не может не обновляться, однако процесс этот должен быть очень медленным, накопительным, без «внешних» толчков, криков, угроз и следования политической моде. Эту точку зрения разделял первенствующий член Синода митрополит Антоний (Вадковский), являвший собой своего рода центр религиозного «парламента» мнений. Другой Антоний, архиепископ Волынский, в декабре 1908 г. сделал в «Русском собрании» доклад с характерным названием «Против учения о том, будто Господь Иисус Христос был социалистом-революционером»[54].

В январе 1908 г. В. В. Розанов замечал, что предстоящая русскому обществу религиозная работа куда важнее работы политической. Точнее, интеллигенция должно понять первостепенность религиозных задач по отношению к задачам политическим. Социально-политическая реформация, по убеждению писателя, возможна лишь как составная часть реформации религиозной, под которой писатель понимает «возвращение к слову Божьему»[55]. В этом писатель оказался прав: разрушительная мощь большевистской революции 1917–1922 гг. во многом объясняется тем, что она прошла под знаком «религиозной» *атеистической* реформации.

Ф. А. Степун назвал в числе основных тенденций постреволюционной эпохи следующие:

– возвращение русской интеллигенции в Церковь;

– протест возвращающихся против реакционно-синодального клерикализма[56].

Однако *теистическая* реформация в России не состоялась. Для этого оказалось недостаточно даже усилий такого влиятельного критика Церкви, как Л. Н. Толстой. В роли русского Лютера писатель не состоялся[57].

Итак, в начале XX в. Церковь оказалась вовлеченной в столкновение двух концепций движения истории: оптимистически-хилиастической (ориентированной на либерально-западнические и социалистические идеи) и пессимистично-эсхатологической (идеалы монашества). После 1905 г. условием мирного эволюционирования России в сторону национально-государственного и культурного созидания могло стать принятие новой политической элитой идей религиозного обновления. Государственное возрождение может и должно начаться в Церкви и рядом с Церковью. Простой народ в большинстве своем не утратил уважения к Церкви, но, увы, значительная часть интеллигенции не желала считаться с этим очевидным фактом. К сожалению, почти все лидеры наиболее влиятельных общественно-политических движений были далеки от религиозных проблем. «Религией» левых радикалов был атеизм, либералы и неонародники в большинстве своем были индифферентны и глухи к вопросам религиозной жизни. Религиозное настроение не просто отрицалось в этих кругах – оно считалось признаком слабости, идейной неполноценности. Менее других были заражены религиозным индифферентизмом художники (не говоря уже о церковной интеллигенции). Именно они могли стать звеном, связующим созидательный опыт Церкви и светского мироустроительства.

Дальнейшие события показали, что опыт воцерковления интеллигенции (П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков, А. В. Ельчанинов, Г. В. Флоровский, В. В. Зеньковский и др.) оказался более удачным и благотворным, нежели опыт политического «пастырства» священников (Г. А. Гапон, Г. С. Петров).

Художественную интеллигенцию и Церковь роднит аскетическое, осторожно-недоверчивое отношение к политике. боязнь соблазна «общественности». Тем более неприемлемо ни для духовенства, ни для художников экстатичное, страстное служение политическим идеалам и государственной власти. В предреволюционные десятилетия Церковь и значительная часть интеллигенции шли навстречу друг другу. Непреодолимыми препятствиями на этом пути стали недомыслие власти, политическое тщеславие либеральной и мироустроительные амбиции радикальной интеллигенции.

Примечания

[1] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 588, оп. 1, д. 1321, л. 1–3.

[2] *Лисицын М., свящ.* Церковь и музыка // Русский вестник. 1902. № 10. С. 598.

[3] *Мережковский Д. С.* Христос и Антихрист: трилогия // Собр. соч.: в 4 кн. 1. М., 1989. С. 6.

[4] Там же.

[5] *Розанов В. В.* Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Литературные очерки. О писательстве и писателях. М., 1996. С. 443.

[6] Русский вестник. 1899. № 4. С. 784.

[7] *Виноградов А. Т.* Чего ждут образованные люди от современного богословия? // Русский вестник. 1901. № 5. С. 115–116.

[8] Новое время. 1902. 13 янв.

[9] *Аврех А. Я.* П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991. С. 171.

[10] См.: *Золотарев А. М.* Вероисповедный состав населения России // Русский вестник. 1902. № 5. С. 96–110.

[11] *Суворин А. С.* Письмо CDLXI CDLXI // Новое время. 1903. 2 дек.

[12] *Розанов В. В.* Собрание сочинений. Около церковных стен. М., 1995. С.38.

[13] *Розанов В. В.* Собрание сочинений. О писательстве и писателях. М., 1995. С. 268.

[14] *Мережковский Д. С.* Было и будет. Дневник. 1910–1914; Невоенный дневник, 1914–1916. М., 2001. С. 139.

[15] *Розанов В. В.* Собрание сочинений. Около церковных стен. С. 188.

[16] Там же. С. 217.

[17] См.: *Загребин С. С.* Русская Православная Церковь и интеллигенция: проблема взаимного отчуждения (конец XIX – начало XX века) // Интеллигенция России в истории XX века: неоконченные споры: Тезисы докладов и сообщений Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 1998. С. 190.

[18] *Цимбаев Н. И.* Русская православная церковь в годы испытаний (1900–1941) // Вопросы философии. 2001. № 5. С. 34.

[19] *Кантор В. К.* Проблема антихриста как проблема тоталитарного слома европеизма // Вопр. философии. 2001. № 4. С. 18.

[20] *Булгаков С. Н.* Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М., 1994. С. 348.

[21] *Розанов В. В.* Собрание сочинений. Около церковных стен. С. 475.

[22] *Маковский С. К.* На Парнасе Серебряного века. М.; Екатеринбург, С. 31.

[23] *Скиф Н.* Святые земли русской // Русский вестник. 1903. № 11. С. 247.

[24] *Розанов В. В.* Собрание сочинений. Около церковных стен. С.190.

[25] Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). ф. 249, картон М3823, ед. хр. 8, л. 7.

[26] *Мережковский Д. С.* Было и будет. Дневник, 1910–1914; Невоенный дневник, 1914–1916. С. 139.

[27] *Розанов В. В.* Собрание сочинений. Около церковных стен. С. 198.

[28] Там же. С. 200.

[29] Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), ф. 67, оп. 1, д. 12, л. 32.

[30] *Сыромятников С. Н.* Из церковного прошлого // Новое время. 1903.17 апр.

[31] *Розанов В. В.* Собрание сочинений. Русская государственность и общество. М., 2003. С. 11.

[32] Новое время. 1906. 18 февр.

[33] *Розанов В. В.* Собрание сочинений. Русская государственность и общество. С. 80.

[34] Там же. С. 47.

[35] Там же. С. 50.

[36] *Розанов В. В.* Собрание сочинений. Около народной души. М., 2003. С.218.

[37] *Розанов В. В.* Собрание сочинений. Русская государственность и общество. С. 18.

[38] Там же. С. 91.

[39] Там же. С. 184.

[40] *Виноградов А. Т.* Основа национализма // Русский вестник. 1901. № 6. С. 413.

[41] *Розанов В. В.* Собрание сочинений. Русская государственность и общество. С. 193.

[42] См.: *Валентинов Н.* Два года с символистами. С. 190.

[43] *Булгаков С. Н.* Православие: Очерки учения православной церкви. М., 1991. С. 340.

[44] См.: *Поспеловский Д.* Русская православная церковь: испытания начала XX века. // Вопросы истории. 1993. № 3. С. 47.

[45] Вестник Европы. 1909. № 2. С. 691.

[46] См.: *Мережковский Д. С.* Страшный суд над русской интеллигенцией. // Мережковский Д. Больная Россия. Л., 1991.

[47] См.: *Мережковский Д. С.* Семь смиренных. // Вехи: pro et contra. М., 1998.

[48] *Кронштадтский Иоанн.* Христианская философия: Избранные работы. М.; СПб., 2004. С. 426.

[49] *Розанов В. В.* Собрание сочинений. В нашей смуте. М., 2004. С. 89.

[50] *Розанов В. В.* Собрание сочинений. Около народной души. С. 405.

[51] Там же. С. 287.

[52] Е. В. Бронникова, сделавшая обзор архивных документов, касающихся деятельности РФО, предположила, что создание РФО стало следствием работы думской Комиссии по свободе совести под председательством Н. В. Тесленко. Одной из задач Комиссии, работавшей с 4 апреля по 29 мая 1907 г., была разработка законопроекта о религиозных обществах (Вопросы философии. 1993. № 6. С. 119).

[53] *Розанов В. В.* Собрание сочинений. Около народной души. С. 408.

[54] Новое время. 1908. 3 дек.

[55] *Розанов В. В.* Собрание сочинений. В нашей смуте. С. 50.

[56] *Степун Ф. А.* Бывшее и несбывшееся. СПб., 2000. С. 206.

[57] См.: *Налимов В. В.* На изломе культуры // Политические исследования. 1992. № 1–2. С. 160.

Н. В. Бадьина

ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИЕ ШКОЛЫ В СИСТЕМЕ НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Обучение и воспитание детей в России традиционно считалось делом семейным. Практика домашнего обучения была распространена среди всех слоев населения. Если для представителей высших сословий перспектива государственной службы сделала получение образования обязательным, то для основной части населения вопрос этот не имел первостепенного значения. Умение читать и писать вовсе не было обязательным.

Правительство долгое время не вмешивалось в эту сферу общественной жизни и лишь на рубеже XVIII–XIX вв. были предприняты первые попытки создания сети учебных заведений, ставивших своей целью «просвещение народа». На практике намеченные преобразования коснулись лишь городов. Учреждение первых училищ для крестьянских детей началось лишь во второй четверти XIX в. В этот период началось создание сети ведомственных училищ на землях, находящихся в управлении Министерства государственных имуществ, Удельного ведомства.

В 1836 г. РПЦ выступила с инициативой организации обучения крестьянских детей при приходских церквях. Впервые подобный опыт был предпринят в Олонецкой епархии. Деятельность открывающихся школ ставилась под контроль епархиального архиерея. Их основной целью провозглашалось воспитание детей в духе веры и благочестия[1].

© Н. В. Бадьина, 2007

В 1841 г. начался сбор сведений о предполагаемых к открытию училищах в других епархиях. В соответствии с императорским указом от 31 апреля 1841 г. приходские священники призваны были обучать детей чтению, письму, «молитвам и начаткам Катехизиса». Предполагалось открывать училища «в виде простом и приспособленном к народному быту»[2]. Уставом духовных консисторий 1841 г. (ст. 14) сбор сведений о их деятельности возлагался на епархиальное начальство[3].

В Костромской епархии в числе первых были открыты училища при Костромском Ипатьевском (1845 г.), Галичском Староторжском (1848 г.), Макариево-Унженском (ок. 1850 г.) монастырях. Большинство учащихся в названных училищах составляли дети крестьян. Так, из числа обучавшихся в училище при Костромском Ипатьевском монастыре в 1846 г. дети крестьян составляли свыше 76 %, дети священнослужителей около 24 %; в 1852 г. – 69 % и 31 % соответственно[4].

Таблица

Сведения об училищах, учрежденных при монастырях Костромской епархии за 1850 г.[5]

Место нахождения училища	Время открытия	Число наставников		Число учащихся	
		м	ж	м	ж
При Костромском Ипатьевском монастыре	6 декабря 1845 г.	2	–	20	–
При Макариево-Унженском монастыре	6 декабря 18[50] г.	1	–	15	–
При Галичском Староторжском девичьем монастыре	3 февраля 1848 г.	–	1	–	14
Итого	–	3	1	35	14

Сохранились также отдельные свидетельства о деятельности училищ, организованных по инициативе духовенства при приходских церквях епархии. Так, в 1838 г. священником А. Соболевым было основано училище при Троицкой церкви с. Мироханово Чухломского уезда. В 1864 г. училище было передано в ведение волостного правления и переведено в разряд приходских училищ по Уставу 1828 г.[6] В том же 1838 г. в г. Варнавин было учреждено училище для мальчиков в доме священника Суворова[7]. В 1846 г. было открыто училище при Троицкой церкви с. Зашугомье Солигаличского уезда. К сожалению, сохранившиеся сведения фрагментарны.

Новым толчком к развитию церковных школ послужило освобождение крестьян. Уже в процессе подготовки реформы 1861 г. в атмосфере новых идей и планов все более отчетливо стала звучать мысль о том, что образование, основанное на православной традиции должно стать залогом нравственного здоровья общества, сохранения традиционной крестьянской культуры, основанной на православии. Организация обучения в приходах стала восприниматься как часть пастырского служения.

Этот период отмечен возникновением значительного числа новых училищ. В 1861 г. на территории Костромской губернии действовало 696 церковно-приходских училищ, в которых обучались 6 796 мальчиков и 1 459 девочек. К 1864 г. число училищ увеличилось до 810, число учащихся мальчиков – до 9 221 человек, девочек – до 1 813[8].

Деятельность школ, открываемых по инициативе духовенства, значительно отличалась от традиционных «казенных» училищ. Как правило, сельские общества не имели средств, чтобы устроить особое здания для школы. Занятия проводились в домах священнослужителей или других членов причта. Школы не имели ни привычных программ, ни жесткого расписания. Обучение строилось в зависимости от того, что найдет полезным учитель, а «программа» преподавания напрямую зависела от успехов учащихся. В условиях сельской школы, где каждого из своих учеников священник знал с младенчества так же, как знал его родителей со всеми их бедами и радостями, авторитет и живое слово наставника были куда важнее любых программ. Во многом именно отсутствие внешних признаков организации в школах, действовавших при приходских церквах, дало повод для критики со стороны педагогической общественности.

Необходимо отметить, что вторая половина XIX в. ознаменовалась невиданным подъемом общественно-педагогического движения. Широкое распространение в этот период получила идея о всеобщем начальном образовании. Одни видели в этом залог стабильного социально-экономического развития страны. Для других распространение образования стало своего рода воплощением идеи социальной справедливости в отношении многомиллионного российского крестьянства.

Все, от теоретических основ организации процесса обучения до частного опыта педагогов-новаторов, подвергалось самому пристрастному анализу, будоража умы седовласых прагматиков и юных идеалистов. Перспективы развития системы образования обсуждались на страницах крупных столичных изданий, в общественных собраниях и министерских кабинетах. Ключевой проблемой оставался поиск такого типа школ, который давал возможность удовлетворить потребности экономического развития страны и учитывал уровень социальных преобразований.

Положение 1864 г., передавшего заботу о материальном благосостоянии начальных учебных заведений в ведение органов местного самоуправления, стало отправной точкой формирования сети земских училищ. Число церковно-приходских школ быстрыми темпами сокращалось. Часть из них была переведена в разряд земских училищ. По данным уездных училищных советов к 1 января 1874 г. число церковных школ на территории Костромской губернии сократилось до 66, к 1879 г. до – 25[9].

Земство, получившее реальную возможность влиять на развитие сельских школ, особенно активно участвовало в обсуждении проблем народного просвещения. Со временем именно земство стало главным оппонентом церкви. Расхождения, едва уловимые на начальных этапах становления системы земских училищ, со временем становились все более очевидными. Более очевидными становились и последствия земского просвещения, проложившего невидимую грань между светским и религиозным обучением.

Влияние радикальных элементов, стремившихся использовать земскую школу для пропаганды своих идей, заставило правительство прислушаться к голосу Церкви. По мнению православного духовенства, школа должна ставить своей задачей не только образование ума, но прежде всего и более всего воспитание сердца. И потому школа должна находиться в тесно связи с Церковью, должна быть проникнута церковностью в лучшем, духовном смысле этого слова. С середины 80-х гг. XIX в. началось возрождение церковно-приходских школ.

С вступлением в силу Правил о церковно-приходских школах указом Святейшего синода от 13 июня 1884 г. для общего руководства и управления церковно-приходскими школами в Костромской епархии был учрежден епархиальный училищный совет. В 1887 г. его полномочия были переданы Совету Костромского Православного братства преподобного Сергия. Однако уже в 1890 г. деятельность училищного совета была возобновлена[10]. В его состав вошли: директор народных училищ, действительный статский советник, кандидат богословия В. Петровский; смотритель Костромского духовного училища кандидат, богословия П. Виноградов; законоучитель Григоровской женской гимназии, кандидат богословия, священник И. Ипполитов; учитель духовной семинарии, кандидат богословия А. Транквеллицкий; учитель духовной семинарии, кандидат богословия П. Громов; священники городских церквей И. Метелкин, И. Панов. Возглавил Совет учитель духовной семинарии, кандидат богословия протоиерей Н. Ветроградский[11].

В 1888 г. началось формирование системы уездного управления церковными школами. Уездные отделения осуществляли непосредственный контроль над деятельностью церковных школ: состоянием материальной базы, ходом учебного процесса, организацией воспитательной работы, качеством преподавания, выполнением учебных программ.

В 1895 г. была учреждена должность епархиального наблюдателя церковных школ. Епархиальный наблюдатель проводил ревизию школ и уездных отделений совета. На основании сведений, полученных в ходе инспекций, составлял проект годичного отчета о состоянии церковных школ, разрабатывал комплекс мер, направленных на их развитие. В разное время обязанности наблюдателя церковных школ Костромской епархии исполняли Н. И. Поспелов (1895–1902), А. Е. Юницкий (1903–1910), К. А. Казанский (1911–1918).

В первые годы развитие церковных школ серьезно осложнялось недостатком средств. Вплоть до 1896 г. объем казенных ассигнований на развитие церковных школ в Костромской епархии не превышал 1 тыс. рублей в год. Согласно данным за 1888 г. лишь одна треть церковно-приходских школ епархии получала пособия из средств Синода. Размер пособия ограничивался 30 рублями[12].

Финансирование церковных школ осуществлялось и из так называемых «местных сумм». Согласно постановлению Святейшего синода в день празднования святителя и чудотворца Николая (6 декабря) во всех церквях, соборах и монастырях епархии был установлен ежегодный сбор средств на развитие церковно-приходских школ. Кроме того, в храмах епархии осуществлялся постоянный кружечный сбор пожертвований в пользу церковных школ. Определением Костромской духовной консистории от 13 ноября 1892 г. за № 2118 духовенству предоставлялось право использовать на содержание школ до 25 рублей в год из церковных сумм без предварительного разрешения епархиального начальства; разрешалось помещать церковно-приходские школы в церковных помещениях с отоплением от церкви[13].

Участие в обеспечении школ принимали православные монастыри и братства Костромской епархии. На средства Александровского Православного братства содержались Домнинская и Хрипелевская школы Буйского уезда. В 1893 г. по инициативе Костромского Феодоро-Сергиевского братства была открыта церковно-приходская школа в с. Шадрине Макарьевского уезда. Пособия от братства получали школы, расположенные в

приходах с распространением раскола. При Песоченско-Игрицком (в 1888 г.), Николо-Бабаевском (в 1892 г.) монастырях были открыты церковно-приходские школы, получавшие содержание из монастырских сумм.

Большую роль в развитии материальной базы школ играла деятельность попечителей, среди которых было немало купцов, крестьян, а также чиновников, дворян, лиц духовного звания. Из пожертвований попечителей формировался запасной или основной капитал, проценты с которого направлялись на содержание школ. На эти средства велось строительство школьных зданий, оборудование общежитий и ночлежных приютов, приобретались мебель, учебные пособия и письменные принадлежности, пополнялись библиотеки для внеклассного чтения, в ряде школ выплачивалось дополнительное жалованье преподавательскому составу, устраивались школьные праздники, приобретались подарки для выпускников. По данным за 1896/97 учебный год имели попечителей из числа частных лиц 85 из 228 одноклассных школ.

Финансовую поддержку школам оказывали также школьные и приходские попечительства, церковные братства, общественные благотворительные организации. Первое школьное попечительство в губернии было основано в 1885 г. при Николаевской церкви с. Каликина Чухломского уезда. Средства попечительства составляли ежегодные членские взносы и добровольные пожертвования. Попечительство брало на себя заботу о развитии материальной базы школы, обеспечении ее хозяйственных нужд, о приобретении книг, учебных пособий и письменных принадлежностей, о повышении жалованья преподавателям, об оказании поддержки нуждающимся учащимся и др. Открытие подобных обществ было рекомендовано Костромским епархиальным училищным советом и для других приходов[14].

Благотворительные пожертвования и отчисления из церковных сумм не могли обеспечить все потребности церковных школ. Обеспечить стабильное финансирование из местных источников можно было лишь за счет привлечения средств местных органов самоуправления. Однако земства воздерживались от назначения регулярных выплат на развитие школ, состоящих в ведении епархиального управления. Частные ходатайства заведующих церковно-приходскими школами о назначении пособия со стороны земств удовлетворялись крайне редко. Выплаты эти носили единовременный характер и, как правило, ограничивались суммой в 25–50 рублей. Исключение составили Сергиевская, Алексеевская и Воскресенская школы г. Костромы, на содержание которых с 1886 по 1904 г. из средств городской управы выделялось свыше 1 тыс. рублей ежегодно.

Несмотря на материальные трудности, уже к 1897 г. число церковно-приходских школ, находившихся в ведении епархиального училищного совета, увеличилось до 228. Общая численность учащихся составила 8 774 человека[15].

Учреждая в приходе школу, члены причта, как правило, принимали на себя обязанность преподавания всех установленных программой предметов. Однако практический опыт показал, что они не всегда имели возможность уделять школам должное внимание. В наиболее сложном положении оказались школы, в которых приходские священники были вынуждены совмещать преподавание Закона Божия и общеобразовательных предметов. Согласно установленным нормам объем преподавания в церковно-приходских школах не мог быть менее определенного для начальных народных училищ Министерства народного просвещения, действую-

щих по Положению 25 мая 1874 г. Преподавание всех предметов школьной программы требовало неотлучного пребывания с детьми в течение 5–6 часов ежедневно за исключением воскресных дней. Занятые исполнением церковных треб, учителя-священники были вынуждены отменять или переносить занятия, оставлять детей в классе на попечение членов своих семей. Наладить нормальную деятельность церковных школ удавалось лишь в тех приходах, где учительские обязанности распределялись между несколькими членами причта и была реальная возможность освободить учителя на время проведения занятий от участия в богослужении и от исполнения церковных треб. Существовали такие школы лишь благодаря самоотверженному труду своих наставников.

Со временем от практики привлечения членов причта к преподаванию общеобразовательных предметов отказались в большинстве школ епархии. Увеличение казенных ассигнований позволило установить единый уровень оплаты для учителей церковно-приходских школ и открыло возможность для широкого привлечения на учительские должности светских лиц. В начале XX в. началась подготовка учителей для церковно-приходских школ на базе Костромского епархиального женского училища (1901), Хреновской церковно-учительской школы (1902). Для лиц, не получивших специального образования, была предусмотрена процедура получения звания учителя церковно-приходской школы посредством испытаний, проводившихся правлениями духовных семинарий, епархиальных женских училищ, мужских духовных училищ[16]. С целью повышение квалификации учителей церковных школ в Костромской губернии с 1897 г. была введена практика проведения летних педагогических курсов. Их основной задачей было ознакомление учителей с новыми методами преподавания, обмен практическим опытом организации учебно-воспитательной работы в церковных школах.

В большинстве школ епархии был установлен трехгодичный курс обучения. Программа младшего отделения выполнялась в течение первого года обучения, программа старшего отделения – в течение двух лет. В 1898 г. Первым съездом уездных наблюдателей церковных школ Костромской епархии было выработано единое недельное расписание уроков для одноклассных школ, составлены таблицы распределения учебного материала по полугодиям. Было установлено время начала и окончания учебных занятий: с 15 сентября до 23 апреля для сельских школ, с 1 сентября до 11 мая для городских школ[17].

Сведения, представляемые в отчетах заведующих, позволяют определить объем преподаваемых предметов в каждом из отделений школы. Учащиеся первого отделения в ходе занятий по *Закону Божиему* заучивали тексты общеупотребительных молитв и Символа веры; учащиеся второго отделения знакомились с основными событиями Священной истории Ветхого и Нового Заветов, десятью заповедями. В качестве учебных пособий применялись: «Таблицы Символа веры, молитвы Господней, начальных молитв и заповедей»; «Учебный Часослов»; «Учебный Октоих»; «Учебный Обиход»; «Псалтирь учебная»; «Наставление в Законе Божием» (протоиерея П. Смирнова); «Наставление в Законе Божием» (протоиерея Д. Соколова); «Священная история» (Рождественского); «Начатки христианского учения»; «Курс Закона Божия» (Преображенского); «Картины из Священной истории для наглядного обучения» (Сидорского); «Исторические чтения из книг Ветхого Завета»; «Краткая история жизни Иисуса Христа».

В рамках занятий по *русскому языку* учащиеся первого отделения учились написанию букв, слов и коротких предложений под диктовку учителя. Во втором отделении практиковалось написание диктантов, списывание текстов из учебных книг, устный пересказ и письменное изложение текстов. В ходе обучения использовались «Азбука» (издания Святейшего синода); «Русская азбука» и прописи (Гербача); «Азбука правописания» (Д. И. Тихомирова); «Азбука» (Н. Ф. Бунакова); «Уроки правописания» (О. Пуцыкевича); «Книга для чтения и письменных работ» (Д. Попова); «Солнышко» (Рождественского); «Родина» и «Солнышко» (Радонежского); «Родное слово» (К. Д. Ушинского) и др.

Изучение *церковно-славянского языка* в первом отделении проводилось по книгам «Обучение церковно-славянской грамоте» (Н. И. Ильменского); «Первая учебная книжка по славянскому языку» (Грушевского); во втором отделении – по текстам «Евангелия»; «Часослова» и «Псалтири». В районах с распространением старообрядчества изучению церковно-славянской грамматики по требованию родителей уделялось особое внимание. В некоторых школах разрешалось преподавание по книгам, издаваемым в единоверческой типографии с разрешения Святейшего синода.

На занятиях по *арифметике* в первом отделении дети обучались счету до ста, первым четырем действиям арифметики; во втором отделении – счету до миллиона, сложению и вычитанию на счетах, решению простейших задач; знакомились с мерами длины и веса. В качестве учебных пособий служили: «Сборник арифметических задач» (А. И. Гольденберга); «Сборник арифметических задач» (Евтушевского); «Арифметика на счетах» (Кудрявцева). Обучение церковному пению проводилось с использованием «Краткого руководства к церковному пению» (Д. Соколова)[18].

Расписание уроков Белбажской одноклассной церковно-приходской школы Макарьевского уезда, составленное священником К. Сокольским[19]

	8,5 –9,5	9,75 – 10,75	11–12	13–14	14,25 – 15,25	15,5 – 16
Понедельник	Закон Божий	Церковно-славянская грамота	Русский язык	Счисление	Счисление	Церковное пение
Вторник	Закон Божий	Церковно-славянская грамота	Русский язык	Счисление	Счисление	Церковное пение
Среда	Закон Божий	Церковно-славянская грамота	Русский язык	Счисление	Счисление	Церковное пение
Четверг	Закон Божий	Церковно-славянская грамота	Русский язык	Чистописание	Русский язык	Церковное пение
Пятница	Закон Божий	Закон Божий	Русский язык	Чистописание	Церковное пение	–
Суббота	Закон Божий	Закон Божий	Русский язык	Чистописание	–	–

В начале XX века программа одноклассных церковно-приходских школ была расширена за счет более глубокого изучения вышеозначенных предметов. В ходе занятий по русскому языку сообщались элементарные сведения по истории, географии и природоведению. При наличии местных средств вводилось обучение ремеслам, преподавание гигиены и военной гимнастики. Получили развитие одноклассные церковно-приходские школы с 4-годичным курсом, двухклассные церковно-приходские школы с 5-летним курсом.

Особое значение в церковных школах придавалось религиозно-нравственному воспитанию учащихся. День в школах начинался и заканчивался молитвой. В праздничные дни дети под руководством учителя присутствовали на богослужении в церкви. В дни Великого поста сокращалось количество учебных занятий, обязательным для всех учащихся было присутствие на исповеди и причащение Святых Даров. Воспитанники старших классов привлекались к участию в церковном богослужении: прислуживали в алтаре; выносили свечи и аналой; читали часы, шестопсалмие, паремии. При школах образовывались церковные хоры. В 1904/05 учебном году их численность достигла 84[20].

Большое внимание уделялось школьной дисциплине. В качестве мер наказания допускались: внушение, публичный выговор, стояние на ногах. В некоторых школах провинившихся учащихся на глазах у товарищей и всей деревни должны были забирать домой родители. В качестве исключительной меры наказания применялось исключение из школы. Применение телесных наказаний строго пресекалось. В 1896 г. законоучитель Ильинской церковно-приходской школы Галичского уезда священник Нарбеков за жестокое обращение с детьми был низведен в причетники местной церкви[21]. Вопрос о дисциплинарных мерах особо обсуждался съездом уездных наблюдателей церковных школ Костромской епархии в 1898 г. Было признано недопустимым использование телесных наказаний; оставление детей без обеда; употребление в отношении учащихся прозвищ, унижающих человеческое достоинство[22].

По данным Костромского епархиального училищного совета к 1916 г. на территории губернии насчитывалось 356 одноклассных школ и 4 двухклассные[23]. Основная часть церковных школ была включена в сеть начальных учебных заведений губернии, разработанную на совместных заседаниях земских комиссий по народному образованию и уездных отделений Костромского епархиального училищного совета. С введением единой сети учебных заведений в губернии в 1909–1914 гг. система финансирования школ была изменена. За счет казенных ассигнований стало выплачиваться жалование педагогическому персоналу, удовлетворялись строительные нужды школ. Значительно увеличились отчисления на обеспечение церковных школ со стороны уездных земств. Земства Кинешемского, Чухломского, Нерехтского, Солигаличского, Макарьевского, Варнавинского уездов приняли на себя расходы на приобретение письменных принадлежностей для церковных школ. Ветлужское земство ассигновало пособие в размере 600 рублей на приготовление горячего приварка в церковных школах уезда. Юрьевецкое, Галичское, Буйское и Кологривское земства выделяли средства на хозяйственное обеспечение школ[24].

Установленная система финансирования не распространялась на школы, не вошедшие в единую сеть начальных учебных заведений губернии: образцовые школы при Костромской духовной семинарии, Костромском епархиальном

женском училище, церковном училище Богоявленско-Анастасиина монастыря, церковно-приходские школы при Ипатиевском, Железно-Боровском, Никола-Бабаевском, Песоченско-Игрицком монастырях и в Назаретской пустыни, Максимовская школа Макарьевского уезда и Ново-Покровская школа Кинешемского уезда.

Летом 1917 г. Временное Правительство России приступило к реформе системы народного образования в стране. Постановлением от 20 июня 1917 г. в подчинение Министерства народного просвещения были переданы все общеобразовательные и педагогические учебные заведения ведомства православного исповедания. Казенные кредиты, отчисляемые на содержание церковных школ по смете училищного совета при Святейшем синоде, были переданы в распоряжение дирекции народных училищ. Органы местного самоуправления должны были принять на баланс имущество и здания церковных школ[25].

Осенью 1917 г. Костромской епархиальный училищный совет приступил к передаче школьного имущества в распоряжение уездных земств и городских управ[26]. Музей и библиотека Костромского епархиального училищного совета были переданы в церковное училище при Богоявленском монастыре[27].

Согласно циркуляру училищного совета при Святейшем синоде от 20 июля 1917 г. № 310 школы, не вошедшие в общую сеть начальных учебных заведений, должны были оставаться в ведении духовного ведомства. Их содержание должно было осуществляться за счет местных средств епархиальных училищных советов[28]. В ведении Костромского епархиального училищного совета оставались Максимовская школа Макарьевского уезда и Ново-Покровская школа Кинешемского уезда.

Вследствие декрета СНК от 23 января 1918г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» Костромской епархиальный училищный совет утратил статус юридического лица. Однако, несмотря на неоднократные требования со стороны Костромской губернской земской управы о передаче всех дел в распоряжение органов местного самоуправления, совет продолжал свою деятельность. После изъятия из обращения средств епархиального училищного совета, находящихся в виде ценных бумаг, финансирование внесетевых школ осуществлялось из остатков денежных сумм. Согласно постановлению Костромского епархиального училищного совета от 14 марта 1918 г. на их содержание предполагалось отчислять ежемесячное пособие в размере 70 рублей[29].

В ходе последующих преобразований в стране была сформирована светская в своей основе система образования. В новом обществе не было места Богу.

Примечания

[1] *Смолич И. К.* История русской церкви, 1700–1917. М., 1996. С. 98; *Чуков Н. К.* Исторический очерк развития церковных школ в Олонецкой епархии. Петрозаводск, 1910. С. 4; ГАКО, ф. 28, оп. 1, д. 433, л. 12.

[2] ГАКО, ф. 27, оп. 1, д. 751, л. 22.

[3] Устав духовных консисторий. СПб., 1883. С. 5.

[4] Там же, ф. 130, б/ш, д. 522, л. 14 об. – 15 об.; 43 об.– 44 об.

[5] Там же, ф. 130, б/ш, д. 522, л. 68 об.

[6] Там же, ф. 130, оп. 9, д. 1998, л. 46.

[7] Там же, ф. 25, оп. 1, д. 572, л. 17–17 об.

[8] ГАКО. ф. 130. оп. 11. д. 2395. л. 1.

[9] ГАКО, ф. 444, оп. 1, д. 185, л. 37 об, д. 516, л. 1 – 2.

[10] Костромские епархиальные ведомости. 1890. № 2. Официальная часть. С. 13.

[11] Там же. 1891. Приложение к Официальной части № 2, 3, 4, 5. С. 5.

[12] Там же. – 1888. – № 3. – Официальная часть. – С. 45.

[13] КЕВ. 1892. № 24. Официальная часть. С. 461.

[14] ГАКО, ф. 438, оп. I, д. 1674, л. 33.

[15] Отчет Костромского епархиального училищного совета о состоянии церковных школ Костромской епархии в 1896–1897 уч. году. Кострома, 1898. С. 4–5.

[16] КЕВ. 1900. № 9. Официальная часть. С. 111–116.

[17] Отчет о состоянии церковных школ Костромской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1897–1898 уч. год. Кострома, 1899. С. 75.

[18] ГАКО, ф. 438, оп. I, д. 1, л. 53, д. 1675, л. 3; Отчет Костромского епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Костромской епархии за 1891–1892 учебный год. Кострома 1893. С. 32–33.

[19] КЕВ. 1894. № 3. Неофициальная часть. С. 57.

[20] КЕВ. 1906. Приложение к Официальной части №6. – С. 10.

[21] Отчет Костромского епархиального училищного совета о состоянии церковных школ Костромской епархии в 1895–1896 учебный год. Кострома, 1897. С. 25–28.

[22] КЕВ. 1899. № 8. С. 118.

[23] Там же, 1916. № 14. Приложение к Официальному отделу. С. 2 – 3.

[24] ГАКО, ф. 438, оп. 1, д. 1238, л. 40; Доклады управы и постановления Буйского уездного земского собрания за 1908 г. Буй, 1909. С. 512; Сборник постановлений Буйского уездного земского собрания чрезвычайных созывов 22 февраля, 21 марта, 1 августа и очередной сессии 3–13 ноября 1914 г. и доклады управы собраниям этих созывов. Макарьев на Унже, 1915. С. 129.

[25] Там же, ф. 438, оп. I, д. 1236, л. 31.

[26] Там же, ф. 438, оп. I, д. 1238. л. 108 – 118.

[27] Там же, ф. 438, оп. I, д. 1672, л. 3.

[28] Там же, ф. 438, оп. I, д. 1672, л. 6.

[29] Там же, ф. 438, оп. I, д. 1672, л. 18.

П. П. Резепин

РЕКТОРЫ КОСТРОМСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ (1747-1918)

1747–1760

АНАСТАСИЙ (Белопольский)

(? – ок. 29.04.1760)

Ректор КДС (01.10.1747–29.04.1760) и игумен Богородицкого Игрицкого (1747), Спасо-Запрудненского (1750), Железноборовского (09.11.1753), Богородицкого Игрицкого (10.10.1754), Макариева-Унженского (10.08.1758) и Спасо-Запрудненского (1760) монастырей, в последнем из которых и похоронен.

При нем был укомплектован штат, учреждена библиотека (1753) и открыты классы риторики, поэзии и грамматики (1754) КДС, открытой в Ипатьевском (1747), затем находившейся в Симеоновском (1754–1760) и Спасо-Запрудненском (1760–1797) монастырях.

Лит.: Андроников Н. О. Исторические записки о Костромской духовной семинарии и Костромской губернской гимназии. Кострома, 1874. С. 3, 6, 8, 11, 49; *Афанасий (Дроздов).* Исторические известия о костромском второклассном Богоявленском монастыре с XV по XIX век. СПб., 1837. С. 53; *Воскресенский А. А.* Преподобный Иаков игумен, Железноборовский чудотворец, и основанный им Иоанно-Предтеченский Железноборовский монастырь Костромской епархии. Кострома. 1913. С. 92; *Румянцев П. М.* Описание Железноборовского монастыря, Костромской губернии, Буйского уезда. Кострома. 1873. С. 36; *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 857, 862, 872; *Сырцов И. Я.* 150-летие Костромской духовной семинарии. Кострома, 1897. С. 45; *Титов А. А.* Упраздненные монас-

© П. П. Резепин, 2007

тыри Костромской епархии. М. 1909. С. 14–15; *Херсонский И. К.* Летопись Макариева Унженского монастыря, Костромской епархии. Кострома, 1892. Вып. 2. С. 115–125.

1760–1771
СОФРОНИЙ
(Тернолетов)
(? – 27.05.1771)

Иеромонах Киево-Печерской лавры (? – 1756). Архимандрит костромского Богоявленского монастыря (1756-27.05.1771) и ректор КДС (29.04.1760-27.05.1771). Похоронен в Богоявленском монастыре.

Заведовал строительством зданий КДС в Спасо-Запрудненском монастыре (1760). При нем была введена должность префекта (1761), открылись классы философии (1765) и богословия (1767) и началось изучение греческого и еврейского языков.

Лит.: *Андроников Н. О.* Указ. соч. С. 15, 22, 49; *Афанасий (Дроздов).* Указ. соч. С. 29, 53; *Баженов И. В.* Костромской Богоявленско-Анастасиинский монастырь. Исторический очерк. Кострома. 1895. С.44; *Сырцов И. Я.* Указ. соч. С. 45; *Строев П. М.* Указ. соч. Стб. 855.

1771–1774
Семчевский Яков
(? – ?)

Был приглашен в КДС из Ростовской духовной семинарии костромским епископом Дамаскиным (Аскаронским) и служил учителем философии и богословия, а также с 1764 г. до кончины Софрония (Тернолетова) – префектом КДС, после чего префектом был назначен И. И. Красовский. Имя ректора не сохранилось, но вероятней всего им стал Семчевский, а не епископ Симон (Лагов), как полагали Н. - О. Андроников и И. Я. Сырцов.

Лит.: *Андроников Н. О.* Указ. соч. С.16, 49, 50; *Сырцов И. Я.* Указ. соч. С. 17, 46.

1774–1780
ТИМОФЕЙ
(? – 1780)

Игумен галичского Паисиева (1771–1772) и Спасо-Геннадиева (1772–1780) монастырей Костромской епархии и ректор КДС (28.08.1774–1780). Похоронен в Спасо-Геннадиевом монастыре.

При нем было учреждено семинарское правление (28.08.1774) и при КДС открыта воскресная школа.

Лит.: *Андроников Н. О.* Указ. соч. С. 24, 26, 49; *Строев П. М.* Указ. соч. Стб. 352, 863; *Сырцов И. Я.* Указ. соч. С. 45.

1780–1797
ПАРФЕНИЙ
(Нарольский Климент Васильевич)
(ок. 1737 – 14.11.1813)

Сын священника села Савры Рязанской епархии. Выпускник Рязанской духовной семинарии (1758) и московской Славяно-греко-латинской академии (1762) и постриженник последней (1762). Учитель философии (1762) и богословия (1766), ректор (1772–1780) Рязанской духовной семинарии, архимандрит рязанского Солотчинского монастыря (1772–1780). Ректор КДС (1780–1797) и архимандрит Богоявленского монастыря (1780–1809), а также строитель Авраамиева Городецкого (1792–1800) и Тихонова Луховского (1802) монастырей Костромской епархии.

При нем выпускники КДС стали направляться в высшие учебные заведения (1786). Личную библиотеку завещал библиотеке Костромского Успенского кафедрального собора. Похоронен на Спасо-Запрудненском кладбище.

Соч.: Богоявленский монастырь // Амвросий (Орнатский). История Российской иерархии. М. 1811. Т. 3. С. 399–402.

Лит.: Русский биографический словарь. СПб., 1902. Т. 13. С. 328; Русский

провинциальный некрополь. М., 1914. Т. 1. С. 664; *Андроников Н. О.* Указ. соч. С. 49; *Афанасий (Дроздов).* Указ. соч. С. 33–34, 53; *Баженов И. В.* Указ. соч. С. 44; *Прилуцкий Д. Ф.* Историческое описание Городецкого Авраамиева монастыря в Костромской губернии. С видом монастыря. Составлено Прилуцким, в пользу монастыря в 1860 г. СПб., 1861. С. 28; *Строев П. М.* Указ. соч. Стб. 422, 855, 875; *Сырцов И. Я.* Указ. соч. С. 45; *Титов А. А.* Материалы для биобиблиографического словаря. Словарь писателей духовного и светского чина Костромской губернии (по рукописи костромского ученого протоиерея М. Я. Диева «Ученые делатели Костромского Вертограда»). М., 1892. С. 30–31.

Арх.: РО РГБ. Ф. 138 (Собр. КОУНБ). № 125-157.

1797–1800
ЕВГЕНИЙ
(Варгасов)
(?-1808)

Игумен (1794–1796) и архимандрит (1797–1800) галичского Паисиева монастыря Костромской епархии и ректор КДС (1797–1800). Ректор Вологодской духовной семинарии и архимандрит устюжского Архангельского монастыря Вологодской епархии (1801), ректор Тверской духовной семинарии и архимандрит тверского Отроча монастыря (1802) и ректор Казанской духовной семинарии и архимандрит свияжского Богородицкого монастыря Казанской епархии (1804), в котором и был похоронен.

При нем на время строительства новых зданий на Запрудне КДС находилась в Ипатьевском монастыре (1797–1802).

Лит.: *Андроников Н. О.* Указ. соч. С. 30, 49; Афанасий (Дроздов). Указ. соч. С. 54; *Строев П. М.* Указ. соч. Стб. 293, 453, 741, 863; *Сырцов И. Я.* Указ. соч. С. 45.

1801–1802
АНАТОЛИЙ
(Ставицкий Августин)
(ок. 1748–28.02.1828)

Уроженец Черниговской епархии. Выпускник Черниговского духовного и Уманского базилианского училищ и Киевской духовной академии. Учитель Пресбургской гимназии (Австро-Венгрия). Постриженник Киево-Печерской лавры (1782). Префект Киевской духовной академии (1782) и Смоленской духовной семинарии (1786). Профессор богословия (1789) и префект (1793) Киевской духовной академии. Главный полковой священник российских войск в Царстве Польском (1793). Начальник Киево-Печерской лаврской типографии (1795). Соборный иеромонах Киево-Печерской лавры (1798). Присутствующий Киевской дикастерии (1800). Ректор КДС и архимандрит галичского Паисиева монастыря Костромской епархии (1801). Ректор Ярославской духовной семинарии (1802) и архимандрит ростовских Борисоглебского (1802) и Богоявленского (1810) монастырей Ярославской епархии. Ректор Новгородской духовной семинарии и архимандрит новгородского Юрьева монастыря (06.02.1820). Уволен на покой в новгородский Хутынский монастырь (21.08.1822), затем в Новоиерусалимский Воскресенский монастырь Московской епархии (17.12.1824), в котором и похоронен.

Лит.: Большая энциклопедия. СПб., Б.г. Т. 1. С. 571; Русский биографический словарь. СПб. 1900. Т. 2. С. 107–108; Русский провинциальный некрополь. М., 1914. Т. 1. С. 29; *Андроников Н. О.* Указ. соч. С. 49; *Афанасий (Дроздов).* Указ. соч. С. 53; *Головщиков К. Д.* Деятели Ярославского края. Ярославль. 1898. Вып. 1. С. 116–117; *Строев П. М.* Указ. соч. Стб. 48, 340, 343, 863; *Сырцов И. Я.* Указ. соч. С. 45.

1802–1820
АВГУСТ
(ок. 1770 – ок. 28.09.1820)

Сын дьячка Ярославской епархии. Выпускник Ярославской духовной семинарии (1791) и Санкт-Петербургской духовной академии (1795). Учитель Ярославской духовной семинарии (1795). Ректор КДС (1802–1820) и архимандрит галичского Паисиева (1802–1809) и костромского Богоявленского (1809–1820) монастырей, в последнем из которых и похоронен.

При нем в КДС, возвратившейся на Запрудню (22.04.1802), а после пожара там переместившейся в Богоявленский монастырь (декабрь 1813), были введены должность инспектора (22.04.1802), курс медицины (09.01.1803–18.07.1808) и французского языка (01.01.1811) и публичные испытания в низших классах (1811), а также проведена реформа (1814), в результате которой из низших классов было образовано Костромское духовное училище, преподаватели богословия получили звания профессоров и т. д.

Лит.: *Андроников Н. О.* Указ. соч. С. 49; *Афанасий (Дроздов)*. Указ. соч. С. 34–35, 53; *Баженов И. В.* Указ. соч. С. 44; *Строев П. М.* Указ. соч. Стб. 855, 863; *Сырцов И. Я.* Указ. соч. С. 45.

1820–1821
ЕВТИХИАН
(Лестев Елпидифор Григорьевич)
(ок. 1787–1837)

Уроженец с. Городец Нижегородской епархии. Сын священника. Выпускник Нижегородской духовной семинарии (1808) и Санкт-Петербургской духовной академии (1814). Магистр богословия (1814). Инспектор и профессор богословия КДС (13.08.1814). Постриженник костромского Богоявленского монастыря (28.06.1819). Ректор КДС и игумен Богоявленского монастыря (28.09.1820). Ректор Вологодской духовной семинарии и архимандрит вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря (02.01.1821), ректор Воронежской духовной семинарии и архимандрит пинского Богоявленского монастыря Воронежской епархии (1833). Уволен на покой в рязанский Солотчинский монастырь (1836), где и похоронен.

Лит.: *Андроников Н. О.* Указ. соч. С. 49; *Венгеров С. А.* Источники словаря русских писателей. СПб., 1910. Т. 2. С. 345; *Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала образованности до наших дней). 2-е изд., совершенно перераб., илл. Предварительный список русских писателей и ученых и первые о них справки. Пг., 1915. Т. 1. С. 268; *Родосский А. С.* Биографический словарь студентов первых XXVIII курсов Санкт-Петербургской духовной академии, 1814–1869. СПб., 1907. С. 148; *Савваитов П. И., Суворов Н. И.* Описание Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря. 3-е. изд. Вологда, 1902. С. 49; *Строев П. М.* Указ. соч. Стб. 423, 739; *Сырцов И. Я.* Указ. соч. С. 45, 46, 47; *Титов А. А.* Материалы...С. 21–22.

1821–1824
МАКАРИЙ
(Глухарев Михаил Иаковлевич)
(30.10.1792–18.05.1847)

Уроженец г. Вязьмы Смоленской губернии. Сын священника Введенского собора. Выпускник Вяземского духовного училища (1807), Смоленской духовной семинарии (1813) и Санкт-Петербургской духовной академии (1817). Магистр богословия (1817). Учитель церковной истории Екатеринославской духовной семинарии (1817). Постриженник самарского Николаевского монастыря Екатеринославской епархии (18.06.1818). Инспектор Екатеринославской духовной семинарии и ректор Екатеринославского духовного училища

(1818). Ректор КДС и архимандрит Богоявленского монастыря (27.02.1821). Иеромонах Киево-Печерской лавры (1824) и Глинской Оптиной пустыни Курской епархии (1825). Начальник Алтайской духовной миссии в Бийске (1830). Настоятель Болховской Троицкой Оптиной пустыни Орловской епархии (1843), где и похоронен в Троицком соборе.

Строитель Смоленской часовенной церкви костромского Богоявленского монастыря (1824). Составитель словаря и грамматики алтайского языка. Корреспондент «Христианского чтения».

Соч.: Лепта (стих). М., 1846; Собрание писем. М., 1851; Несколько Слов. М., 1854; Письма покойного миссионера архимандрита Макария, бывшего начальника Алтайской духовной миссии. М., 1863; Песнь песней. Экклезиаст и Притчи. М., 1863; Пророческие книги в русском переводе архимандрита Макария, бывшего начальника Алтайской духовной миссии. М., 1863; Учительные книги Ветхого Завета / пер. с евр. архимандрита Макария. М. 1863; Рассказ Макария Глухарева о переезде его из Екатеринослава в Кострому, 1822 / пред. К. В. Харламповича // Русский архив. 1904. № 1. С. 51–53.

Лит.: Большая советская энциклопедия. М., 1974. Т. 15. С. 229; Большая энциклопедия. СПб., Б.г. Т. 12. С. 504-505; Новый энциклопедический словарь. СПб., Б.г. Т. 25. Стб. 414–415; Русские писатели, 1800–1917: биогр. сл. М., 1989. Т. 1. С. 584; Русский энциклопедический словарь. СПб., 1874. Отд. 3. Т. 1. С. 618; Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 8. Стб. 919; Энциклопедический словарь. Спб., 1896. Т. 18. С. 398–399; СПб., Т. 2, доп. С. 122; Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. М., 1989. С. 75–76; *Андроников Н. О.* Указ. соч. С. 49; Афанасий, архимандрит. Указ. соч. С. 36–37; *Баженов И. В.* Указ. соч. С. 44; Венгеров С.А. КБС. 2-е изд.. Т. 2. С. 69; *Геннади Г. Н.* Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и список русских книг с 1725 по 1825 год. Берлин-М. 1877. Т. 2. С. 277; *Макаревский М.* Жизнеописание архимандрита Макария (Михаила Глухарева), основателя Алтайской миссии. СПб., 1892; *Птохов П. В.* Архимандрит Макарий (Глухарев), основатель Алтайской миссии. М., 1899; *Родосский А. С.* Указ. соч. С. 255–258; *Серков А. И.* Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь М. 2001. С. 244; *Строев П. М.* Указ. соч. Стб. 855; Сырцов И. Я. Указ. соч. С. 45; *Титов А.А.* Материалы...С. 28; *Филимонов Д. Д.* Материалы для биографии основателя Алтайской миссии архимандрита Макария. М., 1888; *Харлампович К. В.* Архимандрит Макарий Глухарев (Биографический очерк). Казань, 1905; *Чистович И.* История Санкт-Петербургской духовной академии. Спб., 1857. С. 379; *Ястребов И. И.* Архимандрит Макарий, основатель Алтайской духовной миссии. Краткие сведения о его жизни и деятельности. СПб., 1892; *Ястребов И. И.* Краткие сведения о жизни и деятельности архимандрита Макария, основателя Алтайской духовной миссии: По случаю столетней годовщины со дня его рождения (8 ноября 1792 года). Бийск., 1893.

1824–1829
ЕВГЕНИЙ
(Бажанов Александр Филиппович)
(1784–06.07.1862)

Уроженец с. Заглухина Тульской губернии. Сын причетника. Выпускник Тульской духовной семинарии (1808) и московской Славяно-Греко-Латинской академии (1811). Учитель латинского и немецкого языков Тульской (с

16.09.1811) и Казанской (с 01.09.1818) духовных семинарий. Постриженник (16.02.1819) и игумен (06.04.1819) Седмиезерской пустыни Казанской епархии. Ректор Симбирской духовной семинарии и настоятель симбирского Покровского монастыря (20.07.1819), ректор Тобольской духовной семинарии и настоятель тобольского Знаменского монастыря (14.08.1819), ректор КДС и архимандрит костромского Богоявленского монастыря (15.09.1824). Разделил риторический класс на два отделения (1824).

Епископ Тамбовский и Шацкий (20.04.1829), Минский и Гродненский (05.03.1832). Архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии и член Святейшего синода (01.09.1834). Архиепископ Астраханский и Кавказский (12.11.1844), Псковский и Изборский (15.04.1856). Кавалер орденов Святого Александра Невского (21.04.1835), Святого Владимира и Святой Анны I-II степеней. Корреспондент «Христианского чтения». Похоронен в псковском Троицком кафедральном соборе.

Соч.: Слово в Неделю православия, говоренное в Казанском соборе находящимся на чреде священнослужения костромского Богоявленского второклассного монастыря архимандритом, Костромской семинарии ректором и первого кадетского корпуса законоучителем Евгением февраля 12 дня, 1828 года. СПб., 1828; Слово на день святого Архистратига Михаила и прочих безплотных сил и на торжественный день тезоименитства Его Императорского Величества Благоверного Государя и Великого Князя Михаила Павловича, говоренное в Адмиралтейской церкви ноября 8 дня 1828 года находящимся на чреде священнослужения костромского Богоявленского второклассного монастыря архимандритом, Костромской семинарии ректором и I кадетского корпуса законоучителем Евгением. СПб., 1829; Письма епископа Минского Евгения (1833) // Старина и новизна. 1905. Кн. 9. С. 245–247.

Лит.: Православная богословская энциклопедия. СПб., 1903. Т. 2. Стб. 108; СПб., 1903. Т. 4. Стб. 727–728; Русский провинциальный некрополь. М., 1914. Т. 1. С. 273; Энциклопедический словарь. СПб., 1890. Т. 2. С. 365; Календарь для духовенства на 1878 год. СПб., 1878. С. 7, 17, 29, 46, 55; Памятная книжка Псковской губернии на 1862 год. Псков, 1862. С. 87; Списки архиереев иерархии Всероссийской и архиерейских кафедр со времени учреждения Святейшего Правительствующего Синода (1721–1895). СПб., 1896, № 266. С. 28–29.; *Андроников Н. О.* Указ. соч. С. 49; Афанасий, архимандрит. Указ. соч. С. 37–38, 53; *Баженов И. В.* Указ. соч. С. 44; *Благовещенский А. А.* История Казанской духовной семинарии с восемью низшими училищами за XVIII–XIX столетия. Казань, 1881. С. 323; *Венгеров С. А.* Источники словаря русских писателей. СПб., 1910. Т. 2. С. 336; *Венгеров С. А.* КБС. 2-е. изд. Т. 1. С. 226; *Геннади Г. Н.* Указ. соч. Берлин-М. 1876. Т. 1. С. 330; *Смирнов С. К.* История Московской Славяно-Греко-Латинской Академии. М., 1855. С. 390–391; *Строев П. М.* Указ. соч. Стб. 312, 321, 382, 855, 892, 987; Сырцов И.Я. Указ. соч. С. 45; *Титов А. А.* Материалы... С. 21; *Толстой Ю.* Список архиереев и архиерейских кафедр иерархии Всероссийской со времени учреждения Святейшего Правительствующего Синода (1721-1871). СПб., 1872. С. 34. № 266; Некролог // Духовная беседа. 1862. Т. 16. № 32; Подольские епархиальные ведомости. 1862. № 18; Странник. 1862. Т. 3. № 9; Тамбовские епархиальные ведомости. 1863. № 4.

1829–1837
АФАНАСИЙ
(Дроздов Александр Васильевич)
(1800–07.12.1876)

Уроженец с. Умриненки Белевского уезда Тульской губернии. Сын священника Василия Авраамова. Выпускник Тульской духовной семинарии (1820) и Московской духовной академии (1824). Магистр богословия (20.10.1824). Постриженник Троице-Сергиевой лавры (16.12.1823). Бакалавр по классу чтения Св. Писания (21.11.1824) и преподаватель английского языка (1827) Московской духовной академии. Ректор Пензенской духовной семинарии и архимандрит слободского Крестовоздвиженского монастыря (23.08.1828), ректор Костромской духовной семинарии и архимандрит костромского Богоявленского монастыря (17.07.1829), ректор Рязанской духовной семинарии и архимандрит рязанского Спасского монастыря (01.12.1837), ректор Херсонской духовной семинарии и архимандрит одесского Успенского монастыря (04.04.1840), ректор Санкт-Петербургской духовной академии и архимандрит ярославского Толгского (14.04.1841) и ростовского Богоявленского (24.04.1841) монастырей. Епископ Винницкий, викарий Подольский (15.08.1842). Епископ Саратовский и Царицынский (13.01.1847). Епископ (15.04.1856) и архиепископ (23.03.1858) Астраханский и Енотаевский. Кавалер орденов Святой Анны I–II и Святого Владимира III степеней. Член-корреспондент статистического отделения совета Министерства внутренних дел (01.12.1832) и действительный член Императорского Одесского общества истории и древностей (24.10.1839). Был уволен на покой в Болдинский Покровский монастырь Астраханской епархии (06.04.1870). Погребен в астраханском Успенском кафедральном соборе. Свою нумизматическую коллекцию пожертвовал Московской духовной академии, а библиотеку, гербарий и минералогический кабинет завещал Казанской духовной академии и Астраханской духовной семинарии.

Соч.: Исторические известия о Костромском второклассном Богоявленском монастыре с XV по XIX век. СПб., 1837; То же. изд. 2-е. М., 1887; Слово, приготовительное к покаянию и причащению пречистых Тайн Христовых, говоренное в Пяток первой недели Великой Пасхи Костромского Богоявленского монастыря настоятелем архимандритом Афанасием, ректором Костромской духовной семинарии. М., 1833.

Лит.: Православная богословская энциклопедия. СПб., 1903. Т. 2. Стб. 108; Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С 712–713; Русский биографический словарь. СПб., 1900. Т. 2. С. 170; Энциклопедический словарь. СПб., 1890. Т. 2. С. 365; СПб. 1905. Т. 1, доп. С. 188; Календарь для духовенства на 1878 год. СПб., 1878. С. 7, 42, 52; Списки архиереев иерархии Всероссийской и архиерейских кафедр со времени учреждения Святейшего Правительствующего Синода (1721–1895). СПб., 1896. № 308. С. 36.; Списки студентов, окончивших полный курс Императорской Московской духовной академии за первое столетие ея существования. 1814–1914. Сергиев Посад, 1914. С. 10; *Агнцев Д.* История Рязанской духовной семинарии. Рязань, 1889. С. 173; *Андроников Н. О.* Указ. соч. С. 49; *Баженов И. В.* Указ. соч. С. 44; *Венгеров С. А.* Источники словаря русских писателей. Спб., 1900. Т. 1. С. 131; *Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). СПб., 1899. Т. 1. С. 853–854; *Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала образованности до

наших дней). 2-е изд., совершенно перераб., илл. Предварительный список русских писателей и ученых и первые о них справки. Пг., 1915. Т. 1. С. 36; *Венгеров С. А.* Русские книги. СПб., 1897. Вып. X. С. 468; *Головщиков К. Д.* Указ. соч. Ярославль, 1899. Вып. 2. С. 234–235; Макарий, архимандрит. Сборник церковно-исторических и статистических сведений о Рязанской епархии. М., 1863. С. 237–238; Родосский А.С. Указ. соч. С. XVI; *Смирнов С. К.* История Московской духовной академии до ея преобразования (1814–1870). М. 1879. С. 31–32, 71, 81, 237, 308, 386, 408, 420–421, 534; Строев П.М. Указ. соч. Стб. 312, 341, 420, 491, 550, 855, 1023; *Сырцов И. Я.* Указ. соч. С. 45; Титов А. А. Материалы... С. 9–10; *Толстой Ю.* Указ. соч. С. 39. № 308; *Чистович И.* Указ. соч. С. 335, 343; Некролог // Астраханские епархиальные ведомости, 1876, № 51–52.

Арх.: ГАКО, ф. 432, оп. 1, д. 417, л. 22–25.

1837–1839
ПЛАТОН
(Городецкий Николай Иванович)
(02.05.1803–01.01.1891)

Уроженец посада Погорелое Городище Зубцовского уезда Тверской губернии. Сын священника Шалюхина Иоанна Андреевича. Выпускник Ржевского духовного училища (1817), Тверской духовной семинарии (1823) и Санкт-Петербургской духовной академии (1827). Магистр богословия (1823). Учитель физико-математических наук и греческого языка (07.09.1827) и ревизор (30.04.1829) Орловской духовной семинарии. Бакалавр греческого языка (29.09.1829), профессор нравственного богословия (17.05.1830) и инспектор (05.10.1831) Санкт-Петербургской духовной академии. Постриженник (17.05.1830) и архимандрит (06.11.1831) Александро-Невской лавры. Член Санкт-Петербургского комитета цензуры (01.01.1832). Ректор КДС и архимандрит Богоявленского монастыря (20.12.1837). Ректор Виленской духовной семинарии и архимандрит виленского Свято-Духова монастыря (28.04.1839). Епископ Ковенский, викарий Виленский (03.07.1843), епископ Рижский, викарий Псковский (06.11.1848). Епископ Псковский и Порховской (27.07.1829). Архиепископ Рижский и Митавский (11.03.1850), Донской и Новочеркасский (09.03.1867), Херсонский и Таврический (25.04.1877). Митрополит Киевский и Галицкий (04.02.1882). Член Святейшего синода (04.02.1882). Кавалер орденов Святого Андрея Первозванного (1890), Святого Александра Невского (1860), Святого Владимира и Святой Анны I–II степеней, болгарского ордена Святого Александра I степени, сербского ордена Святого Иакова I степени, черногорского ордена князя Даниила I степени и др. Почетный член Императорской Академии наук (1889), Императорского Новороссийского и Императорского Киевского университетов, Санкт-Петербургской, Казанской и Киевской духовных академий и др. Учредитель именной стипендии в КДС (10.02.1854). Корреспондент «Странника», «Христианского чтения», «Цветника», «Церковного вестника» и провинциальных периодических изданий. Похоронен в киевском Софийском кафедральном соборе.

Соч.: Беседа на новый год и о бесплодной смоковнице. Киев, 1882; Слова и речи, сказанные во время управления Херсонской епархией. Одесса, 1880; Три слова о ходатайстве святых. Киев, 1883; Пастырское вразумление посылающим безымянные письма. Киев, 1885; Пастырское послание к глаголемым старообрядцам. Киев, 1888; Беседа о крушении царского поезда 17 октября 1888 года. Киев, 1890; Избранные слова и бе-

кий. Кавалер орденов Святого Владимира и Святой Анны I–II степеней и др. Учредитель именной стипендии в КДС (1848). Основатель Архангельского епархиального женского училища (02.10.1863). Дядя философа Н.Н. Страхова (1828-1896), учившегося в КДС (1840–1844). Корреспондент «Странника». Похоронен в Троицкой церкви черниговского Троицкого Ильинского монастыря.

Соч.: Руководство по управлению и ходу духовного для девиц училища в г. - Архангельске. Архангельск, 1864.

Лит.: Поморская энциклопедия в 5 т. Архангельск, 2001. Т. 1. С. 258; Православная богословская энциклопедия. СПб, 1900. Т. 1. Стб., 1092–1093; Календарь для духовенства на 1878 год. СПб., 1878. С. 5, 38, 45, 51, 64; Списки архиереев... С. 38. № 317; *Андроников Н. О.* Указ. соч. С. 49; *Баженов И. В.* Указ. соч. С. 44; *Венгеров С. А.* КБС. 2-е. изд. Т. 2. С. 152; *Геннади Г. Н.* Указ. соч. Берлин-М. 1908. Т. 3. С. 20; Архангельские иерархи с 1854 по 1871 год. Архангельск. 1899. С. 28–42; Строев П.М. Указ. соч. Стб. 41, 267, 512, 551, 815, 855-856, 927; *Сырцов И. Я.* Указ. соч. С.45.

Арх.: ГАКО, ф. 432, оп. 1, д. 905, л. 1–5; д. 928, л. 1–5; д. 1110, л. 1–5; д. 1699, л. 1–3.

1845–1852
АГАФАНГЕЛ
(Соловьев Алексей Федорович)
(08.02.1812–08.03.1876)

Уроженец с. Ильинское Шуйского уезда Владимирской губернии. Сын священника. Выпускник Владимирской духовной семинарии (1832) и Московской духовной академии (1836). Постриженник Троице-Сергиевой лавры (02.06.1835). Магистр богословия (01.10.1836). Бакалавр по кафедре истолкования Св. Писания (20.08.1836), библиотекарь (08.10.1836), член Конференции (03.12.1839), инспектор и профессор нравственного богословия (28.02.1842) Московской духовной академии. Ректор Харьковской духовной семинарии (28.09.1842) и архимандрит харьковского Куряжского монастыря (22.10.1842). Ректор КДС и архимандрит Богоявленского (17.11.1845) и Богородицкого-Игрицкого (17.02.1849) монастырей. Член Костромской духовной консистории (15.12.1845). При нем после пожара (06.09.1847) КДС была переведена из Богоявленского монастыря в соборный дом и в ней было введено преподавание геодезии, пасхалии и начертательной архитектуры (1851).

Ректор Казанской духовной академии и архимандрит свияжского Богородицкого монастыря (20.01.1854). Епископ Ревельский, викарий Санкт-Петербургский (30.03.1857), епископ Вятский и Слободской (06.02.1860) и епископ (17.06.1866) и архиепископ (31.03.1868) Волынский и Житомирский. Кавалер орденов Святой Анны I–II и Святого Владимира II–III степеней и др. Основатель «Православного собеседника» в Казани (1855) и «Волынских епархиальных ведомостей» (1867). Корреспондент «Странника». Похоронен в житомирском Спасо-Преображенском кафедральном соборе.

Соч.: Историческое рассуждение о постах православной, восточной католической церкви. М., 1837; Слова архимандрита Агафангела, ректора Костромской духовной семинарии. М., 1848; Краткие беседы пред Великим постом и во время поста архимандрита Агафангела, ректора Костромской духовной семинарии в костромском Богоявленском монастыре в 1848 году. М. 1849; Слово, приготовительное к покаянию, говоренное костромского Богоявленского монастыря настоятелем архимандритом Агафангелом, ректором Костромской духовной семинарии. М., 1853; Объяснение на послание

Св. ап. Павла к Галатам. СПб. 1854; Книга Правил: пер. с греч. СПб., 1859; Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова, в русском переводе, с кратким объяснением: пер. с греч. СПб., 1859; Слова Агафангела, епископа Ревельского, викария Санкт-Петербургской митрополии. СПб., 1859; Пастырское наставление церкви Вятской. Вятка. 1860; Слова Агафангела, епископа Вятского и Слободского. Вятка, 1860; Книга Иова, в русском переводе. Пер. с еврейского. Вятка, 1861; О воздержании от пьянства. Киев, 1875.

Лит.: Большая энциклопедия. СПб., 1900. Т. 1. С. 114; Новый энциклопедический словарь. СПб., 1909. Т. I. Стб. 378; Православная богословская энциклопедия. СПб., 1900. Т. I. Стб., 256–257; СПб., 1902. Т. 3. Стб. 1183; Православная энциклопедия. М. 2000. Т. 1. С. 238; Русский биографический словарь. СПб., 1896. Т. 1. С. 52–54; Календарь для духовенства на 1878 год. Спб., 1878. С. 14, 16, 51; Списки архиереев... № 344. С. 44.; Списки студентов, окончивших полный курс Императорской Московской духовной академии за первое столетие ее существования. (1814–1914). Сергиев Посад. 1914. С. 20; *Андроников Н. О.* Указ. соч. С. 49; Баженов И.В. Указ. соч. С. 44; *Венгеров С. А.* Источники словаря русских писателей. СПб., 1900. Т. 1. С. 16–17; *Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). СПб., 1899. Т. 1. С. 103–107, 911; *Венгеров С. А.* КБС. 2-е. изд. Т. 1. С. 5; *Венгеров С. А.* Русские книги. СПб., 1895. Вып. 1. С. 41; *Голубинский Е. Е.* Воспоминания // Труды Костромского научного общества. Кострома, 1923. Вып. 30. Третий исторический сборник. С. 17–18; *Знаменский П.* История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования. 1842–1870. Казань. 1891. С. 104–136; *Малицкий Н. В.* История Владимирской духовной семинарии (1750-1869). М. 1902. Вып. 3. С. 264; *Смирнов С. К.* История Московской духовной академии до ее преобразования (1814–1870). М., 1879. С. 32–33, 71, 65, 275, 383-384, 387, 400, 430, 544; Строев П. М. Указ. соч. Стб. 267–268, 801, 856, 875, 937, 969; *Сырцов И. Я.* Указ. соч. С. 46; *Титов А. А.* Материалы... С. 39; *Толстой Ю.* Указ. соч. С. 44. № 344.

Арх.: ГАКО, ф. 432, оп. 1, д. 1366, л. 23–39; д. 1668, л. 5–11.

1852–1853

Прилуцкий Дмитрий Федорович (02.02.1821–05.10.1872)

Уроженец Солигаличского уезда Костромской губернии. Сын причетника. Выпускник Солигаличского духовного училища (1834), Костромской духовной семинарии (1840) и Московской духовной академии (1844). Учитель гражданской истории (12.12.1844), инспектор (22.11.1849) и ректор (1852–1853) КДС. Магистр богословия (15.11.1845). Чиновник Департамента государственных сборов и податей Министерства финансов в Санкт-Петербурге (1853), где и похоронен на Митрофановском кладбище. Корреспондент «Духа христианина», «Москвитянина» и «Костромских губернских ведомостей».

Соч.: Историческое описание Городецкого Авраамиева монастыря в Костромской губернии. С видом монастыря. Составлено Прилуцким, в пользу монастыря в 1860 г. СПб., 1861; Христианские вечери любви. СПб., 1865.

Лит.: Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т. 3. С. 503; Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. 14. С. 798–799; Списки студентов... С. 28; *Андроников Н. О.* Указ. соч. С. 50; *Голубинский Е. Е.* Указ. соч. С. 18; *Смирнов С. К.* История Московской духовной академии...С. 241, 517; Титов А.А. Материалы...С. 36–37; Некролог // Голос. 1872. № 159.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ВЫПУСКНИКИ КОСТРОМСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

1762 г. Покровский Георгий Михайлович (1740–1800) – духовный писатель.

1765 г. Красовский Иоанн Иоаннович (1746–1811) – духовный писатель и переводчик.

1769 г. Сидоровский Иоанн Иоаннович (1748–1795) – духовный писатель и переводчик.

1771 г. Метелкин Иоанн Алексеевич (1752–1804) – богослов.

1772 г. Назанский Егор Матвеевич (1750–1799) – историк.

1776 г. Клириков Алексей Петрович (1754 – ?) – архитектор.

1782 г. Зырин Никифор Васильевич (1762–1801) – богослов.

1785 г. Арсеньев Иаков Арсеньевич (1768–1848) – историк и богослов.

1789 г. Груздев Даниил Матвеевич (1767–1840) – богослов.

1790 г. Лубкин Александр Степанович (1770–1815) – философ, писатель и переводчик.

1791 г. Платон (Агриколянский Петр Иванович) (1772–1854) – историк и миссионер.

1793 г. Красовский Иоанн Васильевич (1775–1847) – ректор Костромского духовного училища (1814–1846).

1799 г. Гавриил (Розанов Василий Фёдорович) (1781–1858) – историк, писатель и переводчик.

1803 г. Горский Василий Сергеевич (1786–1857) – ректор Костромского духовного училища (1846–1857).

1805 г. Нерехтский Николай Артемьевич (1786 – ?) – диалектолог.

1806 г. Арсеньев Константин Иванович (1789–1865) – историк и географ;

Евгенов Иван Иванович (1789 – 1830) – географ.

1807 г. Горчаков Иван Александрович (1788–1838) – доктор медицины (1825).

1809 г. Горский Андрей Андреевич (1790–1836) – инспектор Костромской губернской гимназии (1828–1836).

1810 г. Травианский Михаил Стефанович (1789–1845) – краевед.

1811 г. Анастасий (Воскресенский Афанасий Григорьевич) (1792–1855) – ректор Вифанской духовной семинарии (1828–1830);

Всеволодов Всеволод Иванович (1790–1863) – доктор медицины (1832) и хирургии (1839);

Мичурин Василий Афанасьевич (1792–1828) – доктор медицины (1825).

1813 г. Голубинский Фёдор Александрович (1797–1854) – философ;

Диев Михаил Яковлевич (1794–1866) – историк.

1814 г. Костров Симеон Васильевич (1794–1871) – краевед;

Островский Николай Фёдорович (1796–1853) – секретарь московской Гражданской палаты (1825–1841).

1816 г. Актов Платон Яковлевич (1797–1842) – библиофил;

Голубев Яков Иванович (1799–1889) – член Совета Министерства финансов (1861–1889);

Назанский Василий Иванович (1798–1877) – правовед.

Овсов Андрей Лукич (1796–1858) – ректор Пензенской духовной семинарии (1829–1831).

1818 г. Домнинский Алексей Данилович (1794–1870) – краевед;

Островский Геннадий Фёдорович (1798–1852) – директор московской Синодальной типографии.

1819 г. Арсений (Москвин Фёдор Павлович) (1797–1876) –митрополит Киевский и Галицкий (1860–1876);

Белокрылин Алексей Михайлович (1798–1852) – доктор медицины (1826).

1820 г. Сергий (Орлов Степан Фёдорович) (1798–1847) – богослов;

Смирнов Алексей Иванович (1804 – не ранее 1884) – штаб-лекарь (1829).

1821 г. Амвросий (Красовский Александр Иванович) (1801–1870) – ректор Вятской духовной семинарии (1841–1860);

Афанасий (Соколов Андрей Григорьевич) (1801–1868) – архиепископ Казанский и Симбирский (1856–1866);

Воскресенский Александр Иванович (1803(?) – 1853) – штаб-лекарь (1832).

1822 г. Яблоков Павел Иванович (1799–1856) – диалектолог.

1823 г. Беляев Иоанн Стефанович (1801–866) – краевед;

Никодим (Лебедев Николай Арсеньевич) (1802(?) – 1854) – богослов.

1824 г. Порфирий (Успенский Константин Александрович) (1804–1885) – доктор эллинской словесности (1869).

1826 г. Акатов Владимир Яковлевич (1804–1839) – краевед;

Островский Павел Фёдорович (1807–1876) – краевед.

1827 г. Антоний (Павлинский Александр Иванович) (1804–1878) – архиепископ Владимирский и Суздальский (1866–1878);

Вознесенский Дмитрий Фёдорович (1808–1852) – профессор церковной словесности Санкт-Петербургской духовной академии (1839).

1828 г. Георгиевский Григорий Михайлович (1807–1882) – фенолог;

Горский Александр Васильевич (1812–1875) – историк и духовный писатель;

Касторский Михаил Иванович (1807–1866) – доктор философии (1841).

1829 г. Весин Павел Леонтьевич (1809–1890) – богослов;

Голубков Николай Павлович (1809–1885) – инспектор Ярославской губернской гимназии (1839).

1830 г. Крылов Иоанн Яковлевич (1810–1884) – священник Морского Николаевского собора в Санкт-Петербурге (1841–1870);

Разумовский Михаил Алексеевич (1808–1859) – краевед.

1834 г. Веселовский Иван Александрович (1812(?) – 1849) – инспектор КДС (1847–1849);

Евангел (Дилигенский Евпл Васильевич) (1813–1881) – смотритель Угличского духовного училища (1862–1872);

Евгений (Сахаров-Платонов Макарий Дмитриевич) (1812–1888) – духовный писатель;

Кандидов Александр Андреевич (1814–1873) – историк.

1835 г. Вознесенский Евтихий Петрович (1814–1857) – краевед;

Воскресенский Сильвестр Адрианович (1814–1859) – переводчик.

1836 г. Андронников Николай Осипович (1816–1889) – краевед;

Макарий (Малиновский Александр Васильевич) (1816 – ?) – ректор Арзамасского духовного училища (1867);

Милованов Александр Семенович (1815–1875) – библиофил;

Флоров Андрей Васильевич (1812–1881) – богослов.

1837 г. Антоний (Николаевский Вениамин Иванович) (1818–1889) – епископ Пензенский и Саранский (1881–1889);

Горский Владимир Васильевич (1816(?) – 1847) – синолог.

1838 г. Полисадов Василий Петрович (1816–1874) – духовный писатель;

Соколов Александр Кириллович (1818–1884) – историк и переводчик;

Филумен (Благовещенский Флегонт Прокопьевич) (1818 – не позднее 1880) – краевед.

1839 г. Сперанский Петр Александрович (1818(?) – 1867) – пресвитер Большого собора Зимнего дворца в Санкт-Петербурге (1849).

1840 г. Бережковский Василий Николаевич (1820–1893) – ректор Уфимской духовной семинарии (1879–1891);

Прилуцкий Дмитрий Фёдорович (1821–1872) – краевед.

1841 г. Бронзов Ксенофонт Дмитриевич (1821–1899) – богослов и краевед.

1842 г. Григорий (Медиоланский Евлампий Петрович) (1823–1881) – епископ Пензенский и Саранский (1868–1881);

Залесский Василий Васильевич (1821(?) – 1891) – фенолог;

Ройский Василий Егорович (1821–1890) –духовный писатель.

1843 г. Шуйский Евгений Николаевич (1824–1896) – инспектор Архангельской духовной семинарии (1872–1882).

1844 г. Орнатский Пётр Васильевич (1824–1887) – духовный писатель;

Поспелов Иоанн Григорьевич (1821–1910) – историк и духовный писатель;

Самарянов Василий Алексеевич (1822–1896) – историк;

Соколов Иван Гаврилович (1823–1870) -- фенолог;

Страхов Николай Николаевич (1828–1896) – философ;

Ширский Семён Иванович (1822–1891) – духовный писатель.

1845 г. Дементьев Василий Арсентьевич (1824–1871) – писатель.

1846 г. Лавров Алексей Петрович (1825–1891) – духовный писатель;

Невский Александр Васильевич (1822–1893) – богослов;

Новлянский Михаил Сергеевич (1825–1871) – агроном;

Пернаткин Гавриил Иоаннович (1826–1889) – богослов.

1847 г. Иорданский Феоктист Иоаннович (1821–1914) – богослов и краевед.

1848 г. Альбов Иоанн Никитич (1829–1896) – духовный писатель;

Владимиров Алексей Порфирьевич (1829–1905) – историк;

Соболев Николай Антонович (1828–1912) – краевед.

1849 г. Иероним (Лаговский Иван Евгеньевич) (1832–1884) – историк и переводчик;

Сергий (Спасский Иван Александрович) (1830–1904) – историк;

Соболев Иоанн Антонович (1829–1909) – священник Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге (1897);

Соколов Дмитрий Иванович (1828–1902) – краевед.

1850 г. Бушневский Николай Тимофеевич (1830(?) – 1906) – краевед;

Зорин Павел Саввинович (1829–1880) – этнограф.

1851 г. Георгиевский Николай Григорьевич (1831–1909) – историк;

Киприан (Весновский Иван Иванович) (1833–1859) –инспектор КДС (1857–1859).

1852 г. Беляев Иларий Ефимович (1831–1903) – основатель Костромского Александровского православного братства (1879);

Реформатский Дмитрий Иоаннович (1831–1898) – краевед.

1853 г. Алякритский Павел Ксенофонтович (1830–1911) – краевед.

1854 г. Андроников Павел Иванович (1835–1888) – писатель;

Воскресенский Андрей Васильевич (1831–1907) – краевед;

Голубинский Евгений Евсигниевич (1834–1912) – историк;

Соколов Николай Кириллович (1835–1874) – правовед.

1855 г. Арсеньев Сергей Федорович (1835–1882) – ректор Архангельской духовной семинарии.

1856 г. Груздев Алексей Михайлович (1831–1907) – директор I-й Санкт-Петербургской гимназии;

Клиентов Николай Геннадиевич (1836–1902) – краевед;

Островский Павлин Александрович (1834–1890) – публицист.

1857 г. Горчаков Михаил Иванович (1838–1910) – доктор государственного права (1871) и богословия (1881).

1858 г. Калинников Николай Космич (1837 – ?) – писатель;

Левашов Аркадий Флорович (1838 – не ранее 1917) – духовный писатель;

Прозоровский Алексей Дмитриевич (1837(?) – 1910) – фенолог;

Сергий (Серафимов Александр Алексеевич) (1836–1902) – духовный писатель;

Успенский Иаков Иоаннович (1837(?) – 1903) – краевед.

1859 г. Голубков Василий Павлович (1838–1902) – историк.

1860 г. Вознесенский Иоанн Иоаннович (1838–1910) – музыковед;

Скворцов Алексей Александрович (1838–1907) – краевед.

1861 г. Петров Николай Иванович (1840–1921) – доктор богословия (1875) и филологии (1907);

Рождественский Михаил Флегонтович (1840 – не ранее 1904) – литературовед;

Херсонский Иоанн Капитонович (1843–1912) – краевед.

1862 г. Голубев Анемподист Ипполитович (1842–1910) – духовный писатель;

Котельский Геннадий Васильевич (1842(?) – 1910) – духовный писатель;

Красовский Пётр Иоаннович (1840–1920) – духовный писатель;

Румянцев Петр Михайлович (1842–1898) – краевед.

1863 г. Беляев Сергей Иванович (1842(?) – 1889) – историк.

1864 г. Альбов Михаил Павлович (1844 – не ранее 1902) – правовед;

Комаров Николай Павлович (1844(?) – не ранее 1895) – духовный писатель;

Либеров Алексей Иоаннович (1841–1895) – богослов;

Митинский Фёдор Васильевич (1842–1917) – краевед;

Нифонтов Александр Владимирович (1844–1900) – краевед;

Нифонтов Иаков Владимирович (1842–1906) – краевед;

Новлянский Леонид Иванович (1844–1904) – краевед;

Самарянов Михаил Александрович (1842(?) – 1906) – краевед;

Стафилевский Иоанн Александрович (1842–1910) – краевед.

1865 г. Гусев Гавриил Иванович (1846 – не ранее 1900) – богослов.

1866 г. Зарницын Иоанн Александрович (1845–1911) – духовный писатель;

Успенский Фёдор Иванович (1845–1928) – доктор всеобщей истории (1879);

Ястребов Михаил Петрович (1843–1919) – краевед.

1867 г. Годнев Алексей Васильевич (1850–1920) – математик;

Правдин Александр Матвеевич (1846–1907) – историк.

1868 г. Суворов Николай Семёнович (1848–1909) – правовед;

Чудецкий Павел Иванович (1844–1886) – историк;

Ширяев Павел Алексеевич (1847–1909) – доктор медицины (1881).

1869 г. Горицкий Александр Александрович (1847–1915) – духовный писатель;

Евгенов Иван Михайлович (1848–1904) – директор Нарвской мужской гимназии (1893);

Лаговский Федор Никандрович (1850–1920) – фольклорист;

Нагоров Фёдор Афанасьевич (1846 – не ранее 1905) – духовный писатель.

1870 г. Асаткин Николай Иванович (1849–1918) – директор Орловского реального училища Вятской губернии (1905–1918);

Васильков Алексей Васильевич (1850 – 1892) – духовный писатель;

Каллистов Флавиан Александрович (1849–1925) – писатель;

Невзоров Николай Кесаревич (1848–1904) – филолог;

Покровский Николай Васильевич (1848–1917) – доктор церковной археологии (1893).

1872 г. Виссарион (Ильинский Всеволод Васильевич) (1850 – не ранее 1915) – духовный писатель;

Иосаф (Каллистов Павел Дмитриевич (1852 – не ранее 1916) – епископ Новогеоргиевский, викарий Варшавский (1912);

Мухин Иоанн Эрастович (1852–1916) – публицист;

Яхонтов Павел Иванович (1852–1910) – директор I-й Виленской гимназии.

1874 г. Реформатский Павел Дмитриевич (1855–1903) доктор медицины (1899);

Ширяев Владимир Павлович (1853–1915) – краевед.

1875 г. Орфаницкий Иоанн Алексеевич (1855(?) – ?) – духовный писатель;

Покровский Фёдор Васильевич (1855–1903) – археолог;

Реформатский Николай Николаевич (1855–1930) –доктор медицины.

1876 г. Велтистов Василий Николаевич (1854 – не ранее 1898) – духовный писатель;

Левитский Никандр Матвеевич (1855(?) – не ранее 1909) – духовный писатель

1878 г. Воскресенский Алексей Андреевич (1856–1921) – историк;

Иванов Иоанн Афанасьевич (1856–1903) – духовный писатель;

Любославский Геннадий Андреевич (1860–1915) – метеоролог;

Орлов Петр Павлович (1859–1937) – магистр химии (1901);

Реформатский Сергей Николаевич (1860–1934) – доктор химии (1890).

1880 г. Городков Алексей Александрович (1860 – ?) – духовный писатель;

Филарет (Никольский Гавриил Иванович) (1858–1921) – епископ Костромской и Галичский (1918–1920).

1881 г. Изюмов Филарет Иванович (1851(?) – 1916) – краевед.

1882 г. Голубцов Александр Петрович (1860–1911) – доктор церковной истории (1907);

Городков Николай Александрович (1862 – ?) – духовный писатель;

Груздев Сергей Сергеевич (1864–1936) – доктор медицины (1890);

Никон (Софийский Николай Андреевич) (1861–1908) – экзарх Грузии (1906–1908);

Орлов Егор Геннадьевич (1860–1915) – директор народных училищ Смоленской губернии (1915);

Реформатский Александр Николаевич (1864–1937) – магистр химии (1907);

Скворцов Дмитрий Иванович (1861–1919) – историк и духовный писатель.

1883 г. Полетаев Николай Иванович (1862–1897) – историк и духовный писатель;

Уханов Владимир Павлович (1862 – ?) – писатель.

1884 г. Аполлов Александр Иванович (1864–1893) – духовный писатель;

Лаговский Николай Михайлович (1862–1933) – сурдопедагог;

Поспелов Николай Иванович (1864–1958) – директор народных училищ Тульской губернии (1914–1917).

1885 г. Городков Павел Александрович (1864 – ?) – публицист;

Груздев Виктор Сергеевич (1866–1938) – доктор медицины (1894);

Предтеченский Сергей Александрович (1864 – ?) – духовный писатель.

1886 г. Котельский Александр Геннадиевич (1865 – ?) – историк.

1887 г. Дружинин Алексей Иванович (1866 – не ранее 1912) – педагог и переводчик;

Касторский Владимир Иванович (1870–1948) – певец, солист Мариинского театра (1898–1930);

Панов Александр Васильевич (1865–1903) – библиограф;

Соболев Николай Николаевич (1866 – не ранее 1904) – физик.

1888 г. Андронников Александр Степанович (1868–1894) – духовный писатель;

Беликов Василий Иванович (1867 – не ранее 1917) – ректор Казанской духовной семинарии;

Новосельский Николай Александрович (1866–1907) – краевед;

Фостирий (Максимовский Павел Ксенофонтович) (1864–1937) – епископ Сызранский (1933).

1889 г. Дороватовский Николай Алексеевич (1868 – не ранее 1914) – ректор Ярославской духовной семинарии;

Лебедев Дмитрий Иванович (1867 – не ранее 1914) – духовный писатель;

Никодим (Кротков Николай Васильевич) (1868–1938) – епископ Костромской и Галичский (1932–1937);

Остроумов Николай Иванович (1868 – не ранее 1919) – духовный писатель;

Цвейтов Павел Игнатьевич (1869–1914) – духовный писатель.

1890 г. Весновский Виктор Александрович (1873–1934) – пермский краевед;

Груздев Фавст Сергеевич (1867–1913) – писатель;

Гусев Павел Фёдорович (1868–1949) – Заслуженный врач РСФСР (1941);

Орлов Виктор Александрович (1869 – не ранее 1919) – краевед;

Покровский Фёдор Иванович (1871–1903(?)) – диалектолог и фольклорист;

Ястребов Николай Владимирович (1869–1923) – магистр славянской филологии (1908).

1891 г. Альтовский Иоанн Павлович (1867–1938) – краевед.

1892 г. Лебедев Василий Владимирович (1871 – не ранее 1918) – музыковед;

Юницкий Павел Евлампиевич (1873 – не ранее 1929) – член II Государственной думы (1907).

1894 г. Березовский Петр Васильевич (1874 – не ранее 1919) – член III Государственной Думы;

Красовский Сергей Михайлович (1873 – не ранее 1917) – писатель;

Соболев Дмитрий Николаевич (1872–1949) – доктор геолого-минералогических наук (1934).

1895 г. Амвросий (Смирнов Алексей Стефанович) (1874–1942) – архиепископ Муромский (1934–1935);

Николай (Клементьев Николай Федорович) (1873–1937) – епископ Великоустюжский (1933).

1896 г. Василий (Преображенский Вениамин Сергеевич) (1876–1947) – епископ Вязниковский, викарий Владимирский (1926);

Мичурин Александр Григорьевич (1875 – не ранее 1917) – ветеринар;

Парийский Иван Дмитриевич (1875–1949) – краевед;

Феодор (Поздеевский Александр Васильевич) (1876–1937) – архиепископ Петроградский (1923).

1897 г. Алмазов Павел Александрович (1877 – не ранее 1919) – краевед;

Бобровский Николай Иванович (1883 – не ранее 1918) – публицист;

Виноградов Николай Николаевич (1876–1938) – краевед;

Груздев Дмитрий Александрович (1877–1940) – директор Костромского физиоинститута (1918);

Зиновий (Дроздов Николай Петрович) (1875–1941(?)) – архиепископ Тамбовский и Шацкий (1920–1923).

1900 г. Борков Иосиф Васильевич (1878 – не ранее 1916) – духовный писатель.

1901 г. Зарницын Пётр Иванович (1879–1959) – доктор медицины (1914);

Правдин Иван Фёдорович (1880–1963) – доктор биологических наук.

1903 г. Троицкий Пётр Семёнович (1883–1952) – краевед.

1904 г. Асаткин Александр Николаевич (1885–1937) – директор Института экономики АН УССР (1936);

Быков Константин Михайлович (1886–1959) – генерал-лейтенант медицинской службы (1951).

1905 г. Смирнов Леонид Иосифович (1889–1955) – нейроморфолог.

1907 г. Августин (Беляев Александр Александрович) (1886–1937) – архиепископ Калужский и Боровский (1936–1937);

Изюмов Александр Филаретович (1885–1950) – историк;

Рязановский Фёдор Алексеевич (1887–1936) – краевед.

1909 г. Иорданский Анатолий Александрович (1888–1937) – председатель исполнительного комитета Костромского губернского совета рабочих и крестьянских депутатов (1919).

1912 г. Благовещенский Иван Алексеевич (1895–1946) – генерал-майор (1941), член Русской освободительной армии (1943).

1915 г. Василевский Александр Михайлович (1895–1977) – маршал (1943) и дважды Герой Советского Союза (1944, 1945).

1916 г. Правдин Леонид Фёдорович (1897 – 199(?)) – доктор биологических наук;

Преображенский Николай Алексеевич (1896–1968) – доктор химических наук (1935).

1917 г. Волский Михаил Иванович (1900–1983) – доктор технических (1938) и биологических (1964) наук.

Н. А. Зонтиков

ОДИН ИЗ ПОСЛЕДНИХ: Н. И. СЕРЕБРЯНСКИЙ

К числу наиболее выдающихся фигур в составе преподавательской корпорации последних лет существования Костромской духовной семинарии относится видный русский церковный историк Николай Ильич Серебрянский (1872–1940).

Н. И. Серебрянский родился 1 декабря 1872 года в селе Крекшино Новоржевского уезда Псковской губернии (ныне этого селения уже давно нет) в семье священника. В 1892 году он оканчивает Псковскую духовную семинарию; в числе ее преподавателей этого времени находился и молодой иеромонах Тихон (Белавин) – будущий первый Святейший Патриарх новейшего периода истории Русской Церкви. Уже в семинарские годы у Николая Серебрянского сформировался устойчивый интерес к церковной истории. После окончания семинарии он год проучился на историко-филологическом факультете Варшавского университета, но затем перешел в Московскую духовную академию, которую закончил в 1898 году. Кандидатское сочинение Н. И. Серебрянского высоко оценил В. О. Ключевский[1].

После окончания академии Н. И. Серебрянский служил помощником инспектора в Смоленской духовной семинарии, затем перебрался в свою родную Псковскую губернию. Вначале он преподавал греческий и латинский языки в Торопецком духовном училище, а в 1903 году перешел в Псковскую духовную семинарию, где преподавал историю и обличение раскола, а позднее греческий язык[2]. Во время службы в Пскове он познакомился с архимандритом Никодимом (Кротковым; 1868–1938) – будущим Архиепископом Костромским и Галичским, который в 1905–1907 годах служил ректором Псковской семинарии.

© Н. А. Зонтиков, 2007

Время службы Н. И. Серебрянского в Пскове пришлось на годы первой русской революции. Ее потрясения не обошли стороной Псковскую семинарию. Дважды – в октябре 1905 и мае 1906 годов – учебный процесс в ней прерывался из-за забастовок семинаристов[3].

В эти годы Н. И. Серебрянский написал несколько работ по церковной истории Псковщины, в том числе и один из своих наиболее фундаментальных трудов – «Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле» (М., 1908). В этой книге Н. И. Серебрянский впервые опубликовал ряд важнейших письменных памятников монастырской истории Псковского края, в частности, относящуюся к XVI–XVII векам так называемую «Святогорскую повесть» (ее полное название – «Повесть о явлении чудотворных икон Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и приснодевы Марии во области града Пскова, на Синичьи горе, иже ныне зовома Святая гора»). Список с этой повести во время своей псковской ссылки читал А. С. Пушкин и, как полагают пушкинисты, она нашла свое отражение в драме «Борис Годунов», над которой поэт работал в Михайловском[4]. За эту монографию в 1910 году Н. И. Серебрянский был удостоен высшей награды Академии Наук за работы в области церковной истории – большой Уваровской премии[5].

В это же время Н. И. Серебрянский превратился в одного из крупных русских славяноведов, специалистов по церковной истории Чехии. Причем, обладая большим даром к языкам, чешским языком он овладел самостоятельно.

С 1909 года Н. И. Серебрянский служил справщиком (т. е. научным редактором) в Московской Синодальной типографии. В Москве его и застало начало I Мировой войны. В конце лета 1914 года Николай Ильич переехал в Кострому, получив назначение в Костромскую духовную семинарии (о причинах этого переезда из Москвы нам ничего неизвестно, возможно, они как-то связаны с начавшейся войной). Следующие два года жизни Николая Ильича неразрывно связаны с Костромой. Все это время в губернских справочниках среди преподавателей семинарии числился вначале надворный, а затем коллежский советник Н. И. Серебрянский[6] (как чин VI класса коллежский советник соответствовал полковнику).

К 1914 году духовная семинария в Костроме, находившаяся на берегу Волги, на улице Верхней Набережной, представляла из себя настоящий городок, состоящий из нескольких корпусов. Однако Мировая война быстро меняла налаженный семинарский быт. Уже в августе 1914 года нижний этаж корпуса, в котором размещалось общежитие, был отведен под лазарет на 420 коек[7]. В начале октября 1915 года у семинарии был реквизирован и ее классный корпус, занятый военными (занятия продолжались во вторую смену в старом здании Епархиального женского училища на ул. Ивановской)[8]. С первых дней войны на фронт был призван ряд преподавателей и сотрудников семинарии. Добровольцами в действующую армию ушло и около 50 семинаристов, учеников старших классов (среди них, как известно, был и будущий маршал А. М. Василевский). Однако и в таких сложнейших условиях семинария продолжала работать.

Уже в Костроме Н. И. Серебрянский завершил свою следующую монографию – «Древнерусские княжеские жития (обзор редакций и тексты)», вышедшую отдельным изданием в Москве в 1915 году. Предисловие к книге подписано: «Кострома, 1914 год». Тут же указана и должность автора – «преподаватель Костромской духовной семинарии». За этот труд, получивший высокую оценку в научной среде, в 1916 году Н. И. Сереб-

рянский был удостоен двух главных премий за работы в области церковной истории: премии митрополита Макария (Булгакова) (определение Святейшего Синода от 13–21 мая 1916 года)[9] и ещё одной Уваровской премии Академии Наук[10]. В октябре 1916 года за эту книгу по ходатайству Совета Московской духовной академии Святейший Синод утвердил преподавателя Костромской духовной семинарии, магистра богословия Н. И. Серебрянского в степени доктора церковной истории[11].

На годы I Мировой войны пришлась важная дата в истории славянства – 500-летие гибели национального героя чешского народа, церковного реформатора Яна Гуса. Н. И. Серебрянский, «большой знаток сочинений Гуса и вообще источников о гуситском движении»[12], хорошо знавший немецкий и чешский языки, выпустил к этой дате монографию «Ян Гус, его жизнь и учение» (Псков, 1915).

Н. И. Серебрянский принимал участие и в работе Костромского церковно-исторического общества. В отчете общества за 1915 год отмечалось, что он передал в библиотеку и музей общества, размещавшиеся в Ипатьевском монастыре, комплект первой русской газеты – петровских «Ведомостей» за 1708–1719 гг. и рукописное лицевое (т. е. украшенное миниатюрами) «Житие святого Нифонта» XVI века[13]. (Видимо речь идет о «Житии святителя Нифонта, епископа Новгородского» [около 1156 г.]).

В 1916 году Н. И. Серебрянскому получил приглашение перейти на службу в Московскую духовную академию. Летом того же года он покинул Кострому и переехал в Сергиев Посад, где стал профессором духовной академии по кафедре истории Русской Православной Церкви. В Сергиевом Посаде, в Троице-Сергиевой Лавре, ему и суждено было пережить самые смутные годы грянувшей вскоре революции, завершившиеся закрытием и академии и Лавры.

В это тяжелое время Н. И. Серебрянский не смог, или, скорее, не захотел покинуть Родину. Хотя как знатока чешской истории его, конечно, охотно приняли бы в самый лучший вуз Праги – столицы, возникшей на развалинах Австро-Венгерской империи Чехословацкой республики, ставшей в 20–30-е годы XX века одним из главных центров русской эмиграции.

В 1923 году Н. И. Серебрянский уехал в Ленинград, где стал членом Славянской научной комиссии при отделении Русского языка и словесности при Академии Наук, состоял сотрудником библиотеки Академии наук (напомним, что вплоть до середины 1930-х годов Академия Наук оставалась там, где и родилась – в городе на Неве). В 1920-е годы некоторые работы Н. И. Серебрянского по чешской церковной истории, печатались в Чехословакии, например, в 1929 году им были опубликованы в Праге в одном сборнике на чешском языке русские списки двух легенд о святом Вацлаве и святой Людмиле[14].

В первое послереволюционное десятилетие Академия Наук в Ленинграде оставалась чуть ли не единственным государственным учреждением, во многом еще сохранявшем остатки некоторой автономии. Однако в конце 1929 года органы ОГПУ начали так называемое «академическое дело» – масштабное гонение на старые кадры Академии Наук. По этому «делу» чекистами был арестован почти весь цвет исторической науки во главе с академиком С. Ф. Платоновым. К началу декабря 1930 года число арестованных, среди которых находились историки Ю. В. Готье, Н. П. Лихачев, Е. В. Тарле, В. И. Пичета, М. К. Любавский, М. Д. Приселков, С. В. Бахрушин и др., достигло почти сто человек. Всем им было предъявлено обвинение в создании ми-

фического «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России» и «в систематической агитации и пропаганде программно-политических установок “Всенародного союза...”», содержащих призыв к реставрации помещичье-капиталистического строя и установления монархического образа правления»[15]. Одной из жертв «академического дела» стал и Н. И. Серебрянский. 13 ноября 1929 года его уволили из Академии, а 22 декабря 1930 года он был арестован[16].

В 1931 году коллегия ОГПУ осудила Н. И. Серебрянского к 10 годам заключения в Соловецком лагере особого назначения (СЛОН)[17]. Вскоре с частью своих академических подельников он оказался в этом страшном концлагере, размещавшегося с 1923 года в стенах одной из главных святынь России – Соловецкого Спасо-Преображенского монастыря. Неизвестно, в какое место Соловецкого архипелага попал Николай Ильич, но, по-видимому, он использовался на самых тяжелых каторжных работах, вероятнее всего – на лесоповале. В результате непосильного труда у Николая Ивановича появилась паховая грыжа. В 1932 году по состоянию здоровья бывшему профессору духовной академии пребывание на Соловках было заменено на административную ссылку в бывшую Костромскую губернию, в Судиславль, районный центр тогдашней Ивановской области[18].

Известно, что в Судиславле Н. И. Серебрянский зарабатывал на жизнь преподаванием немецкого языка[19]. Вскоре ему удалось связаться со своим старым знакомым – священномучеником Никодимом (Кротковым), Архиепископом Костромским и Галичским, возглавлявшим с 1932 года нашу епархию. В мае 1934 года, по окончании ссылки, Архиепископ Никодим пригласил Н. И. Серебрянского переехать из Судиславля в Кострому[20]. По просьбе святителя благочинный церквей г. Костромы о. Павел (Острогский) нашел для него жилье в Селище. В этом бывшем пригородном селе, вошедшем к тому времени в городскую черту, Николай Ильич поселился по адресу: Селище, 15 район, д. 12, кв. 1[21] (выяснить по этому адресу, где именно он жил в Селище, не представляется возможным). В Кострому Н. И. Серебрянский приехал один. В 1938 году при аресте в его анкете было указано: «вдов»[22]. Когда умерла его жена, нам неизвестно, но можно предположить, что это произошло во время его пребывания на Соловках, и что арест Николая Ильича ускорил ее кончину.

Так, Н. И. Серебрянский вновь оказался в Костроме. Когда он в 1916 году уезжал отсюда, это был город, на который война наложила свой суровый отпечаток, но все-таки он во многом жил нормальной жизнью. Теперь же он увидел совсем другую Кострому. Большинство храмов города к этому времени уже было закрыто и в 1934–1935 годах шло их массовое разрушение. Летом 1934 года была взорвана соборная группа в бывшем Костромском кремле. На центральной площади города – бывшей Сусанинской (ныне площади Революции) – отсутствовал один из главных символов старой Костромы – памятник царю Михаилу Федоровичу и крестьянину Ивану Сусанину, снесенный еще в 1918 году. В бывшем кремле на недостроенном постаменте монумента в честь династии Романовых высилась фигура Ленина. Одним из немногих еще действовавших храмов оставалась церковь Александра и Антонины в Селище, прихожанином которой в течение нескольких последующих лет и являлся Н. И. Серебрянский.

К этому времени в Селище уже поселился целый ряд гонимых людей. С ноября 1933 года здесь жил приехавший по приглашению святителя Никодима в

Кострому из ссылки в Вязьме бывший викарий Киевской епархии священномученик Макарий (Кармазин; 1875–1937), Епископ Днепропетровский. В 1920-е годы Епископ Макарий пять раз подвергался арестам, подолгу сидел в тюрьмах, три года провел в ссылке в Томской губернии. После освобождения из сибирской ссылки Епископ Макарий поселился в Вязьме, откуда позднее и переехал в Кострому[23].

Разумеется, ОГПУ тщательно контролировало каждый шаг поселившихся в Селище «бывших». Осенью 1934 года Епископ Макарий, возможно, кем-то предупрежденный о его готовящемся аресте, предпринял попытку уехать из Селища. 30 сентября он сел на «старом» железнодорожном вокзале в Заволжье на поезд, имея при себе билет до Харькова. Уже в вагоне его арестовали сотрудники НКВД, и вскоре владыка оказался в одной из камер «Ардома» (арестного дома) НКВД на улице Свердлова в Костроме. Раскрутка дела селищенской «контрреволюционной группы» началась. В ночь на 8 октября 1934 года в своем доме был арестован протоиерей Павел Острогский. В последующие дни арестовали еще несколько человек. Уже 10 октября всех взятых в Селище «под спецконвоем» отправили в Иваново[24]. 17 марта 1935 года Особое совещание при НКВД СССР приговорило почти всю селищенскую «группу», в том числе Епископа Макария и протоиерея Павла Острогского, к ссылке в Казахстан сроком на пять лет[25]. (Находившийся в казахстанской ссылке священномученик Макарий вновь был арестован 20 ноября 1937 года и доставлен в столицу республики Алма-Ату. Уже 1 декабря 1937 года он был приговорен к расстрелу, а 3 декабря расстрелян[26]. В 2000 году Архиерейским Собором Русской Православной Церкви Епископ Днепропетровский Макарий (Кармазин) был прославлен в лике святых в Соборе новомучеников и исповедников Российских. В конце 1937 года был арестован и живший в ссылке на железнодорожной станции Чу в Алма-Атинской области протоиерей Павел Острогский. 10 декабря 1937 года «за ведение среди населения антисоветской агитации, направленной против мероприятий партии и советского правительства» Тройка УНКВД Алма-Атинской области приговорила о. Павла к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 13 декабря 1937 года[27].

На первый взгляд может вызвать удивление, что Н. И. Серебрянский проходил по делу селищенской «контрреволюционной группы» только в качестве свидетеля. Бывший профессор Московской духовной академии, к тому же сидевший в Соловецком лагере особого назначения, в глазах чекистов являлся заведомым контрреволюционером и по-этому «по праву» должен был занять одно из главных мест в составе селищенской «группы». Дело, конечно, было не в степени виновности или невиновности Н. И. Серебрянского: такие вопросы интересовали органы менее всего. По-видимому, в 1934 году его оставили на свободе из-за состояния здоровья. В 1938 году при аресте в деле Н. И. Серебрянского было помечено «инвалид»[28]. Согласно справке тюремного врача, к тому времени он имел целый «букет» тяжелых болезней (паховая грыжа, артериосклероз, сильная глухота)[29]. Все эти болезни, конечно, имели место и четырьмя годами раньше. Скорее всего, в 1934 году чекистам просто не хотелось возиться с инвалидом: у них хватало забот со здоровыми людьми.

Разгром «контрреволюционной группы», обезглавивший общину в Селище вдохновил местных воинствующих безбожников, уже давно добивавшихся закрытия Александро-Антониновской цер-

кви, на новый раунд борьбы. В октябре 1934 года, в связи с проходившей тогда кампанией по перевыборам в Советы, как никогда громко зазвучали их требования об открытии в стенах храма «рабочего клуба».

В 1935 году новым настоятелем Александро-Антониновского храма святитель Никодим назначил протоиерея Иоанна Костина (позднее в монашестве игумена Игнатия; 1890–1971), память о котором и доныне жива среди старожилов Селища. Во многом благодаря ему церковь в Селище удалось отстоять, и она осталась одним из трех храмов Костромы, избежавших закрытия. Не подлежит сомнению, что Н. И. Серебрянский близко знал о. Иоанна Костина.

Как известно, в 1937 году, в преддверии первых «всенародных» выборов в Верховный Совет СССР, назначенных на 12 декабря, Сталин начал по всей стране новую кампанию массового террора. На Русскую Православную Церковь вновь обрушились жестокие гонения. В ночь с 3 на 4 декабря 1936 года, за сутки до принятия VIII Чрезвычайным Всесоюзным съездом Советов новой так называемой «Сталинской» Конституции СССР, торжественно закреплявшей на бумаге многочисленные права советских граждан, в том числе и право на исповедание любой религии, в Костроме был арестован святитель Никодим. После двухлетнего заключения он скончался 21 августа 1938 года в ярославской тюрьме в Коровниках.

Террор 1937–1938 годов не мог миновать и Селище. На протяжении всего 1937 года инвалидность, по-видимому, «спасала» Н. И. Серебрянского от ареста, однако долго это продолжаться не могло. Час Николая Ильича пробил в конце апреля 1938 года, когда в преддверии Дня международной солидарности трудящихся 1 Мая чекисты арестовали в Костроме очередную группу церковнослужителей. Н. И. Серебрянский был арестован в Селище 27 апреля и заключен в костромскую тюрьму. В постановлении об избрании меры пресечения о Н. И. Серебрянском говорилось: «...по убеждению монархист, без определенных занятий, до ареста <...> являлся участником контрреволюционной церковно-монархической, повстанческой организации. До ареста среди окружающих систематически проводил контрреволюционную агитацию и распространял антисоветские клеветнические измышления, возводя антисоветскую клевету на политику ВКП(б) и Правительства»[30].

В тюрьме Н. И. Серебрянскому пришлось пробыть полгода. На следствии он вел себя безупречно и виновным себя не признал. Особый интерес у следователя вызывал вопрос, как часто Николай Ильич встречался со святителем Никодимом. Н. И. Серебрянский отвечал (на допросе 15 августа 1938 года): «...за время проживания в Костроме я довольно часто имел встречи и беседы с Кротковым»[31]. Все это, разумеется, трактовалось в том духе, что бывший профессор духовной академии состоял в подпольной повстанческой организации, возглавляемой правящим костромским архиереем.

Вскоре Н. И. Серебрянскому было предъявлено обвинение в принадлежности к «церковно-монархической организации, созданной в городе Костроме в 1936 году бывшим Костромским архиепископом Кротковым»[32].

26 сентября 1938 года Особое совещание при НКВД СССР «за контрреволюционную деятельность» осудило Н. И. Серебрянского к заключению в «исправтрудлагерь» сроком на пять лет[33]. Для больного 66-летнего старика этот относительно «мягкий» по тем временам приговор был равнозначен смертному. Выдающийся русский историк

скончался 23 мая 1940 года в каком-то из лагпунктов огромного «Сиблага»[34]. Умер один из последних преподавателей Костромской духовной семинарии.

Примечания

[1] *Лаптева Л. П.* Русская историография гуситского движения (40-е годы XIX века – 1917 г.). М., 1978. С. 266.

[2] Псковские епархиальные ведомости. 1906. № 18. Отд. офиц. С. 462.

[3] Псковские епархиальные ведомости. 1905. № 20. Ч. неоф. С. 393; Революционное движение в Псковской губернии в 1905–1907 гг. Псков, 1956. С. 139.

[4] *Телетова И.* Святогорская повесть и отражение ее в «Борисе Годунове» А. С. Пушкина // Святогорская повесть. СПб., 2000. С. 37–38.

[5] *Лаптева Л. П.* Указ. соч. С. 267.

[6] Справочная книжка по Костромской губернии и календарь на 1915 год. Кострома, б.г. С. 66; Справочная книжка по Костромской губернии на 1916 год. Кострома, 1916. С. 37.

[7] Открытие военного госпиталя // Костромская жизнь. 1914. 18 сент.

[8] Реквизиция здания духовной семинарии // Поволжский вестник. 1915. 13 окт.

[9] Костромские епархиальные ведомости. 1916. № 15. Отд. офиц. С. 219.

[10] *Лаптева Л. П.* Указ. соч. С. 267.

[11] Костромские епархиальные ведомости. 1916. № 22. Отд. неоф. С. 331–332.

[12] Славяноведение в дореволюционной России. М., 1982. С. 352.

[13] Костромские епархиальные ведомости. 1916. № 17. Отд. неоф. С. 373.

[14] *Лаптева Л. П.* Указ. соч. С. 268.

[15] Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб., 1993. [Вып.] I. С. VII.

[16] *Голубцов С.* Профессура МДА в сетях Гулага и ЧеКа. М., 1999. С. 71–72.

[17] Государственный архив новейшей истории Костромской области, ф. 3656, оп. 2, ед. хр. 6186, л. 11.

[18] Там же.

[19] *Голубцов С.* Указ. соч. С. 73.

[20] ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, ед. хр. 6186, л. 4.

[21] Там же, л. 2.

[22] Там же, л. 4 об.

[23] ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, ед. хр. 6179, д. 51.

[24] Там же, л. 47.

[25] Там же, л. 50–53.

[26] *Доненко Н.*, протоиерей. Наследники царства. Симферополь, 2000. С. 354.

[27] Вечная память! // Благовест. январь 1991. № 1 (11).

[28] ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, ед. хр. 6186, л. 4.

[29] Там же, л. 6.

[30] Там же, л. 7.

[31] Там же, л. 12.

[32] Там же, л. 46.

[33] Там же, л. 48.

[34] *Голубцов С.* Указ. соч. С. 79.

Протоиерей Дмитрий Сазонов

ОБРАЗ БУДИ ВЕРНЫМ: АРХИЕПИСКОП ФЕДОР (ПОЗДЕЕВСКИЙ)

Пусть наука для ума доказывает противное, и ум иногда колеблется, но душа моя и сердце не сдаются...

Из протокола допроса
В. И. Поздеевского[1]

На тыльной стороне священнического креста написаны слова апостола Павла, обращенные им к своему ученику Тимофею: «Будь образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте» (1Тим. 4, 12). Через все века пронеслись эти слова и отразились в жизни и делах тех, кто носит крест как образ спасения, как жизненный принцип, как упование в вещах невидимых (Евр. 11,1).

Говоря о 260-летнем юбилее Костромской духовной семинарии, мы не можем не вспомнить одного из ее ярких и талантливых выпускников, который засвидетельствовал эти слова своей жизнью и своею смертью. Вспомним и мы, благодарные потомки, светлый образ владыки Федора (Поздеевского), выпускника Костромской семинарии 1897 г., жизнь и смерть которого еще много лет будет раскрывать пред нами образ верного Христу словом, духом, чистотой. Образ молитвенника и аскета, мудрого учителя и исповедника, на земле и на небесах не оставляющего Отечество, Церковь, нас, чад Ее, без молитвы. Многочисленные свидетельства его подлинно духовной, церковной и исповеднической жизни подвигли участников Архиерейского собора Русской Православной Церкви за рубежом (РПЦЗ) включить имя архиепископа Федора в Список Новомучеников и Исповедников Российских (1981 г., память 10 октября). С 1998 г. и по наши дни при Московском Даниловском монастыре работает комиссия по подготовке к канонизации преосвященного Федора. Надеемся, что при восстановлении канонического общения между РПЦ и РПЦЗ 17 мая 2007 г. вопрос о повсеместном прославлении и почитании в сонме Новомучеников и Исповедников Российских епископа Федора, приобретет окончательный характер.

Чтобы лучше понять высокий образ этого пастыря, обратимся к истокам – месту рождения, воспитанию, учебе, всему тому, что способствовало становлению его как личности. Род священно и церковнослужителей Поздеевских берет свое начало из с. Поздеевского и посада Большие соли Костромской губернии (сейчас Некрасовский р-н Ярославской области). С середины XVIII и до начала XX вв. наиболее известные представители этого рода принадлежали к духовенству (пономари, диаконы, иереи, протоиереи, архиереи). Их жизнь была примером высокой нравственности, преданности Церкви, духовности, патриотизма и любви.

21 марта 1876 г. в семье настоятеля Макарьевского храма (в честь преподобного Макария Унженского) в селе Макарьевском Ветлужского уезда Нижегородской губернии протоиерея Василия Поздеевского (уроженца посада Большие Соли) родился сын, которого назвали Александром. Существует легенда, что рождение его было ознаменовано предсказанием местного блаженного Герасима, который, войдя во время служ-

© Протоиерей Дмитрий Сазонов, 2007

бы в Макарьевскую церковь, обратился к молящимся со словами: «Что вы здесь стоите? Идите на задки, к бане – там архиерей родился!»[2] Детство, проведенное в местах, прославленных трудами и молитвенными подвигами преподобного Макария, общение с простым народом повлияли на характер и выбор жизненного пути пастыря Церкви. «Чтобы понять сущность Православия, надо его изучать не по книгам и ученым трудам, а в близком общении с людьми забытыми, презираемыми миром, с юродивыми, странниками, сумасшедшими, даже с преступниками. Особенно это общение полезно пастырям. Узнав поближе отверженных миром людей, пастырь поймет, что, в сущности, эти люди гораздо ближе к Христу, чем он, потому что грешники, сознавая свое падение, любят Господа, прощающего и милующего их. Православие – религия жалости и смирения, жалеть надо грешников и сознавать свои грехи. А это чувство дается при соприкосновении с миром отверженных и убогих»[3]. Жалость и милость, простота отношений, понимание человеческих слабостей и недостатков, кондовая церковность, воспитанная в русской глубинке – вот та среда, в которой формировалась личность отрока и юноши Александра. Будучи уже в зрелом возрасте, он писал, что все «доброе, способное... умилить и расторгать... душу, идет непременно из далекого детства и связывается с впечатлениями религиозными и церковными, привязывается как-то неизбежно к молитве матери, то к лику иконы с мерцающей лампадой, то к службе церковной. Так Церковь с ее обиходом жизни влияет еще на чистую детскую душу и налагает на нее ту печать, которую не в силах стереть время»[4].

В 1896 г. Александр Васильевич окончил Костромскую Духовную Семинарию, обучаясь в которой, он почти ежедневно видел перед собой пример истинного пастыря-проповедника, богослова, признанного церковного учителя и духовного отца – епископа Виссариона (Нечаев, +1905), человека неутомимого духовного горения и мужества.

В 1900 г. Александр завершил учебу в Казанской духовной академии со степенью кандидата богословия. В том же году он принял монашеский постриг с именем Федора (в честь великомученика Федора Стратилата). Постриг совершил ректор Казанской академии епископ Антоний (Храповицкий), который вместе с схиархимандритом Гавриилом (Зыряновым), настоятелем Казанской Седмиезерной пустыни, оказали огромное влияние на духовное становление будущего архиепископа. По окончании академии о. Федор был оставлен при ней профессорским стипендиатом. В 1901 г. он направляется на преподавательскую работу в Калужскую духовную семинарию. С 1902 г. назначен инспектором Казанской духовной семинарии, в 1904 г. утвержден в степени магистра богословия за вышедший в 1902 г. труд «Аскетические воззрения преподобного Кассиана Римлянина». 1904–1906 гг. являлся ректором Тамбовской семинарии. Тогда он напрямую столкнулся с силами зла. В угаре революционных настроений семинаристы стреляли в него, и только благодаря тому, что его заслонил от пули своим телом инспектор семинарии иеромонах Симеон (Холмогоров), архимандрит Федор не пострадал. До мученической кончины о. Симеона, этого самоотверженного пастыря, последовавшей в 1934 г., владыка Федор заботился о нем и исполнял малейшие его желания[5]. Личность о. ректора хорошо раскрывает тот факт, что на суде по делу обвиняемых в бесчинствах, он простил своего обидчика и просил суд отпустить его. В 1906 г. архимандрит Федор – ректор Московской духовной семинарии, а

в 1909 г. его назначают ректором той же академии. 14 сентября 1909 г. он был хиротонисан в храме Христа Спасителя в епископа Волоколамского, викария Московской епархии. В своей речи при наречении владыка определил свое будущее призвание как «сохранение чуткости совести и сугубое сознание нищеты своей... Опознать подделки Христа и христианства, различать верно «духов»: от Бога ли они? – и составляет главную задачу современности для пастыря»[6].

В Московской духовной академии, в период его ректорства, да и после него, он пользовался большим авторитетом. Хотя наследство, оставленное ему прежним ее руководителем – епископом Евдокимом (Мещерским; впоследствии обновленец), вызывало тревогу и опасение за будущее Церкви. Своими первыми впечатлениями об обстановке и системе образования в академии он поделился с архиепископом Арсением (Стадницким). Эти впечатления были неутешительными: профессора «захвачены наукой, немецкой, тюбингенской... Такой невероятный протестантский идеализм – хуже всякого тюбингенства»[7]. «Случись с этим богословием какая напасть – оказывается, что у него даже веры нет, не только богословия... доктор богословия, а сомневался, был ли на земле Христос, не выдумка ли это, не быль ли, подобно мифологической! Какого света ждать от этой тьмы?» – писал еще о состоянии богословской науки в высших духовных школах задолго до времени ректорства владыки Федора ревнитель святоотеческого богословия святитель Игнатий (Брянчанинов)[8] Студенты во время вступления в управление академией епископа Федора штудировали труды Маркса, Энгельса, Бакунина, Берштейна. И все же, несмотря на царствующий в академии дух либерализма, в характеристике, данной новому ректору (строгому монаху, церковнику) профессорами МДА, отмечались его «высокие качества, ясность, прямота и честность характера, что особенно сроднило его с корпорацией и сделало его всеобщим любимцем»[9]. Ведя подвижническую, духовную жизнь, он вместе с тем был приветлив и доступен каждому, кто обращался к нему за помощью и советом. Был тайным благотворителем страждущих и нуждающихся. Был сострадателен к немощам других. Заботился о неимущих и сиротах. Духовно окормлял Алексеевский академический приют для беспризорных детей и сирот Сергиева Посада[10]. Его жажда познания глубин человеческого духа и времени, в котором он живет, сроднило его с многими из тех, кого затем назовут умом, честью и совестью нашей нации. Людей, обладающих подлинным интеллектом, честью и совестью, ограненными светлыми идеалами христианской веры, надежды и любви. Епископ Федор был душой общества, созданного М. А. Новоселовым, – философско-религиозного «Кружка ищущих христианского просвещения», в который входили М. А. Новоселов, В. Кожевников, А. Самарин, П. Мансуров, С. Булгаков, Дурылин. Н. А. Бердяев называл этот кружок «сердцевиной русского православия»[11]. Участники кружка были полны решимости «реализовать хомяковскую идею соборного богопознания»[12].

Свои взгляды о. ректор усиленно распространял в академической среде. В академии он читал курс пастырского богословия. Основной акцент в этом курсе им был сделан на аскетике, которую святые отцы назвали «искусством святости»[13], «учением о красоте образа Божьего в человеке»[14], наукой духовного опыта[15]. Во время, когда революционные смуты и духовный разброд бушевали по всей стране, он указывал (опытно изучая все стороны духовной жизни), что главные причины этих нестроений

скрываются в духовном падении человека. И одной из основных причин духовного падения в народе он называл недостаточное изучение святоотеческого наследия в духовных школах, призванных к воспитанию истинных пастырей – просветителей народа и детоводителей его к Христу. И как следствие этого упадка пастырского воспитания в духовных школах – утрата духовности и порядка в обществе и государстве.

Желая исправить положение в духовном образовании, архиепископ Федор принимал активное участие в его реформировании: он входил в комиссию по пересмотру Устава 1911 г. под председательством архиепископа Сергия (Старгородского). Но владыка был противником внешних реформ, справедливо считая, что «в области церковной жизни может быть и должна быть одна главная реформа: покаяние и молитва, а все остальное, тоже, конечно, полезное, пойдет из этой благодатной реформы»[16].

Знаток патристики и канонического права, богослов, аскет и подвижник благочестия, в своей педагогической деятельности он придерживался традиционно церковных взглядов на духовные школы как на школы воспитания будущих пастырей, школы, в первую очередь, научающие и утверждающие в своих воспитанниках благочестие и молитвенный подвиг, добрые нравы и основы христианской жизни. В своем письме к В. - В. Розанову он писал: «Наши, разумею и академическую среду, и вообще богословствующую, никак не понимают, что христианство нельзя сочинять... "Наши", да... и не только наши... не понимают, что "богословствование" и "богословская наука" не одно и то же: и первое – миг благодатной христианской жизни, а второе – от рассудка часто "восставшего на ум Христов"»[17]. Он был убежден, что школьный процесс должен способствовать формированию в воспитаннике духовной школы православного мировоззрения. И не случайно, что в своих лекциях и беседах с воспитанниками семинарии и академии, он часто цитировал слова апостола Павла: «Преуспевай в правде, благочестии, вере, любви, терпении, кротости. Подвизайся добрым подвигом веры, держись вечной жизни, к которой ты и призван» (1 Тим. 6, 11–12). Он полагал, что всей школьной системе образования необходимо вернуться к изучению вечных евангельских истин и воспитывать подрастающее поколение в верности православному преданию. В своей деятельности по реформированию духовных школ он настаивал на создании таких духовных школ, в основу обучения которых был бы заложен фундамент святоотеческого наследия. «Наши духовно-учебные заведения, – писал он в «Записке о реформе духовно-учебных заведений», – имеют своей задачей осуществление цели по преимуществу воспитательной и притом строго определенной: воспитание в духе религиозно-нравственном, духовная школа должна готовить для Церкви пастырей»[18].

Везде, где бы он ни был – ректором семинарии и академии, наместником монастыря и ректором богословских курсов, – везде он старался так построить педагогическую систему, при которой бы духовная школа должна была заниматься подготовкой пастырей Церкви. Пастырей, «горящих духом, молитвенников, богатых духовными дарами, готовых взять на свою совесть и в свою душу руководство и души многих чад Церкви, готовых идти... на подвиг смирения и уничижения, на подвиг скудости материальной и лишений»[19]. «Самая жизнь этих учебных заведений должна была непременно обеспечить выработку в своих питомцах того настроения, которое необходимо для пастыря-работни-

ка на благо христианской Церкви»[20]. Пастыря, наполненного не только знаниями, но и идеалами святой жизни. Только при таком воспитании, считал он, можно подготовить пастырей-учителей, которые бы могли указать путь духовного возрождения для всего русского народа к благу Отечества. Епископ Федор оказал огромное влияние на мировоззрение и последующую жизнь епископа Варнавы (Беляева), епископа Григория (Лебедева), архиепископа Варфоломея (Ремова), архиепископа Иллариона (Троицкого), протоиерея Сергия Булгакова, а также на профессора академии священника Павла Флоренского, которого, несмотря на увлечение последнего символизмом, называл «почти единственно верующим человеком во всей академии»[21].

Для восполнения духовного образования он вместе с учениками духовных школ часто посещал монастыри, совершал паломничества к «старцам», справедливо полагая, что «пастырское настроение создается не количеством богословских предметов, а всем духом школы».

Беспорядки, всколыхнувшие весь государственный строй России не обошли стороной и духовные школы. Главной причиной их, как полагают некоторые исследователи того периода, было недовольство учащихся положением, при котором лица духовного звания не могли якобы поступать в светские учебные заведения, и, наоборот, светские не могли поступать в духовные школы[22]. С этим утверждением нельзя согласиться, так как мы знаем примеры обратного: и священник Павел Флоренский (+1937), воспитанный родителями «вне всякой исторической религии», пришел в духовные школы, и будущий митрополит Николай (Ярушевич; +1961) окончил С.-Петербургскую духовную академию уже после курса физико-математического факультета университета. Многие выпускники семинарий и академий, после окончания своих профильных школ шли в науку, избирали светское поприще. Никаких препятствий им в этом не чинилось. Сам владыка Федор рассматривал вопрос обучения будущих пастырей и систему образования в будущих духовных школах вне сословных рамок и предлагал форму преподавания в ней, построенную на атмосфере церковности и строгого порядка. Критерием отбора для поступающих во внесословные духовные школы, по его мнению, должны служить преданность Богу и Церкви.

Конечно, своими постоянными призывами к духовности и возвращению к святоотеческому преданию он вызывал недовольство среди проводников обновления и изменения Церкви в угоду велениям времени. Новые реформаторы нового времени хотели выйти из церковной опеки любой ценой, создать свою автономную, выстроенную на последних достижениях науки академию. Они требовали отставки ректора, который своей духовной жизнью, своими призывами к воспитанию пастырства «тормозил прогресс» нового порядка. История вскоре все поставит на свои места. И мы увидим, что в среде недовольных церковностью ректора было много тех, кто затем ради «спасения шкуры и хлеба куса», перейдет затем в обновленческий раскол (проф. М. М. Тареев, В. Б. Титлинов и др.). Тех, кто покинет патриаршую Церковь ради идей реформации «всеобщего счастья и обновления». Итог реформ станет очевиден всем впоследствии, когда сам народ отвергнет эксперименты этих ученых от богословия. «Они вышли от нас, но не были наши», – писал апостол о подобных экспериментаторах (1 Ин. 2,19).

Владыка, будучи истинным пастырем, видел в волнениях студентов и про-

фессоров академии не только внешнюю сторону реформации, но другую – мистическую сторону творящихся беспорядков – тех бесов, которые стремились взорвать ситуацию изнутри – в среде тех, кто был призван быть пастырем словесных овец[8]. Замысел творцов нового порядка прекрасно раскрывают евангельские слова: «Поражу пастыря и рассеются овцы» (Мф. 26,31). По воспоминаниям священника Сергия Сидорова, владыка, мистически очень чуткий человек, объяснял свое изгнание из академии бесовским нападением[23].

Эти воспоминания о владыке показывают нам образ человека, живущего Православием. Образ смиренного, милостивого, светлого, чистого, но вместе с тем твердого в своих убеждениях пастыря.

1 мая 1917 г., по требованию обер-прокурора В. Н. Львова, епископ Волоколамский Федор был снят с должности ректора МДА и переведен настоятелем в Московский Даниловский монастырь. Вместе с ним туда перешли и многие образованнейшие иноки (его друзья и единомышленники), которые помогли ему возродить в стенах этой древней обители духовную жизнь и создать Высшую богословскую школу, в которой их наставник и учитель – владыка Федор – читал курс аскетики. Богословские курсы были детищем владыки Федора, детищем, благословленным святейшим патриархом Тихоном. Именно той духовной школой, к созданию которой он стремился всю свою жизнь. Школой, в которой занимались разработкой богословия «на строго церковном, святоотеческом принципе с подготовкой пастырей»[24].

В двадцатые годы, благодаря владыке, Даниловский монастырь стал Православной крепостью, где вопреки всем веяниям и потрясениям был расцвет духовности, молитвенного настроя, сохранялись традиции Православия. Многие, лишенные кафедр архиереи, твердо державшиеся своих православных взглядов и не допускавшие компромиссов с советской властью и обновленчеством, нашли приют в стенах монастыря. Тем самым, владыка Федор оказал еще раз неоценимую поддержку Церкви. Его позиция, а значит и позиция многих архиереев, находящихся в «даниловском братстве», позиция всех духом не павших – это позиция Церкви, не допускавшая никакого соглашательства и уступок, исключавшая всякий диалог с обновленцами и атеистами – врагами Бога и Церкви – позиция исповедников Христа. Несмотря на некоторые разногласия этих взглядов на курс церковной политики (некоторого компромисса) с взглядами святейшего патриарха Тихона и архиепископа Иллариона (Троицкого), святейший всегда с большим уважением относился к бескомпромиссной позиции архиепископа Федора и даниловцев, в шутку называя их «конспиративным Синодом»[25].

«Действенная, подлинная церковность – это главное и основное, что было в те годы в Данилове. Данилов монастырь стал тогда в одну чреду духовного подвига с другими подобными обителями, такими как Оптина и Зосимова пустыни, но духовного подвига особенного – просветительства, учительства церковного народа и своих собратьев – священников и епископов, защиты церкви и Православия», – такую оценку современников заслужил Данилов под духовным руководством архиепископа Федора[26]. «В Данилове началась слава владыки, слава первого праведника, охраняющего Церковь от мятежных мирских течений», – слышим мы еще одно свидетельство духовного стояния владыки, позиция которого имела огромное влияние на церковную ситуацию того времени[27].

С 1920 г. началась чреда арестов, обвинений, допросов и заключений: концлагерь, Бутырская и Таганская тюрьмы, ссылки (1922, 1925–1937). В начале 1922 г. под духовным руководством владыки Федора в Данилове началось формирование так называемого «параллельного Синода», ввиду угрозы ареста Синода патриаршего. В 1923 г. последовал указ святейшего патриарха о возведении епископа Федора (Поздеевского) в сан архиепископа, с правом ношения креста на клобуке. В том же году архиепископ Федор был арестован в Костромской губернии, в 1924 г. – последовал его арест в Даниловском монастыре по обвинению в антисоветской агитации, в декабре того же года он был вновь арестован и приговорен к высылке в Киргизский край (ссылку отбывал в г. Тургае, затем в Орске). В связи с выходом декларации митрополита Сергия 1927 г., в которой радости и горести государства становились радостями и горестями всех его граждан (гонимых, вся вина – вера), он отказался поминать Заместителя патриаршего престола за богослужением. В 1929 г. владыка был арестован во Владимире и приговорен к трем годам ИТЛ. Срок отбывал в Свирьлаге (ст. Ладейное поле, ст. Олесово). Об этом нелегком для Церкви времени, о мытарствах и гонениях, которые претерпевают истинные чада Христовы, владыка говорил: «Не потому ли праведники и святые так гонимы, что в условиях этого мира они являются просто невозможными людьми, с какими-то странными взглядами и понятиями; и сбывается слово, что “хотящие житии о Христе гоними, а гордии и преступнии преуспевают на горшее”»[28].

Надо сказать, что внешние гонения и муки не были неожиданными для истинных христиан (Ин. 15,20). Они и в повседневной жизни шли путем Христовым – путем гонений, душевных страданий, духовной борьбы. Для владыки, который всегда следовал дорогами духовной жизни, в гонениях власти на Церковь не было ничего нового. И он стойкостью своих убеждений, непоколебимой церковностью, бескомпромиссностью, укреплял малодушных, был примером для отчаявшихся и заблудших в то суровое время искушений и соблазнов. Можно удивиться его духовной силе. Но ничего удивительного в том нет, потому что силе и стойкости он научился с малолетства, в своей верующей, церковной семье. Силы ему давали Сам Христос и подвижники благочестия, в непреложное обетование Которого и небесное заступничество которых он верил.

Лихое для Церкви и для Отечества время предчувствовал его духовник, схиархимандрит Гавриил (Зырьянов), который задолго до грозных событий гонений писал: «В терпении нашем мы увидим и восчувствуем в себе пришествие Царства Божия в силе Его, и воцаримся воедино с Господом и обожимся... Мы не станем судить (мир – *прим. Автора*), так как судить его будет Иисус Христос, но мы увидим мирскую ложь, грех в нем. Мы увидим и правду, но только во Спасителе, и будем ее черпать только в Нем одном»[29]. Этими словами был укрепляем и владыка Федор. Понимая, что цель богоборческой власти состоит не столько в физическом уничтожении Церкви, сколько в разрушении ее церковно-канонического строя, он считал, что Церкви не надо вести диалог с атеистическим государством. Известно, что владыка Федор пытался убедить митрополита Сергия отказаться от провозглашающей союз Церкви и советского государства декларации. Вокруг него, чувствуя его духовную силу, собирались те, кто не поддался льстивым уговорам о сотрудничестве. Единомышленниками его позиции были: епископы Амфило-

хий (Скворцов), Арсений (Жадановский), Серафим (Звездинский), Афанасий (Сахаров), протоиерей Алексей Мечев и многие др.

Терпеть эту духовную силу власть не собиралась. В январе 1933 г. владыка арестован по делу «Партии Возрождение России», приговорен к 3 годам ссылки в Казахстан, в 1934 г. выслан в Северный край, где проживал в с. Тентюково, близ Усть-Сысольска Коми АССР. В 1935 г. срок ссылки ему был продлен еще на 3 года. В июле 1937 г. он был арестован в Усть-Сысольске и отправлен в тюрьму города Иваново для следствия по делу «Даниловского братства».

В архиве УФСБ РФ по Ивановской области хранится уголовное дело № 7014-П в отношении Поздеевского Александра Васильевича, в котором в предъявленном обвинении говорится, что он: «...являлся руководителем подпольной контрреволюционной организации церковников, т. н. "Всероссийское иноческое братство князя Даниила", которое в целях борьбы с советской властью ставило задачу: организовывать, поддерживать и сохранять старые церковные кадры. Систематически их пополнять путем тайных постригов в монашество из мирян, создать свою подпольную церковь, т. н. «Истинно православной веры», в которую собирать церковников и духовенство, враждебно относящееся к советской власти, вовлечь наибольшее количество верующих в антисоветскую деятельность»[30].

Постановлением тройки УНКВД Ивановской области от 22.10.1037 г. Александр Васильевич Поздеевский (архиепископ Федор) был приговорен к высшей мере наказания с конфискацией лично ему принадлежавшего имущества. Расстрелян он был 23 октября 1937 г. и похоронен предположительно в местечке Балино Ивановской области. Незадолго до своей кончины он был пострижен в схиму с именем Даниил. Вместе с ним в этот же день, 23 октября 1937 г., был расстрелян и его двоюродный брат, воспитанник Костромской духовной семинарии священник Виктор Иванович Поздеевский (с 1912–1917 гг. служивший в с. Ильинское Апраксинского сельсовета Костромского р-на, с 1930 г. – в с. Борщино Большесольского р-на). В эти же дни ожидал своей участи в ярославской тюрьме родной дядя архиепископа Федора – Александр Викторович Поздеевский (умер 25 октября 1940 г в лазарете Темлага в Мордовии).

В 1989 г. А. Ф. Поздеевский (архиепископ Федор) был реабилитирован[31].

Его жизненный путь – путь истинного пастыря, всегда и везде выбирающего дорогу, по которой шел Христос. Пастыря, который ставил идеалы евангелия превыше удобства и устройства жизни временной. Тот, кто, услышав евангельские слова о нищете духа и чистоте сердца, учил и показывал их истинность образом жизни и словом. Того, кого Господь уже прославил в продолжателях его дела, восстановивших послевоенную Московскую академию на принципах святоотеческого наследия, на принципах воспитания истинного пастырства, возвращению к которому призывал владыки Федора. На его принципах проходит процесс обучения во всех духовно-образовательных заведениях Русской Православной Церкви, и в частности в его родной Костромской духовной семинарии.

Закончить эту статью хочется призывом к молитве о пастыре-наставнике, о нашем земляке, о человеке, имя которого записано в списки «выдающихся выпускников Костромской семинарии», архиепископе Федоре (Поздеевском). «Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их» (Евр.13,7).

Примечания

[1] Следственное дело Ивановского УНКВД № 5531-П, Л. 51.

[2] Крепко держаться за веру. Архиепископ Федор (Поздеевский) // Русский православный патриот. 2001. Октябрь. [Спецвып.].

[3] *Сидоров Сергий, свящ.* Встречи с замечательными деятелями Русской Церкви: Записки // Златоуст. 1993. № 2. С. 303–304.

[4] Проводы архимандрита Федора // Московские церковные ведомости. 1999. № 37. С. 621–622.

[5] Священномученик архиепископ Федор (Поздеевский) // Православная жизнь. 1995. Сентябрь. №9 (549).

[6] *Федор (Поздеевский), архим.* Речь, сказанная при наречении во епископа Волоколамского, викария Московской епархии (12 сентября 1909 г.) // Богословский Вестник. 1909. Т. 3. С. 513.

[7] *Бибихин В. В.* Из рассказов А. Ф. Лосева // Вопросы философии. 1992. № 10. С. 140.

[8] Там же. С. 141.

[9] Проводы архимандрита Федора // Там же.

[10] Летопись епархиальной жизни // Московские Церковные Ведомости. 1914. № 2. С. 40.

[11] *Бердяев Н. А.* Самопознание : опыт философской автобиографии. М., 1990. С. 173.

[12] *Полищук Е. М.* А. Новоселов и его письма к друзьям» // Журнал Московской Патриархии. 1991. № 11. С. 35.

[13] *Варнава (Беляев), еп.* Основы искусства святости. Опыт изложения православной аскетики. Н. Новгород, 1997. Т. 1.

[14] *Алексий II, патриарх Московский и всея Руси.* Филокалия в русской аскетической мысли // Журнал Московской Патриархии. 1983. № 4. С. 51.

[15] *Кожевников В.* О значении христианского подвижничества в прошлом и настоящем. М., 1910. Ч. 2. С. 83.

[16] *Федор (Поздеевский), архиеп.* К академическому новолетию // Богословский вестник. 1915. № 10. С. 7.

[17] ОР РГБ. Ф. 249 (Фонд Розанова). М. 4214. Ед. хр. 22.

[18] *Федор (Поздеевский), архиеп.* Записка о реформе духовно-учебных заведений // Богословский Вестник. 1915. № 10. С. 7.

[19] Там же. С. 10.

[20] Там же. С. 11.

[21] *Бибихин В. В.* Из рассказов А. Ф. Лосева // Вопросы философии. 1992. № 10. С. 140.

[22] *Зосима (Давыдов), архимандрит.* Архиепископ Федор (Поздеевский) о духовном образовании и воспитании юношества // Православие. ru; www. Rusk/ru.

[23] *Сидоров Сергий, свящ.* Записки. С. 302–307.

[24] *Андроник (Трубачев), игум.* Священник Павел Флоренский – профессор Московской Духовной Академии : Богословские труды / Московская Духовная Академия. 300 лет : юбилейный сборник. М. 1986. С. 240–241.

[25] *Цыпин Владислав, прот.* История Русской Церкви 1917–1997 гг. М., 1997. С. 105.

[26] *Дамаскин (Орловский), иером.* В огненном испытании: Архиепископ Федор, Данилов монастырь и судьба Русской Православной Церкви в XX столетии // Даниловский благовестник. М. 1996. № 8. С. 5.

[27] *Симеон (Холмогоров), архим.* Схиархимандрит Гавриил, старец Спасо-Елизаровой пустыни. СПб., 1996. С. 217.

[28] Из записок протоиерея Сергия Сидорова // Даниловский благовестник. 1996. С. 243.

[29] *Федор (Поздеевский), архиеп.* Речь при пострижении студента И. Карпова (в монашестве Николая) // Богословский Вестник. Сергиев Посад. 1913. № 12. С. 912.

[30] Дело 7014-П архива УФСБ РФ по Ивановской области. Протокол допросов от 25 марта 1937 г.

[31] На основании ст. 1 Указа президиума ВС СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 1930–1940-х и начала 1950-х годов».

РАЗДЕЛ III

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ

Л. Н. Заливалова

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИСТОРИИ В ТРУДАХ Ф. И. УСПЕНСКОГО

Федор Иванович Успенский (1845–1928) – знаменитый русский византолог, славист, археолог[1]. Его имя неразрывно связано с крупным событием в истории отечественной науки – становлением византологии как строго научной дисциплины. Творческое наследие историка, в том числе одиннадцать монографий, отличает широта проблематики и огромный фактический материал по истории Византийской империи и славянских народов, выявленный из источников зачастую по крупицам, в буквальном смысле слова. Он впервые опубликовал многие ценные письменные и вещественные памятники, изучение которых стало отправной точкой для дальнейших исследований византологов и медиевистов в XX веке.

Научно-организационная деятельность Ф. И. Успенского была также весьма разносторонней. Он создал византийский центр в Новороссийском университете, принимал активное участие в деятельности русских исторических обществ, выступал на научных сессиях и археологических съездах, редактировал научные издания. По своим взглядам Федор Иванович, безусловно, был, как ныне принято говорить, государственником. Он считал, что наука должна находиться в сфере интересов государства и финансироваться государством. При активном участии Успенского на казенные средства был учрежден Русский археологический институт в Константинополе (РАИК) – единственное учреждение академического типа за границей[2]. Занимая пост директора института в течение всего времени существования РАИК (1894–1914), Федор Иванович превратил его в крупный центр русской науки на Востоке, наладил и развивал широкое сотрудничество с зарубежными учеными, в первую очередь из славянских стран Балканского региона. Он организовал несколько экспедиций с целью изучения и поиска византийских и славянских памятников в Болгарии, Сербии, Греции, Турции. Результаты научной деятельности сотрудников РАИК нашли отражение в 16 томах «Известий РАИК» (1896–1913). Успенский был инициатором их издания, организатором и бессменным редактором.

Октябрьский переворот 1917 года Федор Иванович встретил, будучи признанным главой русской византологии, почетным членом иностранных исторических обществ и академий, сановником высокого ранга, отмеченным наградами за заслуги перед государством. В первые годы советской власти, несмотря на разруху, голод и личные беды, он продол-

© Л. И. Заливалова, 2007

жил исследовательскую и научно-организационную работу[3]. 18 февраля 1925 года коллеги Федора Ивановича торжественно чествовали его по случаю 80-летия. Были прочитаны доклады профессора М. Д. Приселкова о научном вкладе юбиляра в славистику, профессора А. А. Васильева о значении трудов в отечественном византиноведении и профессора Б. В. Фармаковского о заслугах в области археологии[4]. Однако академиков Российской Императорской Академии наук в советском государстве, мягко говоря, не жаловали. С середины 1920-х годов условия для гуманитарной науки и занятий византологией в том числе, становятся все более неблагоприятными. В 1927 году академик В. П. Бузескул писал С. И. Жебелеву: «Теперь о Византии и византинистах говорить неудобно, ведь говоря о Византии неизбежно упоминать о церкви, церковных спорах и т. под.»[5]. Ф. И. Успенскому довелось испытать на себе и равнодушие властей, и их произвол, и фактическое отстранение от академической деятельности, без которой он себя не мыслил[6]. Едва ли ныне мы поймем, как трудно пришлось Федору Ивановичу в последние годы жизни. На склоне лет ученый не мог и не желал круто изменить свои идейно-теоретические взгляды и выступить зачинателем марксистской методологии истории, отречься от той высокой академической культуры, среди творцов которой был и он сам. Успенский продолжал исследовательскую работу, а также старался объединить вокруг Академии наук всех византинистов, которые были в России. В том же 1927 году он писал одному из своих учеников: «Пока я не сошел со сцены, я хотел бы дать византинизму в России надежду на существование после меня»[7].

После кончины Федора Ивановича научное наследие его получало разные оценки в советской историографии. Долгое время историка критиковали более или менее резко за «реакционные политические взгляды», «монархические идеалы», «идеализм» и «буржуазную позитивистскую методологию». Однако игнорировать или отрицать ценность фундаментальной источниковой базы трудов Успенского, равно как и большие заслуги, в развитии русского византиноведения, было невозможно. Показательна, в этом плане, оценка З. - В. Удальцовой: «В наследство от Успенского осталась огромная масса накопленного им материала, без которого не может обойтись наша наука»[8]. В 70-е годы XX века историографический анализ стал более объективным, а оценка взвешенной[9]. Для современной отечественной историографии всестороннее изучение творческого наследия Ф. И. Успенского – актуальная задача. В рамках ее решения необходимо дать историографический обзор некоторых трудов, важных для уяснения его концепции византийской истории.

Научная деятельность Успенского начинается с 70-х годов XIX века. В это время возрастает интерес к византийской истории в западноевропейской медиевистике, публикуются новые письменные и вещественные памятники. Однако малая степень изученности византийских источников, терминологии, хроники исторических событий являлись препятствием для понимания содержания исторического процесса в империи. Ученые русской школы научного византиноведения, становление которой приходится на это время, главной целью считали изучение внутренней истории Византии и внешней политики.

Первое монографическое исследование Ф. И. Успенского – «Византийский писатель Никита Акоминат из Хон» (1874) показательно в нескольких отношениях. Во-первых, специальной работы об Акоминате не было ни в западной,

ни в русской византологии. Между тем Никита (ок. 1155–1217) был современником важнейших событий, в том числе свидетелем захвата Константинополя крестоносцами в 1204 году. Творческое наследие его обширно и разнообразно: речи, письма, историко-богословские труды, наконец, знаменитое сочинение «История»[10], которое охватывает события 1118–1206 годов. Работа Успенского носила источниковедческий характер, вместе с тем он реконструировал биографию Никиты, обратил внимание на его мировоззрение, а также общее состояние византийской культуры в XI и XII веках. Примечательно, что Я. Л. Ван Дитен, известный современный исследователь наследия Никиты Акомината, издавший его труды, примыкает к Успенскому в вопросе о времени рождения Никиты[11]. Во-вторых, Никита Акоминат предстает в труде Успенского как крупный византийский писатель, оставивший потомкам правдивое описание событий и яркие исторические портреты современников. Он убедительно обосновал ценность сочинений Никиты как историко-литературного источника. Хониат-историк, делал вывод Успенский, далек от однозначной оценки событий византийской истории. Размышляя о судьбе империи, о причинах захвата Константинополя Никита пришел к выводу, что не в религиозных спорах заключалась «противоположность византинизма и латинизма», а в особенностях исторических судеб, в общественно-политических воззрениях византийского и западноевропейского обществ[12]. Сочинения Никиты Акомината позже историк будет использовать и в других своих трудах.

В 1874 году после защиты магистерской диссертации Успенский был избран советом Новороссийского университета на вакантную должность доцента по кафедре всемирной истории. Первую вступительную лекцию к общему курсу европейской истории, прочитанную студентам, которую по университетским правилам полагалось публиковать, Федор Иванович посвятил Византии.

Византийская империя, убежден историк, оставалась «оплотом цивилизации» в период варварских вторжений и сохранила культурные сокровища античной эпохи, так что «уже по этой причине должна быть для историков предметом специального исследования». Успенский кратко остановился на особенностях западноевропейской историографии: европейские ученые «особо выделяют и вводят в круг средневековой истории те народы, которые в большей или меньшей степени способствовали развитию немецкой жизни и искусства (романо-германский мир)», а о других народах упоминают «поверхностно». Между тем «восточноевропейский или греко-славянский мир... заслуживает, по меньшей мере, столь же усердного изучения»[13]. Далее выделены причины изучения истории Византии: некоторые процессы европейской истории Запада «не могут быть объясняемы без изучения византийской истории»; Византия «создала исторические нации: сербскую, хорватскую, болгарскую, угорскую и русскую», а в XI веке влияние империи распространилось на западнославянские области (моравские, чешские, частью польские земли и на сербов лужицких[14]. Ввиду особого значения Византии для русской истории, византиноведение должно стать составной частью отечественной исторической науки. Успенский обозначил круг проблем, актуальных для русской историографии: византийско-славянская политическая история, культурная история Византии, исторические условия раздела Церкви, а также история еретических течение на Западе и в Византии[15].

Вступительная лекция Федора Ивановича, как показывают материалы науч-

ного наследия ученого, отражает будущую программу его исследовательской деятельности. Византийско-славянской проблематике он посвятил много работ. Первое крупное исследование по Балканскому региону – докторская диссертация «Образование Второго Болгарского царства» (Одесса, 1879). Впервые в историографии византологии было изучено положение Болгарии после византийского завоевания в XI–XII веках и выявлены исторические условия образования Второго Болгарского царства. Выводы Успенского были подкреплены материалами целого ряда ценнейших источников, часть которых он вводил в широкий оборот. В приложении к своему исследованию он поместил письма Феофилакта, архиепископа Болгарского, неизвестные письма и речи Михаила Акомината, Афинского митрополита и ряд других источников, часть которых имела отношение к русской истории. В статьях более позднего времени и в «Истории Византийской империи», которую он считал главной среди своих работ, ученый не раз вернется к сюжетам болгарской истории. В работе «Значение походов Святослава в Болгарию», написанной для второго тома «Истории Византии», Успенский старался показать, что и победа, и поражение Святослава имели важные последствия для Болгарии и Византии. Уход Святослава с Балкан привел к победе византийцев и ослабил славянское влияние в регионе[16].

Изучению философии, общественной мысли, политических идеалов и церковной жизни Византии посвящена монография Успенского «Очерки по истории византийской образованности» (СПб., 1891), которая представляет собой объединение нескольких статей, опубликованных ранее. Автор решал несколько задач: показать историческую обстановку эпохи Комнинов, воссоздать мировоззрение ученого Иоанна Итала, дать сравнительно-исторический анализ византийской культуры и западноевропейской. Трудность исторической реконструкции взглядов Иоанна Итала заключалась в том, что его философские сочинения не были изданы. В качестве источника Успенский впервые использовал уникальный письменный памятник «Синодик в неделю православия», который он исследовал как историко-литературный памятник. История верований, писал историк, это и «картина по истории культуры народа», а материал Синодика «распространяется на широкую область философского мышления, общественной морали, политических идеалов и т. п. Отсюда можно понять, как этот материал интересен с точки зрения культурной истории Византии»[17]. Кроме того, были использованы фрагменты сочинения Никиты Акомината «Сокровище Православия» (Orthodoxiae Thesaurus), также еще не изданного. Ценность его в том, что здесь имеется изложение актов собора 1166 года, материалы которого до нас не дошли (особенно интересно изложение учения о природе Христа и о Славе Божией). Вывод Успенского сводился к тому, что уклонение от церковной догматики проявлялось в философских сочинениях Итала, и именно за это он был подвергнут осуждению. В «Очерках» широко освещены перипетии политической борьбы в империи XI–XIV веков. Борьба между Варлаамом и Григорием Паламой представлена Успенским как столкновение двух философских систем – аристотелизма, которого придерживалась Восточная церковь, с платонизмом, который был принят Западной церковью. За богословскими диспутами, считал ученый, скрывалась борьба разных политических сил: за Варлаамом стояли «западники», а победа Паламы – победа «национальной партии над латинствующей и западнической»[18]. Эта работа Успенского полу-

чила широкий отклик и высокую оценку современников как в России, так и за границей, и не утратила научной ценности в настоящее время[19].

В сводном труде «История Византийской империи», который при жизни Успенского не был полностью опубликован, при изложении событий VIII–IX веков преимущественное внимание автора уделено политической истории. Рассматривая иконоборческое движение, он учитывал экономические и политические его причины. в частности конфликты из-за церковных земель. По мнению Успенского, цель иконоборцев заключалась в реорганизации государства, внутреннего управления, проведении социальных реформ, объединении сил для борьбы с мусульманской угрозой. Вместе с тем иконоборческие реформы привели к ухудшению отношений между западной и восточной церквами и подготовили их разрыв.

В советской историографии Успенского часто критиковали за то, что он был автором понятия «византинизм». Однако обозрение трудов историка показывает, что в них отсутствует какое-либо развернутое обоснование этого термина. В «Истории Византийской империи» больше всего фрагментов, где упомянут «византинизм». В представлении Успенского этот термин обозначает специфику государственных институтов Византии, социальных отношений и их эволюции, особенности права и менталитета. В Западной Римской империи был процесс романизации варваров – германских племен, так же и в Восточных провинциях – на славянские племена влияла Византия; варварское право германцев формировалось на основе римского права и обычного права германцев, так же и славянское право формировалось на основе обычного и византийского права; формирование церковной организации на западе и на востоке шло по-разному, отсюда специфика религиозных воззрений населения Западной Европы и народов византийско-славянского ареала20.

Образование Византийской империи представлено в трудах Успенского как эволюционный процесс: греко-римские учреждения восточных провинций империи постепенно «перерождаются в византийские»; начало изменений относится к IV веку, завершение перехода – при Юстиниане I. Выработка особенностей «византинизма» идет с конца VI века по X век. Успенский выделял отличительные черты «византинизма»: особая роль Константинополя в жизни империи (в Западной Европе не было центра подобного столице Византии); специфика социально-экономических отношений (проблема славянской общины); положение императорской власти в Византии; значение религиозного фактора как связующего для государства столь пестрого по этническому составу населения, языкам и историческим традициям; особенности правового сознания населения; специфика исторического развития религиозной и общественной мысли. Если учитывать, что Успенский приравнивал «византинизм» к определению «византийский», то не так уж он был неправ. Все эти особенности византийской истории изучала наука XX века.

Свою главную задачу по сбору фактического материала для всесторонней характеристики жизни империи Ф. И. Успенский решал всю жизнь. Его труды привлекали внимание историков к изучению византийских памятников, таких как полемическая литература, историко-религиозные сочинения, переписка видных деятелей церкви в качестве историко-литературных источников. Успенский прав в том, что в средние века религиозные движения имели гораздо более сложную подоплеку и причины чем только церковные споры. Его выводы о фило-

софско-политической основе религиозных движений в Византии XI–XIV веков подтверждены современными исследователями. Богословское образование открывало для Успенского массив памятников, именно византийских и славяно-византийских, по истории церкви, которые позволяли ученому представить в новом свете важнейшие события церковной истории Европы. В «Очерках по византийской образованности» Успенский писал, что он убежден «в общности законов развития между Востоком и Западом» и что «приложение» этой общности к изучению византийского материала «одинаково будет плодотворно как для занятий Византией, так и западным средневековьем». Труды его для русской византологии – начало исследований в этом направлении.

Примечания

[1] Биография Ф. И. Успенского: памяти Федора Ивановича Успенского (1845–1928). Л., 1929; *Литаврин Г. Г.* Успенский Федор Иванович // Славяноведение в дореволюционной России : биобиблиографический словарь. – М., 1979. С. 338–339; Заливалова Л. Н. Материалы к биографии академика Ф. И. Успенского // Российская государственность: этапы становления и развития : тезисы и материалы науч. конф.– Кострома, 1993. Ч. 3. С.140–144; *Басаргина Е. Ю.* Ф. И. Успенский: обзор личного фонда // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 45–61; *Лебедева Г. Е.* Федор Иванович Успенский / Г. Е. Лебедева, В. А. Якубский // Портреты историков. Т. 3. Древний мир и средние века. – М., 2004. С. 583–600.

[2] Подробнее: *Басаргина Е. Ю.* Русский археологический институт в Константинополе: архивные фонды // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. – СПб., 1995. С. 62–92.

[3] *Басаргина Е. Ю.* Ф. И. Успенский: обзор личного фонда... С. 52–55, 60; Она же. Русский археологический институт... С. 89–91; *Удальцова З. В.* Советское византиноведение за 50 лет. – М., 1969. С. 10–22, 24.

[4] *Бенешевич В.* Хроника // Византийский временник. Т. XXIY (1923–1926). – Л., 1926. С. 112–113.

[5] Цит. по: *Анфертьева А. Н.* Д. В. Айналов: жизнь, творчество, архив // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. – СПб., 1995. С. 228.

[6] *Лебедева Г. Е.* Указ. соч. С. 594–596.

[7] Цит. по: *Готалов-Готлиб А. Г.* Ф. И. Успенский как профессор и научный руководитель // Византийский временник. – М., 1947. Т. 1 (XXYI). С. 125.

[8] *Удальцова З. В.* К вопросу об оценке трудов Ф. И. Успенского // Вопросы истории. № 6. 1949. С. 116.

[9] *Курбатов Г. Л.* История Византии (историография). С. 111–113.

[10] Первый перевод «Истории» на русский язык см.: Византийские историки, переведенные с греческого при С-Петербургской Духовной Академии: Никита Хониат. История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. СПб., 1860. Т. 1–2.

[11] *J. L. van Dieten.* Niketas Choniates. Erlauterungen zu den Reden und Briefen nebst einer Biographie – «Supplementa byzantina», Bd. 2 / Walter de Gruyter. Berlin, New York. 1971. S. 19–20. Первое научное издание «Истории» с комментарием вышло сравнительно недавно: Nicetae Choniatae Historia / Rec. J. L. van Dieten. Berolini et Novi Eboraci, 1975. Pars 1–2.

[12] *Успенский Ф. И.* Византийский писатель Никита Акоминат из Хон. СПб., 1874. С. 63. Ср.: *Бибиков М. В.* Историческая литература Византии. – СПб. : Алетейя, 1998. С. 197–207.

[13] *Успенский Ф. И.* Значение византийских занятий в изучении средневековой истории // Записки Императорского Новороссийского университета. – Одесса, 1875. Т. 16. Отд. С. 1–20.

[14] Там же. С. 2, 3, 5.

[15] Там же. С.6, 9, 10–20.

[16] *Успенский Ф. И.* Значение походов Святослава в Болгарию // Вестник древней истории. 1939. № 4. С. 91.

[17] *Успенский Ф. И.* Очерки по истории византийской образованности. – СПб., 1891. С. 114.

[18] Там же. С. 7.

[19] См.: *Лебедева Г. Е.* Указ.соч. С. 585–589.

[20] *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. – М., 2001. Т. 1. С. 17, 18, 36–38, 691 и др.

Епископ Порфирий (Успенский)

КНИГА БЫТИЯ МОЕГО:
извлечения из дневника епископа Порфирия (Успенского)
(текст подготовил М. Ю. Насонов, иерей)

Предлагаем вашему вниманию извлечения из 8-го тома «Книги бытия моего» епископа Порфирия (Успенского) (1804–1885), выдающегося выпускника Костромской духовной семинарии.

Преосвященный Порфирий прославился как знаменитый археолог, переводчик и исследователь древностей христианского Востока. Он родился в Костроме в семье псаломщика. Окончил Костромскую семинарию и Санкт-Петербургскую Духовную Академию (1829). Был преподавателем Ришельевского лицея в Одессе, а затем в сане архимандрита был назначен настоятелем Одесского Успенского монастыря и ректором Херсонской духовной семинарии в Одессе. В 1843 году по решению Святейшего Синода архимандрит Порфирий был отправлен в длительные экспедиции по странам Востока. В Синайском монастыре св. Екатерины он впервые обнаружил древний Синайский кодекс Библии, опубликованный позднее немецким исследователем Тишендорфом. Вернувшись в Россию, архимандрит Порфирий поднял вопрос о необходимости учредить Русскую духовную миссию в Иерусалиме. По учреждении же миссии был первым ее начальником. С Востока вывез обширнейшую коллекцию древних книг и рукописей. Всего древних рукописей и книг на греческом, сирийском, арабском, эфиопском, грузинском и др. вост. языках, а равно рукописей церковнославянских им собрано столько, что, по замечанию специалистов, «целой четверти столетия мало для простого их описания». В 1865 году был хиротонисан во еп. Чигиринского, викария Киевской епархии. В 1878 был назначен настоятелем Московского Новоспасского монастыря.

«Книга бытия моего» представляет собой дневник еп. Порфирия. На протяжении всей своей жизни он прилежно записывал в него самые живые свои впечатления и размышления.

ВОСПОМИНАНИЯ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ О КОСТРОМЕ И КОСТРОМСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

В 1872 году, 12 июля, я отправился из Киева в Кострому по разрешению св. синода на один месяц, ради отдыха от трудов епархиальных и ученых, ради укрепления своего здоровья путешествием и безделием и с тайным намерением приискать там теплое местечко для покоя... В Костроме я отслужил две обедни, одну в кафедральном Успенском соборе, а другую в Богоявленском женском монастыре, в котором слушал и всенощные бдения, утешаясь весьма стройным пением голосистых монахинь и послушниц. В кафедральном соборе холодном не было никаких перемен с 1825 года, в который я оставил родину: иконостас, богатые в нем местные иконы, темный образ Богоматери Феодоровской в золотой ризе, украшенной драгоценными камнями, стенная живопись внутри, в приделе св. Феодора Стратилата и на паперти, везде чугунные полы, – все это существует в прежнем виде и в наряде. А Богоявленский монастырь после пожара в нем перестраивается игуменьей Мариею в ином лучшем виде на прежних основаниях. Доро-

© Епископ Порфирий (Успенский), 2007

го ей стоит перестройка сего монастыря; а откуда она получает деньги для производства работ, это ведает ея счастие. Говорят, что ей присылает их наместник Сергиевой лавры архимандрит Антоний и дает государь, знавший ее, когда она была фрейлиной при императрице. Но как бы то ни было, а надобно отдать ей честь за отличное устройство святой обители, в которой учреждено ею общежитие, устроены живописные школы и больница и возобновлены церкви Салтыковская и Богоявленская... Посетил я предместье Костромы Запрудню, где в 1813 году находилась семинария с училищем для малолетков, пока не сгорела. Туда в сентябре этого года отец мой отвел меня девятилетнего учиться. Там меня приняли в так называемую информаторию; и тут мальчики посвятили меня в звание ученика, ударяя локтем по спине и кулаком по затылку так больно, что я заплакал. От моей информатории и от самой семинарии не осталось ни одно бревно. Была тут березовая тенистая роща, в которой семинаристы потешались разными играми, но и она вырублена вся и искоренена. Теперь там устроены купеческие фабрики. Каменная же церковь, в которой чествуется старинный образ Нерукотворного Спаса и в котором молились семинаристы, уцелела и даже возобновлена внутри и украшена весьма хорошо местными фабрикантами. В Ипатьевском монастыре я осмотрел богатую ризницу и тот домик, в котором жил юный Михаил Федорович Романов со своею матерью. Скромное помещение! Оно возобновлено недавно, без всякого изменения снаружи и внутри, и стережется отставным солдатом. Я поселился бы в этом укромном месте, но монаха туда не пустят... Костромской архиепископ Платон жил не в Ипатьевском монастыре, а в заволжском селе Солоникове, где издревле существует загородный дом архиерейский. Там я виделся с ним, да в соборном доме... В Костроме такое затишье во всем, что редко кого видишь на улицах; а в торговых лавках тоскливо сидят купцы и мещане, напрасно поджидая покупателей. В бытность мою в этом не торговом городе было весьма жарко до 15-го августа, а потом вдруг стало очень холодно. Вскоре после Успения я выехал в Киев... (С. 440–444).

***

...Благополучна была поездка моя на родину. Хорошо провел я свое срочное время в родительском доме с родною сестрою Серафимою и дочерью ее девицей Маргаритою. Там искрились мои воспоминания о незапамятной юности моей, как, идя в запрудненское училище мимо кладбища, я боялся погони за мной мертвецов; как ревизор архимандрит Филарет со звездою на груди задал нам грамматистам задачу перевести по латыни: «Придите поклонимся Цареви нашему Богу», и я перевел так: «Venite, adoremus Regem nostrum Deum»; как в Богоявленском (ныне женском) монастыре я лазил по крытым ходам на толстых стенах его от башни до башни и писал тут карандашом по-гречески... как в женской апостольской обители игуменья Сусанна, когда я представился ей, яко кандидат на опроставшееся у ней священническое место, отринула меня по причине безбородой и безусой молодости моей. И мало ли что я вспоминал в родимой Костроме своей, разъезжая по стогнам ея и нигде не видя ни души человеческой, ни даже лающего пса, как будто все жители этого города вымерли. Нет охоты записывать все мелочи моей прошлой жизни на родине. Скажу только вот что. Я не раз служил обедни в кафедральном соборе и молился тут перед образом Богоматери Феодоровской; в каждую субботу служил всенощную в церкви ближайшего к дому сестры моей женского монастыря, восхищался мело-

дическим пением монашинок под управлением игуменьи их Марии и однажды отслужил в обители ея литургию... (С. 319–320).

О РУКОПОЛОЖЕНИИ ВО ЕПИСКОПЫ

Прочитавши этот указ, я зажмурил очи свои и в глубине души воззвал к Богу: «Да будет воля Твоя, Господи! Стопы моя направи по словеси Твоему, и да не обладает мною всякое беззаконие, избави мя от клеветы человеческия, и сохраню заповеди Твоя: просвети лице Твое на раба Твоего, и научи мя оправданием Твоим...»

Речь при наречении во епископы

Святейшие Отцы!

По власти, данной вам от Бога, вы призвали меня ко епископскому служению к Церкви Христовой.

Принимаю это служение, проразумевая в вашем призвании к нему волю Божию, которой противиться не могу, а покорствовать люблю, быв водим и храним ею на всех путях моей страннической жизни.

Знаю, что такое епископ. Он есть служитель Триединого Бога и сообщатель Его благодати, видимая связь верующих в Него, благоговейное выражение их молитв в храме, и такой наставник, в котором веря уяснена и которого речи суть потоки его внутренней жизни. Он есть образец непорочности, трезвения, воздержания, целомудрия, благочестия, кротости, миролюбия, бескорыстия, правды, великодушия, терпения, приветливости ко всем, домостроительства, страннолюбия. Все эти добродетели, усвояемые епископу в пастырских посланиях Св. Апостола Павла, украшают его, как звезды небо.

Знаю, каково служение епископа. Разнообразное, ответственное, благоплодное, оно весьма трудно. Если бы он обязан был только хранить догматы веры, предания, правила и обычаи церковные, священнодействовать и проповедовать слово Божие, испытывать посвящаемых, воздавать должную честь достойно начальствующим пресвитерам, паче же учащим, заботиться о благолепии храмов Божиих, то для исполнения таких обязанностей еще достало бы у него сил, нашлось бы и умение. Новая трудность его служения не в этом, а в управлении душ, которое один богоносный муж назвал искусством из искусств. Не возможно епископу хорошо управлять другими, ежели сам он не владеет собою совершенно. Но будь он всегда равен себе самому, тогда все привыкнут к нему скоро. Вникай он в себя и в христианское учение: так поступая, спасет себя и слушающих его, – говорит апостол Павел. Суди, увещевай он виновных спокойно, кротко, сердобольно: так расположит их к раскаянию и, быть может, к исправлению. Сдерживай он гнев свой, даже справедливый: так никого не раздражит, не устрашит, не вооружит и против себя самого. Прикрывай он превосходительство свое, какое бы оно не было, смирением и уважением к личности каждого человека, так не оскорбит ничьего самолюбия, а общую любовь приобретет как дорогое сокровище. Переноси он оскорбления благодушно; так поступая, многим послужит примером незлобия. А легко ли исполнить все это? Управление душ есть искусство из искусств. Есть души слабые и бедные добрыми делами. Непрестанно греша и каясь, и опять греша, они желают исправиться, но чувствуют бессилие свое: в них надо сберегать единственное сокровище их – веру в заслуги Спасителя. Есть души праведные. Они, будучи строги к себе, бывают строги и к другим; их надобно предостерегать от сего излишества. Есть души сомневающиеся, неверующие; их можно увлекать не столько познаниями, сколько сильною

верою и соответственною ей чистотою жизни. Есть души простые, добрые, но темные; их надобно просвещать, вразумлять, руководить. А легко ли исполнить все это пастырю душ? Легко ли ему судить супругов, мирить враждующих, иногда сближать противоположные высоты, покровительствовать бедных, но достойных, утешать вдовиц, снабдевать сирот? Думаю, что нелегко это. Закон Божий повелевает епископу наставлять противников с кротостью, старейшего увещевать, как отца, младшего, как брата, пожилую, как мать, молодую, как сестру, со всякою чистотою, а богатым внушать, чтобы они не высоко о себе думали и были благодетельны, щедры, общительны, богаты добрыми делами, для всех же быть образцом в слове, в житии, в любви, в вере, в чистоте. А легко ли исполнить все это?

Епископ – большой труженик. У всех свои забавы, а у него одни заботы. У всех есть свои досуги, а у него непрерывные дела. Какие же утешения его? Успехи чад его в благочестии. Какое богатство у него? Добродетели. Чем он доволен? Тем, что имеет пропитание и одежду.

Вижу эту священную высоту. Постигаю всю благоплодность епископского служения, но сознаю и всю трудность его, и думаю, что, ежели оно установлено Господом, то епископу должна быть и помощь от Него, помощь особенная, благодатная. Но что я говорю: должна быть? Она есть. Верую, что молитва веры святителей Христовых низводить на посвящаемого епископа божественную благодать, вся немощная, врачующая и оскудевающая восполняющую. Верую и, как очко на маститой лозе виноградной, раскрываюсь для принятия света и тепла и обещаюсь хранить залог Святого Духа.

А обет самоотвержения произнесен мною тому назад тридцать пять лет. По этому обету я в трех частях света жил не для себя самого. По этому обету и с настоящей поры приносятся в жертву Богу моя душа и ея молитва и псалом, святой Церкви мои силы и мои труды, Богом венчанному царю и возлюбленному Отечеству мое сердце и жизнь. А вам, Святейшие Отцы, готово мое разумное послушание до дня моего успения.

О СИНАЙСКОЙ РУКОПИСИ

«...сего же дня утром был у меня Тишендорф и обещался подарить мне один экземпляр, напечатанной им Синайской Библии. Однако не подарил. Не получил я его и от царя. Тяжело переносить такую невнимательность» (30 августа 1862; с. 35).

Из разговора с вел. княгиней Марией Николаевной

«*Мария Николаевна*: Граф Толстой говорил мне, что вы сообщили ему свое мнение о синайской рукописи, которую привез сюда Тишендорф.

Архимандрит Порфирий: Да, я писал ему, что Новый Завет, содержащийся в этой рукописи, переписан был с издания еретика Аполлинария, Лаодикийского епископа, и что неприлично государю императору, как покровителю, защитнику и стражу православия, дарить христианским церквам печатные снимки с этого Завета. Всего лучше раздать его только ученым и в библиотеки» (6 марта 1862; с. 16).

О СУДЬБАХ РОССИИ И ЦЕРКВИ РОССИЙСКОЙ

«Сегодня я обедал у госпожи Потемкиной и, между прочим, слышал от нея, что в одной петербургской гимназии три ученика забрались в алтарь гимназической церкви, сели тут на св. трапезу, закурили папироски и выпили церковное вино, а запасные дары съели, но за то не были наказаны, хотя об этом знал государь.

Такой пакости еще не было на Руси.

За обедом подле меня сидел Андрей Николаевич Муравьев и обмолвился, что через полгода едва ли будет цело Русское государство. Уцелеет! Я сказал ему: ведь, простой народ наш еще не заражен тлетворными учениями» (9 марта 1862; с. 18).

***

«Митрополит Исидор[2] говорил мне, что теперь в России находятся 50 раскольничьих архиереев и что они посвящают множество попов, которые развелись везде как тараканы» (13 июля 1862; с. 32).

Из рассказа вел. княгини Елены Павловны

«...Когда я была еще очень молода, мне прилучилось с мужем моим быть в лагере. Был какой-то полковой праздник. В походной церкви служилась обедня. К этой церкви приставлена была весьма большая палатка. В ней стояли великие князья и генералы в самое время обедни разговаривали громко и бесстыдно и даже пили шампанское вино. Такое неприличие и такое бесстыдство возмутило мою душу...» (27 марта 1863; с. 43).

***

«...Теперь у нас три политические партии: первая Герценская, умеренная, домогается конституции; вторая, великорусская мечтает о славянской федеративной республике, а третья красная жаждет безначалия и крови, уничтожения монастырей, общения женщин и имуществ и разгульного житья.

Недавно митрополиту Исидору по городской почте прислано письмецо:

"Господин Исидор!

Готовься петь панихиду по Романовым. Не бойся. Не повесим. Впрочем, черт тебя возьми".

Пойманы поджигатели Петербурга – студенты здешняго университета.

Открыт заговор. Заговорщиков 800. В числе их есть литераторы.

О, Господи! Спаси царя и услыши ны в онь же день призовем Тя.

А Петербург горит. Знать ему нужно огненное очищение от множества грехов его» (30 мая 1860; с. 30).

Примечания

[1] Речь идет о так называемом Синайском кодексе, древнейшем и наиболее полном сохранившимся до наших дней манускрипте (IV века), содержащем Библию. Рукопись была найдена еп. Порфирием (Успенским) в монастыре св. Екатерины на Синае, датирована немецким исследователем Тишендорфом, который добился передачи кодекса России и издал его (1862). В 1933 году кодекс советским правительством был продан Британскому музею. В настоящее время в библеистике ведется полемика относительно того, какую рукопись Священного Писания следует считать наиглавнейшей и авторитетнейшей для критического издания Библии. Часть западных ученых считают таковой именно Синайский кодекс, как наиболее древний, в то время как большинство русских исследователей предпочитают византийские рукописи, имеющие более позднее происхождение, гораздо более многочисленные и освященные богослужебной традицией. Интересно в связи с этим мнение открывателя рукописи епископа Порфирия.

[2] Исидор (1799–1892), митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский.

П. И. Яблоков

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ УЕЗДНОМ ГОРОДЕ НЕРЕХТЕ

(публикация подготовлена П. П. Резепиным и И. Х. Тлиф)

***Яблоков Павел Иванович** (1799 – 24.12.1856). Сын священника. Выпускник Костромской духовной семинарии (1822). Учитель (26.02.1823) и штатный смотритель (16.10.1825) Нерехтского уездного училища. Коллежский асессор. Корреспондент Общества любителей российской словесности (рукопись 1827 года «Несколько простонародных слов, употребляемых в Нерехотском уезде»). Имел педагогическое свидетельство Императорского Московского университета (10.12.1831). Был похоронен на Крестовоздвиженском кладбище в Нерехте.*

Сопроводительное письмо при исторической справке о г. Нерехте, составленной смотрителем нерехтских училищ П. Яблоковым 12 марта 1843 года[1]

Господину
костромскому губернскому
директору училищ

Рапорт

Вследствие предписания Вашего Высокоблагородия от 29 октября прошедшего года за № 1400 честь имею представить при сем исторические сведения об уездном городе Нерехте и заштатном городе Плесе, какие только можно было собрать об оных.

Штатный смотритель
Нерехтских училищ
Павел Яблоков

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ УЕЗДНОМ ГОРОДЕ НЕРЕХТЕ[2]

Об основании и образе происхождения Нерехты исторических сведений не находится.

Нерехта в первый раз упоминается 1362 г. в рукописном житии преп. Пахомия Нерехтскаго, основавшаго в 2 поприщах от Нерехты Сыпанов монастырь, на речке Гридеве, изливающейся в Солоницу, а сия в Волгу под Бабаевским монастырем.

В Нерехте свое село с приселками и деревнями в Костромском уезде 1389 г. великаго князя Дмитрия Донскаго супруга Евдокия Константиновна отказала святу старцу Сергию Радонежскому, когда он был еще жив [см. об этом Грамоту в Церковной Рос. истории Митроп. Платона, по из. 1823. 1. С. 212].

В 1406 г. государь Василий Дмитриевич духовною грамотою (из Костромы) Костромскую волость Нерехту отказал супруге своей Софье Витовтовне, а в случае ея кончины сыну своему князю Иоанну [Госуд. Грам. и догов. 1. 73]. Это заве-

© П. И. ЯблоковЕпископ Порфирий (Успенский), 2007

щание великий князь повторил в духовных же грамотах, писанных в 1421 и 1424 гг. с таковым прибавлением, что княгине своей отказывает Нерехту с варницами Бортники, Бобровники и со Княгининским селом [Госуд. Грам. и догов. 1. С. 84].

В 1436 г. князь Василий Косой шел на Нерехту с конною силою против великаго князя Василия Темнаго, стоявшаго с войском в Ростовской области [Архангелогородский Летоп. С. 122]. А в 1462 г. сей последний Государь отказал Нерехту с варницами и пошлинами супруге своей Марье Ярославовне [Госуд. Грам. и догов. 1. 204], почему сия государыня в Нерехте имела своего тиуна Алексея Бобошу и праветчика Якова Курицу, варницы на Нерехте и живущих в них освободили от дани и от подсудности их волостелям и тиунам [Археогр. Акт. 1.61 и между годами 1475–1478; Митрополита Геронтия то же, 77].

В 1504 г. государь Иоанн III духовною грамотою Кострому с Плесом и Нерехтою отказал сыну своему Василию Иоанновичу, а 1572 г. Иоанн IV Плес и Нерехту с Сольми отказал второму сыну своему Феодору, старший же сын его Иоанн тогда был еще жив [Ист. Рос. Госуд. Кар. IX. Примеч.].

Около 1609 г., когда северная Россия ополчилась против поляков, то Нерехта была опустошена и сожжена; собор во имя Бориса и Глеба ограблен; в том числе был сожжен и Сыпанов монастырь [местная рукопись], отчего когда Павел Волынский в 1627 г. описывал Нерехту, тогда половина жилых мест там лежали пустыми, – так же и варницы, которые, вероятно, были сожжены поляками. В 1627 г. четвертую долю Нерехты населяли крестьяне Троицы Сергиева монастыря, вероятно, по случаю обработки соли на нерехтских варницах. Из 21 варницы две Перепелка и Бурко принадлежали Сергиеву монастырю, прочие варницы составляли собственность нерехтчан и некоторых монастырей, как то: Бетюк, Дубрава, Сопыль, Лошак и Пирог, варница Орех была Сыпанова монастыря, Дягиль, Гарышка, Соболь, Казарин и Быль были митрополичьи варницы, Кобель, Медведь, Кропива и Саврас принадлежали Угрешскому монастырю, варницы Ветки Шартомскаго, Соболь Горитскаго из Переславля, Боброк Афанасьевскаго из Ярославля, Чернец Спасскаго монастыря из Суздаля, а Совка моковка Спасскаго Ярославскаго монастыря; для сих варниц были два соляные колодезя на Борисоглебской стороне [Нерехтская писцовая книга Павла Волынскаго].

1634 г., 2 мая привезена Волгою и Солоницею в Нерехту из Ярославля Чудотворная икона во имя Владимирския Богородицы; на тех местах, где была встречена и где произошли во время несения чудеса, построены часовни, а через год для сей иконы построен девичий монастырь, который и назывался Новостретенским, обращенный в 1764 г. в приходскую церковь [«О принесении и чудесах от иконы рукописная повесть»].

В 1654 г. около Нерехты свирепствовал мор, и в Сыпанове монастыре половина братии померла, но в Нерехте мора не было, что приписывают той иконе [та же повесть].

1678 г. Нерехтою проезжал во Флорищеву Пустыню царь Феодор Алексеевич в сопровождении царской фамилии. В Нерехте был несколько дней для отдохновения от пути, причем 6-и летний царевич Петр Алексеевич приложил в Новостретенский монастырь Евангелие, которое доселе цело.

1702 г. Нерехта почти вся сгорела, после чего вместо деревянных построены там каменные церкви: Соборная 1709, Никольская 1724. После того пожары опустошали Нерехту 15 июля 1785, 21 апреля 1815, 17 сентября 1838 г.

В 1778 году Нерехта учинена уездным городом Костромской губернии.

Проезжали Нерехтою: 3 июня 1798 г. Император Павел Петрович с великими князьями Александром и Константином из Казани в Ярославль, а 13 мая 1837 г. цесаревич наследник из Владимира в Кострому.

1843 год

Примечания

[1] ГАКО. Ф. 429, оп. 1, д. 122, л. 903.

[2] ГАКО. Ф. 429, оп. 1, д. 122, л. 904-906 об.

Библиографический список

ГАКО. Ф. 429, оп. 1, д. 47, л. 79; д. 51, л. 107 об. – 108, 294–295 об.; д. 75, л. 337 об. – 338.

ГАКО. Ф. 429, оп. 1, д. 109, л. 206 об.; д. 111, л. 161 об. – 162; д. 115, л. 475 об. – 476.

Сырцов И. Я. 150-летие Костромской духовной семинарии. Кострома, 1897. С. 51.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бадьина Наталья Владимировна, зав.отделом информационных и поисковых систем и автоматизированных архивных технологий ГУ «ГАКО».

Вавилов Андрей Андреевич, диакон, инспектор Костромской духовной семинарии.

Горохова Ольга Вячеславовна, кандидат исторических наук, библиограф Костромской областной научной библиотеки (КОУНБ).

Елизаров Анатолий Михайлович, директор Государственного архива новейшей истории Костромской области.

Иннокентия (Травина), игуменья, игуменья Богоявленско-Анастасьина женского монастыря.

Заливалова Людмила Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и историографии Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова (КГУ).

Зонтиков Николай Александрович, кандидат исторических наук, историк.

Зябликов Алексей Вячеславович, доктор исторических наук, профессор кафедры культурологи и филологии Костромского Государственного Технологического университета (КГТУ), член союза писателей России.

Пушкарев Александр Яковлевич, зам. председателя Костромского Александровского братства.

Насонов Михаил Юрьевич, священник, проректор Костромской духовной семинарии по учебной работе, клирик Богоявленско-Анастасиина кафедрального собора.

Резепин Павел Петрович, краевед.

Сазонов Иван Григорьевич, протоиерей, кандидат богословия, клирик Иоанна-Златоустовского храма г. Костромы.

Сазонов Дмитрий Иванович, протоиерей, кандидат богословия, председатель Костромского церковно-исторического общества.

Соловьев Андрей Авенирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологи и филологии КГТУ.

Сизинцева Лариса Ивановна, кандидат культурологии, зав. историко-краеведческим отделом Костромского музея-заповедника (ГИАИХМЗ).

Тлиф Ирина Халидовна, архивист отдела использования и публикации ГУ «Государственного архива Костромской области» (ГАКО).

Яблоков Павел, штатный смотритель Нерехтских училищ.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО
АРХИЕПИСКОПА КОСТРОМСКОГО И ГАЛИЧСКОГО АЛЕКСАНДРА 3

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО
ГУБЕРНАТОРА КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ В. А. ШЕРШУНОВА 6

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО
РЕКТОРА КОСТРОМСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ
АРХИМАНДРИТА ГЕННАДИЯ (ГОГОЛЕВА) 8

СЛОВО РЕДАКТОРА 13

РАЗДЕЛ I. СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ 15

Сизинцева Л. И.
У ИСТОКОВ ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОСТРОМСКОМ КРАЕ 15

Сазонов И. Г., протоиерей
КОСТРОМСКИЕ АРХИЕРЕИ И СЕМИНАРИЯ
(Участие костромских архиереев в судьбе Костромской семинарии
от ее возникновения 1747 по 1900 гг.) 21

Горохова О. В.
БИБЛИОТЕКИ КОСТРОМСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ 28

Пушкарев А.
КОСТРОМСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ В ГОДЫ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 33

Елизаров А. М.
МУЧЕНИКИ ЗА ВЕРУ 38

Иннокентия (Травина), игуменья
НОВАЯ ЛЕТОПИСЬ КОСТРОМСКОГО
БОГОЯВЛЕНСКО-АНАСТАСИИНА МОНАСТЫРЯ 49

Андрей Вавилов, диакон
ИСТОРИЯ СЕМИНАРИИ В НОВЕЙШИЙ ПЕРИОД 62

РАЗДЕЛ II. К ДУХОВНЫМ ИСТОКАМ 71

Тлиф И. Х.
КУЛЬТУРНАЯ ШКОЛА 71

Соловьев А. А.
ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ
В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ. 76

Зябликов А. В.
РУССКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ДИСКУССИЯХ О МИРСКОЙ
И НЕБЕСНОЙ СУЩНОСТИ ЦЕРКВИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ. 87

Бадьина Н. В.
ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИЕ ШКОЛЫ В СИСТЕМЕ
НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ 101

Резапин П. П.
РЕКТОРЫ КОСТРОМСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ (1747-1918) 110

Зонтиков Н. А.
ОДИН ИЗ ПОСЛЕДНИХ: Н. И. СЕРЕБРЯНСКИЙ 127

Сазонов Д. И., протоиерей
ОБРАЗ БУДИ ВЕРНЫМ: АРХИЕПИСКОП ФЕДОР (ПОЗДЕЕВСКИЙ) 134

РАЗДЕЛ III. ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ 143

Заливалова Л. Н.
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИСТОРИИ
В ТРУДАХ Ф. И. УСПЕНСКОГО 143

Епископ Порфирий (Успенский)
КНИГА БЫТИЯ МОЕГО: ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ДНЕВНИКА
ЕПИСКОПА ПОРФИРИЯ (УСПЕНСКОГО)
(Текст подготовил иерей М. Ю. Насонов) 149

Яблоков П.
ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ УЕЗДНОМ ГОРОДЕ НЕРЕХТЕ 154

СВЕТОЧЬ

АЛЬМАНАХ

Главный редактор
протоиерей Дмитрий Сазонов

Компьютерная верстка Т. В. Горлова

Подписано в печать 10.11.2007
Формат 60x90/8
Уч. изд. л. 13,0
Тираж 100 экз.
Изд. № 295

Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова
156961, Кострома, ул. 1 Мая, 14

АРХИЕПИСКОП КОСТРОМСКОЙ И ГАЛИЧСКИЙ
АЛЕКСАНДР
(НА КАФЕДРЕ С 1989 Г.)
ВОЗОБНОВИТЕЛЬ КОСТРОМСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ
(1996)